

ЕЖЕГОДНИК МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

1944 г.

Том I

**ИЗДАНИЕ МУЗЕЯ МОСКОВСКОГО
ОРДЕНОВ ЛЕНИНА И ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ТЕАТРА СССР
имени М. ГОРЬКОГО
МОСКВА
1 9 4 6**

С. Д. Балухатый

К. переписке
Вл. И. Немировича-Данченко
и
К. С. Станиславского
с
А. П. Чеховым

Во время печатания этой книги в Ленинграде скончался проф. С. Д. Балухатый, доктор искусствоведческих наук, член-корреспондент Академии Наук СССР.

Нижепубликуемая статья была одним из его последних трудов. Ежегодник Художественного театра лишился ценного сотрудника, талантливого исследователя русской литературы и театра, всегда с особенным увлечением занимавшегося литературно-сценическим наследием А. П. Чехова и М. Горького.

Перед советским театроведением давно стоит задача, ею еще не выполненная, — написать историю Московского Художественного театра. Театр, существующий уже около полувека, оказавший влияние на всю театральную культуру новейшего времени, воспитавший поколения зрителей, породивший огромную критическую литературу и немало ценных книг об отдельных примечательных моментах своей истории, — тем не менее еще не получил целостного освещения картины своего возникновения и долголетнего развития.

В какой-то мере это можно объяснить тем, что в распоряжении историков-театроведов нет достаточного числа архивного, эпистолярного и документального материала, что не установлены ведущие вехи в эстетических исканиях руководителей Художественного театра, не разработан тот историко-сценический и историко-драматургический фон, который с конца 90-х годов XIX века до первых лет Великой социалистической Октябрьской революции сопутствовал работе МХТ.

Высоко авторитетными очерками истории МХАТ являются известные мемуарные книги самих основателей и руководителей театра — К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, которые определили в исторической перспективе идеи, положенные в основу театральной эстетики МХТ.

Для изучения путей Художественного театра большое значение имеет также ряд отдельных монографий о деятелях МХТ и спектаклях, написанных историком МХТ Н. Е. Эфросом. Монографии эти наполнены первоклассным материалом, личными воспоминаниями и впечатлениями современника.

Историкам театра дана прекрасная возможность отталкиваться на первых порах от этих источников и вести далее более углубленный рассказ об этапах развития театральной мысли и сценической практики вдохновителей и первоучастников жизни театра.

Публикуемые письма Немировича-Данченко и Станиславского к Чехову относятся к раннему этапу существования МХТ, документи-

руя по свежим следам истории театра наиболее важные, принципиально значительные ее моменты, — и в этом их исключительное познавательное значение.

Письма Чехова к Немировичу-Данченко и Станиславскому, хотя и не в полном виде, были известны в печати и многократно цитировались в литературе. Письма же корреспондентов Чехова впервые в отрывках появились в комментариях двух советских изданий полного собрания сочинений Чехова 1929 и 1930—1933 годов. Но опубликованные фрагменты не давали читателю возможности представить все значение этой переписки, и лишь сейчас, с опубликованием всех писем руководителей театра к Чехову, является возможность оценить по достоинству эти материалы.

Письма и телеграммы Немировича-Данченко к Чехову идут издавна, еще с 1888 г.; первые из них, видимо, относятся к начальному году их знакомства, последние написаны в год смерти Чехова. **Большое, многообразное** содержание этих писем интересно в тройном отношении: для представления о Немировиче-Данченко — человеке, писателе, театральном деятеле; для раскрытия образа Чехова с новых для читателя сторон, по характеристикам его корреспондента; для понимания тех эстетических идей, которые волновали их обоих.

Из писем встает перед нами образ Немировича-Данченко, человека широко-образованного, высоко-талантливого и глубоко-наблюдательного. Огромный интерес к жизни, жадная любовь к литературе и театру, неутомимый труд, всегда направленный к ясно и определенно поставленной цели — его органические черты. В письмах мы найдем следы его исключительной организаторской, как он сам скажет, «энергии труда», его удивительной, всегда планомерно используемой, работоспособности. Характерно такое высказывание Немировича-Данченко в пору наиболее напряженной работы его в МХТ: «Если бы ты знал, сколько дела! Фу! Знаешь ли, — я недавно высчитал, — я 21 месяц не имел пяти дней полного безмятежного отдыха! Был 3—4 дня в дороге, а то все время работа, работа, работа!» (3 февр. 1899 г.). И письма Немировича-Данченко полны сведений о конкретных делах, которые непрерывно обступали его, как преподавателя, организатора, режиссера молодого театра.

Он писал в ноябре 1903 г.: «В 12½ у меня урок. В 2 часа другой урок. В 3 — репетиция двух сценок из «Одиноких». В 4 — заседание Правления. В то же время надо прослушать задки «Одиноких» и принять человек 10 никому ненужных людей. Вот тебе мое утро» (ноябрь).

Немирович тесно сблизился с Чеховым еще до постановки «Чайки», перейдя с ним на дружеское «ты» (что в личных связях Чехова с другими лицами было крайне редко), и с этого времени все чаще в его письмах встречаются откровенные, интимные нотки. Только Чехову, как другу, мог Немирович сделать признание в 1899 г.: «Когда еще я смогу сказать тебе: *feci, quod, potui* — потому что мне все будет казаться, что «можем» еще и еще! А между тем я часто быстро дряхлею, плохо сплю и нервы мои не довольствуются тихим, покойным, чисто физическим отдыхом, а вызывают к вредной, острой

Angus T. S. S.

перемене ощущений, — тем волнениям, которые встречаются только в театральной атмосфере. Мне 40 лет, и я все чаще и чаще думаю о близости конца, и это меня волнует и торопит, торопит и работать, и удовлетворять личный эгоизм». Или — о нарастающем у него новом чувстве к людям: «Вообще, скажу тебе на ушко, что чувство жалости к людям, которое меня сильно охватывало лет 8—10 назад, снова забирает меня. Одно время я, было, стал бодрее, как бы почувствовал больше железа в крови. А теперь это чувство переходит у меня как бы в философскую систему» (1900 г.). Интимные строки мы найдем и в ряде других писем — по поводу ли своего нежелания встречаться с людьми вне театрально-художественной среды или по поводу ущемления своего самолюбия: «но я больше люблю себя, когда сдавливаю свое самолюбие, чем когда даю ему волю и скандалю» (ноябрь, 1903 г.).

Есть одна определенная нота, которая проходит через всю переписку Немировича-Данченко, — это нота безусловного доверия к уму, душевному пониманию, высокому чутью Чехова, которое не только позволяет Немировичу-Данченко быть откровенным с ним по многим большим и малым вопросам, но и стремиться найти в советах и репликах Чехова разрешение своих сомнений, получить подтверждение своим наблюдениям. В этом смысле показательным письмо от 22 ноября 1896 г., в котором Немирович-Данченко, под наплывом мыслей о старой и новой сцене, высказывает страстное желание поделиться ими именно с Чеховым и только с Чеховым. Письмо это, показывая, какое значение имела личность Чехова для Немировича-Данченко, в то же время примечательно и прямыми оценками черт характера Чехова, неприемлемыми для Немировича-Данченко («такой несообщительный характер», «все мы, даже и ты, какие-то неуравновешенные или малоубежденные в писательском смысле», «столько дьявольского самолюбия или, вернее сказать, скрытности»). Письмо дает беглые, но острые портреты литераторов-современников, полно чувства самосознания, тронута душевной скорбью, — и понятно, что Чехов ответил на него одним из самых интимных своих писем, в котором скрытность людей объяснил общественным «инстинктом самосохранения», а отсутствие серьезных разговоров тем, что — «у нас нет политики, у нас нет ни общественной, ни кружковой, ни даже уличной жизни, наше городское существование бедно, однообразно, тягуче, неинтересно», что как литераторы «мы увязли в нашу профессию по уши, она исподволь изолировала нас от внешнего мира» (26 ноября).

Свое доверие к Чехову Немирович-Данченко сохраняет на всем протяжении переписки, что приводит к самораскрытию его душевного состояния во многие моменты его жизни и работы.

Внутренний облик Немировича-Данченко обнаруживается и в его отношении к Чехову-писателю, художнику современной эпохи. Здесь следует упомянуть не столько об отдельных отзывах Немировича-Данченко по поводу произведений Чехова, сколько об общем отношении к художественному облику Чехова-писателя, о том в чеховском творчестве, что, по слову Немировича-Данченко, «утоляет наши души», о чувстве «тоскливого тяготения к близким моей душе мелодиям твоего пера». И Немирович-Данченко продолжает: «Кончатся твои

песни и — мне кажется — окончится моя литературно-душевная жизнь» (февраль, 1903 г.). Немирович-Данченко возражает Чехову против возможной его мысли, что он, как художник, «уже не нужен», такими словами: «Есть целое поколение моложе нас, не говоря уж о людях нашей генерации, которым чрезвычайно необходимы твои новые вещи. И я бы так хотел вдохнуть в тебя эту уверенность!» Правда, ни в одном своем письме Немирович-Данченко не скажет в ясной формулировке, в чем же он видит красоту и обаяние чеховских образов, — его понимание смысла и направленности эстетики Чехова мы угадываем из совокупности его замечаний об отдельных образах Чехова и из того режиссерского толкования его пьес, которое и является содержанием наиболее развернутых писем Немировича-Данченко.

Внимание к Чехову, как к выдающемуся писателю-современнику, нарастало у Немировича-Данченко, судя по его письмам, по мере появления в печати значительных произведений Чехова. Письма скупно отражают интерес Немировича-Данченко к прозе Чехова. Мы встретим отзыв о произведениях: «Дуэль» («Лучшее из всего, что Вы до сих пор написали»), «В усадьбе» («Классическая пьеса, уверяю Вас. Делает подавляющее впечатление. Даже среди Ваших рассказов это из лучших»), «О любви» и «Крыжовник» («Хорошо — хорошо, потому что есть и присущий тебе колорит, как в общем тоне, так и в языке, и еще потому, что очень хорошие мысли»), «Душечка» («Какая прекрасная штука! «Душечка» — это не тип, а целый «вид». Все женщины делятся на «душечек» и какой-то другой вид, причем первых — 95 %, а вторых только 5. Прекрасная вещь»), «Мужики» («Читал с огромным напряжением»). Немирович-Данченко следит за новинками Чехова, за их успехом у читателей и критиков. Он высоко оценил фельетон «В Москве», появившийся в «Новом Времени» под псевдонимом Кисляев, и правильно угадал, что его автор — Чехов. «Это был прямо замечательный фельетон и по-моему его никто не мог написать, кроме Вас».

Немирович-Данченко ожидал значительных прямых следствий для литературной работы Чехова от его поездки на Сахалин, предполагая, что его больше занимают «типы, чем тюрьмы» и писал ему: «Вы приготовили себе отличную почву для нового периода Вашей деятельности. Только не надо забывать ее. Вас, пожалуй, охватит какая-нибудь новая идея и Вы уклонитесь от своего настоящего дела. Боже избави!» (июль, 1890 г.).

Но в центре внимания в письмах Немировича-Данченко — драматургия Чехова. Первая пьеса Чехова «Иванов», в момент своего сценического успеха на петербургской сцене в 1889 г., не вызвала восторженного отзыва Немировича-Данченко. Ему казалось, что пьеса является лишь эскизом к большой содержательной драме, что он и высказал Чехову в письме: «... «Иванова» я не буду считать в числе Ваших лучших вещей. Мне даже жаль этой драмы, как жаль было рассказа «На пути». И то и другое — брешьончики, первоначальные наброски прекрасных вещей» (март, 1889 г.). И лишь много лет спустя, в пору своих новаторских сценических исканий, Немирович-Данченко переоценил эту пьесу, еще не совсем новаторскую по принципам своего построения, найдя в ней, наряду с «Чайкой», «дивные изображе-

ния жизни и человеческой души». После работы над «Вишневым садом» Немирович-Данченко ставит отдельные акты «Иванова» в театральной школе, считая к этому времени «Иванова» выдающимся произведением: «Вот это перл! Лучше всего, кажется, что тобой написано». И, как известно, в год смерти Чехова Немирович-Данченко осуществил под своим режиссерством постановку «Иванов» на сцене МХТ (сезон 1904—1905 гг.).

Другая ранняя пьеса Чехова — «Леший», написанная вслед за «Ивановым», категорически была отвергнута Немировичем-Данченко, ввиду полного несоответствия принятым и казавшимся в ту пору Немировичу-Данченко неизбежным сценическим условиям. Примечательно не то, что Немирович-Данченко, как это видно из письма, присоединился в оценке пьесы к словам Ленского, что Чехов «чересчур игнорирует сценические требования», но то, что он принял их с принципиальной оговоркой. Он считал, что у Чехова нет «презрения» к этим требованиям, но «скорее — простое незнание их», — и здесь же Немирович-Данченко признался, что понимает «сценичность» не так, как понимают «знатоки», не с критерием «сценических приемов и эффектов», — но с критерием внутренней художественности: «... жизненные яркие лица, интересные столкновения и правильное развитие фабулы — лучший залог сценического успеха. Не может иметь успеха пьеса без фабулы, а самый крупный недостаток — неясность, когда публика никак не может овладеть центром фабулы. Это важнее всяких сценических приемов и эффектов» (ноябрь, 1889 г.). И здесь же Немирович-Данченко знаменательно говорит по адресу Чехова: «И с моей точки зрения, Вам легко овладеть сценой». Несмотря на противодействие Немировича-Данченко сценическим принципам, на которых был построен «Леший», письмо это замечательно тем, что здесь уже намечился тот общий сценический язык, на котором потом будут говорить оба корреспондента.

Усиленный интерес к Чехову-драматургу Немирович-Данченко проявил через ряд лет после появления «Чайки», когда постепенно, но уверенно и настойчиво Немирович-Данченко стал втягивать Чехова в театральные интересы и дела. В примечательном письме от 25 апреля 1898 г. Немирович-Данченко впервые сообщал, что «поплыл в театральное дело» и с этого времени в течение шести лет Немирович-Данченко вводил Чехова во все подробности нового своего предприятия, переживал с ним сценические успехи и неудачи, делился своими художественными исканиями, проникновенно обсуждал особенности новой драматургии Чехова. Впервые из этой богатой множеством фактов и исключительно содержательной переписки читатель узнает о тех многообразных связях, которые тесно соединяли Чехова с новым театральным делом России, и о той роли, которую играл Чехов на начальных этапах развития МХТ не только в качестве драматурга, но и внимательного и всестороннего советчика. Письма Немировича-Данченко раскрывают конкретное содержание активной деятельности Чехова, как «сосьетера», пайщика нового театра. В сознании Немировича-Данченко деятельность этого театра органически связывалась как с творческими замыслами Чехова, так и с прямыми советами в новом деле Чехова-критика, ценителя драматических произведений. Не на все вопросы, которые ста-

вил Немирович-Данченко перед Чеховым, он получал от него ответы. Но, полагаясь на безошибочное эстетическое чутье Чехова и на его врожденное сценическое чувство, он ищет в переписке опоры своему художественному начинанию, равно как и своему самочувствию, и тем самым увереннее решает для себя волнующие его вопросы. В этом отношении письма Немировича-Данченко представляют собою дружескую информацию для Чехова и интимный дневник для себя, — дневник, посвященный внутренней истории театра.

В письме от 25 апреля 1898 г., с которого, собственно, и начинается долголетняя беседа Немировича-Данченко с Чеховым по театральным вопросам, Немирович-Данченко писал о начальных замыслах будущего театра, обсуждал его возможный репертуар, его художественные принципы в исполнительстве и в постановке и просил у Чехова разрешения поставить «Чайку», невзирая на провал пьесы в Александринском театре. Новаторские стремления Немировича-Данченко уже на этом этапе целиком вдохновлялись образами и конструкцией этой пьесы, и Немирович-Данченко providенциально утверждал: «Последняя особенно захватывает меня, и я готов отвечать чем угодно, что эти скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы при умелой, небанальной, чрезвычайно добросовестной постановке захватят и театральную залу. Может быть, пьеса не будет вызывать взрывов аплодисментов, но что настоящая постановка ее с свежими дарованиями, избавленными от рутины, будет торжеством искусства, — за это я отвечаю». Четко и уверенно Немирович-Данченко формулирует в этом письме свое художественное credo, отстраняясь от старого искусства, — и трудно себе представить, чтобы к этим эстетическим формулировкам, выдвигаемым в «борьбе с рутинной, шаблоном, признанными гениями», остался равнодушен Чехов, боровшийся своими художественными образами с застарелым искусством. Однако, Чехов, потерпевший ранее неудачу с «Чайкой» (как и до этого с «Лешим»), на первых порах не решался отдать ее симпатичному по задачам, но еще не определившемуся на практике театру. Он колебался. Но настойчивый тон Немировича-Данченко, заверявшего его, что «Чайка» — «единственная современная пьеса, захватывающая меня, как режиссера, а ты — единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром» (май 1898 г.), и горячее увлечение Немировича-Данченко новым делом, а также ясные для Чехова симптомы нового, во всех сценических отношениях, предприятия решали вопрос в положительном смысле. Пьеса была поставлена МХТ, и с этого времени ее автор навсегда был связан со смелыми, изобретательными, всегда беспокойными вдохновителями и созидателями нового театра.

Немирович-Данченко писал Чехову о новых своих театральных затеях, втягивал его в литературно-кружковую жизнь, вводил в обсуждение репертуара, — чему посвящено много строк в письмах, — сообщал о внутренней жизни театра и самочувствии труппы, делился успехом театра, говорил о «влюбленности» труппы в обаятельное мастерство «любимого друга театра», давал развернутые оценки критикам пьес Чехова, многократно подбивал на писание пьес специально для нового театра. Так, после успеха «Чайки» Немирович-Данченко писал:

«Не непременно напиши новую пьесу нам»; после постановки «Дяди Вани»: «...Театр без одного из китов закачается. Ты должен написать, должен, должен!»; после премьеры «Трех сестер»: «В конце-концов я остаюсь при решительном убеждении, что ты должен писать пьесы. Я иду очень далеко: бросить беллетристику ради пьес. Никогда ты так не развертывался, как на сцене».

Из писем Немировича-Данченко видно, что Чехов, общаясь непосредственно или письменно с деятелями театра, был активным участником дел молодого коллектива. Чехов с первых же шагов новой деятельности Немировича-Данченко определенно заинтересовался делами нового театрального предприятия. Это видно хотя бы из его признания в письме к Немировичу-Данченко от 21 октября 1898 г.: «Пиши, как и что, как на артистов подействовал успех первых представлений, как «Чайка», какие перемены в распределении ролей и проч., и проч. Судя по газетам, начало было блестящее — и я очень, очень рад, так рад, что ты и представить себе не можешь. Этот Ваш успех — еще раз лишнее доказательство, что и публике, и актерам нужен интеллигентный театр» (Письма Чехова, том V, 1915 г., стр. 240). И с этого времени Чехов пристально следит за работой Немировича-Данченко и Станиславского, — причем свое восхищение перед талантливо развертывающимся делом он предпочитал высказывать крайне скупой и, по преимуществу, в письмах другим корреспондентам. Так, в письме того же времени к своему таганрогскому корреспонденту П. Иорданову он советовал побывать на спектаклях нового театра, прибавляя: «*Mise en scène* удивительная, еще небывалая в России» (там же, стр. 221), а о спектакле «Чайки» писал: «Постановка изумительная» (там же, стр. 320).

Его советы в репертуарных вопросах были авторитетны для театра и, в сущности, во многом определили его литературно-художественную линию. Немирович-Данченко совместно с Чеховым намечал распределение ролей в пьесах, исходя из индивидуальных дарований артистов и из особенностей художественного образа. Чехов изредка бывал на репетициях и хотя его критические замечания на них были крайне скудные, — они всегда относились к существенным сторонам трактуемого образа (См. записи слов Чехова артистами МХТ в альм. «Шиповник», кн. 23). Чехов принял на себя заботы о задуманном театром издании пьес с мизансценами. Ему принадлежит инициатива изменения первоначального названия «Художественно-Общедоступного театра» — на «Художественный театр».

И все же наиболее значительными в историко-театральном отношении, богатыми эстетическими соображениями и сценическими подробностями, а также исключительно ценными для понимания основных позиций молодого театра и его новаторской практики, являются многочисленные письма Немировича-Данченко к Чехову, в которых идет речь о постановках пьес Чехова в Художественном театре.

О «Чайке» Немирович-Данченко повел разговор с самого начала своего театрального дела. Ставя своей целью всестороннее обновление театра, радикальную его реформу, Немирович-Данченко, как литератор с огромным художественным чутьем, немалое внимание уделял прежде всего поискам нового репертуара, стремясь найти такой образный ма-

териал, который властно требовал бы принципиально новой сценической интерпретации. Ведь Немирович-Данченко, как это видно из его слов в письме к Чехову, исходил из убеждения, что «сцена с ее условиями на десятки лет отстала от литературы». Новый театр, утверждающий принципы искусства, разрушающего старые театральные каноны в игре, в режиссуре, в сценическом оформлении, в подходе к материалу, в самом понимании сущности реализма на сцене, — естественно должен был с наибольшей резкостью отразить в своей практике отказ от старого театрального искусства. Он должен был стать подчеркнуто протестантским театром, демонстративно ниспровергающим привычные шаблоны, категорически и явным образом отвергающим все то, что доселе казалось спецификой театрального действия, специальными его условиями, которые нельзя ни снять, ни корректировать. Вот почему и репертуарные искания Немировича-Данченко должны были привести его к выбору для театра, в качестве отправного материала, не пьесы в старой, хотя и прекрасной манере и с богатыми сценическими возможностями, как «Царь Федор», но непременно пьесы современной и притом осуществленной в определенно обновленной форме.

Опора на современный материал, да еще из русской действительности, ближе всего знакомой зрителю по множеству ассоциаций, имела и другое принципиальное значение. Театр, по более позднему определению Немировича-Данченко в его воспоминаниях, хотел отвести от зрителя впечатление от «знакомой сцены», но хотел дать ощущение «знакомой жизни», знакомой и по материалу и по методу сценического воспроизведения жизненной правды. Этому Немирович-Данченко придавал большое и даже решающее значение. Его не мог удовлетворить выдающийся успех «Царя Федора», так как он и тогда знал, что спектаклем этой пьесы Художественный театр «был открыт, но новый театр еще не родился». Вот почему с момента возникновения идеи нового театра взоры Немировича-Данченко были обращены к Чехову.

Новаторские структурные особенности «Чайки» достаточно разъяснены в драматургической науке, и нам нет необходимости сейчас на них останавливаться, да и в письмах Немировича-Данченко о них не говорится прямо, хотя они и подразумеваются. Из писем Немировича-Данченко видно, что пьеса Чехова, написание которой, — или вернее, на обращение Чехова к драматической деятельности вообще, — подбивал в свое время Немирович-Данченко, увлекала его. Говоря о пьесе, Немирович-Данченко тотчас переходил на разговор о необходимости борьбы со старым, рутинным театром и на противопоставления театру, неспособному к созданию освеженных образов, — новой эстетики, отвергающей драматургический шаблон. Немирович-Данченко это формулировал словами: «Наш театр начинает возбуждать сильное... негодование императорского. Они там понимают, что мы выступаем на борьбу с рутиной, шаблоном, признанными гениями и т. п. И чувствуют, что здесь напрягаются все силы к созданию художественного театра. Поэтому было бы очень грустно, если бы я не нашел поддержки в тебе» (25 апреля 1898 г.). Провал пьесы на казенной сцене положил начало, по словам Немировича-Данченко, «чувству необыкновенной отчужденности от Петербурга с его газетами, актерами, гениями

дня, пошляческими стремлениями под видом литературы и общественной жизни». «Враждебное чувство развивается — и это мне нравится», — говорит Немирович-Данченко, и это, видимо, потому, что оно возбуждало его к стремлению энергично взяться за всесторонние организационные реформы в театре. «Чайка» была превосходным отправным художественным материалом для этого грандиозного, трудного и смелого замысла. «Непониманию лиц и настроения» «Чайки», обнаруженному в Александринском театре, надо было противопоставить такую интерпретацию всей пьесы, которая передала бы «аромат и настроение», окутывающие ее действующих лиц. Знаменательны: уверенный тон, сознательность цели и ясность средств достижения ее, которые сказались в письмах Немировича-Данченко этого времени и которые сопутствовали вообще всей его дальнейшей театральной деятельности.

Чехов внял просьбам Немировича-Данченко, сила убеждения режиссера-энтузиаста Немировича-Данченко победила, — и «Чайка» была отдана молодому театру. С этого времени большая серия писем Немировича-Данченко посвящена обсуждению тех режиссерских принципов и приемов, которые должны были не только сценически реабилитировать пьесу в глазах публики, но и вскрыть ее глубокое содержание. Немирович-Данченко упорно ищет средств выражения в спектакле того, что он считает особо важным в пьесе Чехова — настроения. Он сообщает Чехову о своей практике — вести перед читкой пьесы длительные беседы с артистами; пишет о поисках мизансцен; подробно обсуждает необходимость предпочесть в исполнении оригинальных чеховских образов пьесы «молодость и художественную неиспорченность актеров их опыту и выработанной рутине»; останавливается на распределении ролей, характеризуя индивидуальные качества молодых артистов своей труппы. Письма и оценки в них Немировича-Данченко, с исключительным вниманием и чуткостью проанализировавшего художественную ткань пьесы, стремились разрушить последние сомнения, которые могли быть у Чехова, рискнувшего отдать свою пьесу молодому, но смелому театру. Не потому ли Немирович-Данченко так горячо писал Чехову о растущем и захватывающем интересе всей труппы к работе над пьесой и о своем вдохновенном восприятии драматического таланта Чехова: «Никогда я не был так влюблен в твой талант, как теперь, когда пришлось забираться в самую глубь твоей пьесы» (24 августа 1898 г.). Немирович-Данченко не скрывал от Чехова, что возможный успех задуманного спектакля по существу решал судьбу дерзких новаторских замыслов руководителей театра, судьбу их художественного реноме, что он и выразил такими словами: «Успех «Чайки» — вопрос моего художественного самолюбия, и я занят пьесой с таким напряжением, какое у меня бывает, когда пишу сам» (август 1898 г.).

Постановка «Чайки» в МХТ завершилась колоссальным успехом, внешнюю и внутреннюю историю которого Немирович-Данченко описал в большом, богатом сценическими подробностями, письме. Его и теперь нельзя читать без волнения и восторга: Художественный театр открыл этим спектаклем новую страницу в развитии мировой сцены. Письмо это (16—21 декабря 1898 г.) — взволнованный отчет Немировича-Данченко о спектакле-триумфе, о длительной и напряженной

работе, о самочувствии режиссеров и актеров, о состоянии зрительного зала — является важнейшим документом, передающим весь пафос работы на начальном и наиболее важном этапе жизни нового театрального организма.

Вслед за «Чайкой» МХТ взялся за постановку «Дяди Вани», до этого не без успеха шедшего на провинциальной сцене, но еще неизвестного столичным театрам. Письма Немировича-Данченко за октябрь 1899 г., наполнены заботами и тревогами за трудно поддававшийся спектакль, посвящены выбору исполнителей ролей, обсуждению образов пьесы, вдумчивой оценке игры на репетициях. Спектакль на премьере не имел шумного успеха, подобного «Чайке», и Немирович-Данченко объективно анализировал его неудачные и удачные стороны, считая справедливым неровное отношение зрителей к отдельным сторонам спектакля. Но в целом Немирович-Данченко оценил все же «Дядю Ваню», как «большое явление в нашей театральной жизни». Особого внимания заслуживают в подробном письме Чехову от 27 октября 1899 г. характеристики актерской игры с учетом артистических индивидуальностей и условий репетиционной работы. В этом письме с особой наглядностью сказались исключительное психологическое чутье Немировича-Данченко, его высокая способность анализа артистических данных и безукоризненное чувство сценичности. Письмо обнаруживает весь внутренний облик Немировича-Данченко: его трезвый взгляд на вещи, отсутствие самоуспокоенности, быстро растущее и далеко идущее требование совершенных форм театрального искусства.

Несмотря на то, что первый спектакль шел, по определению Немировича-Данченко, с «соринками», он в целом удовлетворил его. Вл. И. уверовал в спокойный успех пьесы и постановки, сознавшись, что «как-никак, это наиболее интересная вещь сезона». Уверенность Немировича-Данченко сказалась в его телеграмме после второго спектакля: «Пьеса слушается и понимается изумительно. Играют теперь великолепно. Прием — лучшего не надо желать. Сегодня я совершенно удовлетворен» (30 октября 1899 г.). Знаменательно, что постановке «Дяди Вани» Немирович-Данченко придавал не меньшее значение для нового театрального дела, чем постановке «Чайки». В его понимании успех новой постановки, т. е. еще одна очевидная победа новых психолого-реалистических сценических принципов, не только декларировала, но уже закрепляла за театром ту линию, которую он избрал в качестве основоположной. Успех второй пьесы Чехова внушал Немировичу-Данченко необходимость опираться и впредь на избранного автора. Театр, таким образом, окреп в своем принципе и нашел к тому же своего драматурга. Вот почему значение нового спектакля Немирович-Данченко определил такими словами: «Для меня постановка «Дяди Вани» имеет громаднейшее значение, касающееся существования всего театра. С этим у меня связаны важнейшие вопросы художественного и декорационно-бутафорского и административного характера. Поэтому я смотрел спектакль даже не как режиссер, а как основатель театра, озабоченный его будущим» (27 октября 1899 г.). В последующие годы «Дядя Ваня», по словам Немировича-Данченко, имел «полный и превосходный» успех на гастролях в Петербурге и, как известно, надолго

остался в театре в качестве любимого спектакля для ряда поколений зрителей.

В письмах Немировича-Данченко мы не найдем следов предварительной работы режиссера над пьесой «Три сестры», потому что в пору работы театра над пьесой Чехов непосредственно сносился с руководителями театра и даже присутствовал на постановочных репетициях. Режиссерский план постановки принадлежал Станиславскому, а Немирович-Данченко, просмотрев уже сложенную им композицию, вошел в работу на завершительном ее этапе. Обширное письмо Немировича-Данченко от 22 января 1901 г. дает Чехову представление о том, как понималась фабула пьесы Станиславским и Немировичем-Данченко, как трактовался бытовой фон, как распределялись роли и как трактовались они артистами. Письмо является ценнейшим режиссерским комментарием к художественным образам сложной пьесы Чехова и документом режиссерской оценки намеченных для спектакля исполнителей.

Тонкое восприятие всего течения пьесы, правильное понимание соотношения фона и лиц, ясная художественная задача, поставленная Немировичем-Данченко при сценическом воспроизведении жизненного материала — характеризуют безукоризненно правильное понимание им художественной ткани произведений Чехова, возросший вкус режиссера-новатора.

Проникновение в систему образов пьесы, художественное корректирование сценического ее восприятия подсказали Немировичу-Данченко-режиссеру купюры в 4-м акте, в свое время намеченные Чеховым. Это — не единственный, хотя и очень редкий случай, когда режиссеры театра, сценически трактуя Чехова, вносили, — однако, всегда с ведома автора, — существенные изменения в текст пьесы.

Первые телеграммы Чехову после спектакля пьесы на гастролях в Петербурге говорили о несомненном, хотя и не безоговорочном («второй акт показался длинным»), успехе пьесы у зрителей. Однако не по этой одной сценической трещинке определился в дальнейшем конфликт автора со зрителем.

Немирович-Данченко кратко, но точно сообщал Чехову основные оценки пьесы и спектакля газетной критикой (в «Петербургской газете», «Биржевых ведомостях», «Новом времени», «Новостях», «России»), в которых определились два отдельных восприятия: спектакль по постановке и исполнению был оценен, как превосходный, во все время гастролей «успех театра и артистов рос с каждым спектаклем, интерес прямо небывалый»; но пьеса зрителем не была принята из-за беспросветного, сгущенного пессимизма, из-за отсутствия ответа на вопрос — куда идти? Большая часть русской интеллигенции — зрителей Художественного театра — ощущала в эту пору острую необходимость категорического выхода из наболевших мировоззренческих и общественных вопросов, — вопросов, так ясно поставленных, но не разрешенных любимым писателем. Конфликт этот не освещен в переписке Немировича-Данченко, видимо, потому, что предполагался разговор на эту тему при личной встрече корреспондентов. Немирович-Данченко писал Чехову из Севастополя: «Очень бы хотел повидать

тебя, да порассказать подробно о судьбе твоих пьес». Встреча не состоялась, но направление мыслей Немировича-Данченко можно угадать из следующего его письма, в котором Немирович-Данченко высказывает свое мнение по поводу полемики между двумя критиками из газеты «Новое время».

Успех спектакля «Три сестры» в Петербурге и Москве, высокая оценка режиссерского таланта художественных руководителей, восприятие новых постановок театра и среди них чеховских пьес, как «событий», не могли не удовлетворить полностью эстетических запросов Немировича-Данченко. Взятая им сценическая линия оказалась художественно оправданной; было признано, что МХТ оказался на высоте прекрасных в литературном отношении пьес, дав в современной театральной практике единственно правильное понимание драматургии Чехова. Спектакли пьес Чехова вызвали повышенный интерес передового зрителя к идеям и образам драматурга, так свежо, жизненно и убедительно трактованным в новом театре. Все это укрепляло правду нового художественного направления в глазах основателей молодого театра и делало еще крепче дружескую связь драматурга с его сценическими интерпретаторами. Театр на данном этапе своего развития обрел нужного ему драматурга, и Немирович-Данченко отныне в своих письмах к Чехову всегда будет подчеркивать их «родственную» поэтическую связь. Это определение взято нами из более позднего — 1903 г. — письма Немировича-Данченко, завершающего его разговор о постановке «Трех сестер». Письмо это привлекательно своей темой, свободной от деловых разговоров, своей неожиданной лиричностью, поэтической душевностью. Немирович-Данченко-зритель последующих спектаклей «Трех сестер» и «Дяди Вани» передает свое впечатление от пьес Чехова, от своей постановочной работы и декораций В. Симова — и заключает: «И вот опять на меня с такой силой пахнуло духом твоей поэзии, таким родственным моей душе и таким необходимым в жизни нашего театра» (апрель, 1903 г.).

Если «Три сестры» писались Чеховым лишь в некотором расчете на исполнение силами Художественного театра, то при писании «Вишневого сада», как это видно из писем Чехова, он полностью ориентировался на режиссерские и постановочные возможности МХТ, а главное — на индивидуальные особенности его артистического коллектива. И театр свыкся с мыслью, что новая пьеса любимого современного писателя явится ведущей в очередном театральном сезоне. В сезон 1901—1902 г. полоса «Чеховская» сменилась в театре «Горьковской» (постановка «Мещан»), однако, с конца этого сезона письма Немировича-Данченко полны ожиданием новой пьесы Чехова. Но для Чехова наступила труднейшая жизненная полоса, отягощенная неумолимой болезнью. Попрежнему пространно, открыто, охватывая многие стороны жизни театра, Немирович-Данченко пишет Чехову и одновременно часто, настойчиво и нетерпеливо напоминает, что театр с волнением ожидает новых его образов: «... Мой идеал будущего сезона театра — открытие его 1 октября твоей новой пьесой»; «без твоей пьесы сезон будет отчаянный!»; о репертуаре 1903 г.: «Чехов. Новая. Козырный туз»; «Я совершенно уверен, что ты войдешь теперь в стены своего театра с новой пьесой»; «Ужасно надо твою пьесу! Не только театру, но и во-

«общее литературе»; «Без твоей пьесы нет будущего сезона!»; «И ты можешь думать, что твоя пьеса не нужна!!! Нет хороших пьес! Нету! Нету! А если ты не напишешь, то и не будет! Жду ее с нарастающим нетерпением»; «Наше нетерпение, ожидание твоей пьесы все обостряется. Теперь уже ждем, считая дни... Торопись и главное — не думай, что ты можешь быть неинтересен!»

«Вишневый сад» был сдан театру в октябре 1903 г., и тотчас же после первого чтения Немирович-Данченко послал Чехову пространную телеграмму, в которой сообщил свое общее положительное впечатление от пьесы, оценивая ее построение, общественное содержание, драматический тон, сценические данные, материал для игры. К оценке пьесы Немирович-Данченко возвращался и позже, считая ее «очень сильной и талантливой вещью». Однако, Немирович-Данченко, по его же словам, не так горячо увлекся пьесой, как Станиславский, и даже находил в ней недостатки. Так, еще в первой телеграмме Немирович-Данченко отметил, что гармонию пьесы нарушает «тягучесть второго акта». Это замечание не прошло незамеченным Чеховым и в окончательном тексте пьесы им был снят из этого акта значительный эпизод (диалог Шарлотты и Фирса).

Дальнейшие письма Немировича-Данченко, посвященные «Вишневому саду», говорят о желательности внести в текст ряд мелких поправок, о режиссерской и актерской работе над пьесой, о работе декоратора, о распределении ролей в соответствии с индивидуальными данными артиста. Примечательно, что Чехов, учитывавший в своей работе над образами пьесы артистические качества определенных исполнителей, не всегда соглашался с Немировичем-Данченко по последнему вопросу, и их переписка свидетельствует о том, какое значение придавали оба художника моменту совпадения данных личности артиста-художника с драматическим материалом пьесы. Из писем Чехова к Немировичу-Данченко видно также, что он не принимал многое из постановочных ухищрений, заготовленных режиссерами, и был озабочен простой и спокойной трактовкой всего спектакля.

Работа Немировича-Данченко и актерского коллектива над новой пьесой Чехова говорила о накопившемся за первое пятилетие деятельности театра житейском, психологическом и художественном опыте. Изменилось резко и отношение к чеховским пьесам Станиславского, который, по словам Немировича-Данченко, в это время «великолепно понимал драматургию Чехова». Вот почему Немирович-Данченко отметил с удовлетворением, что на репетициях пьесы «понимается она довольно легко. Правду сказать, и мы (режиссеры) и актеры выросли. И выросли в хорошую сторону, в сторону чуткости к красоте и поэзии».

Письма Немировича-Данченко о «Вишневом саду» — этой «лебединой песне» Чехова — замыкаются телеграммой о петербургских спектаклях пьесы, прошедших с несомненным и большим успехом. В строках телеграмм, завершающих обширную, прошедшую через длинный ряд лет переписку, Немирович-Данченко, говоря о восприятии зрителя, выделил то основное свое наблюдение, которое считал особо, принципиально важным во взаимоотношениях молодого театра и новаторского гения драматурга: соединенный успех обеих сторон, совместное действие словесного художественного образа и коллективных усилий

членов сложного театрального организма. На всем протяжении своей переписки с Чеховым Немирович-Данченко оставался верен мысли, что встреча театра с драматургом была не случайной, но предопределенной общностью задач, выдвинутых временем, что Чехов был нужен новому театру как «свой», ведущий и образцовый драматург, к творчеству которого только «приближался» восторженный артистический коллектив, что роль Чехова в жизни театра была всеопределяющей. Отсюда у Немировича-Данченко рождались формулировки, что Чехов — один из «китов», на котором держится молодой театр, что Чехов — «третье звено этого театра, этой прекрасной жизни», что поэтический талант Чехова так нужен театру, литературе, современности и — особо — самому Немировичу-Данченко. «... Чувствую тоскливое тяготение к близким моей душе мелодиям твоего пера. Кончатся твои песни и — мне кажется — окончится моя литературно-душевная жизнь» (февраль 1903 г.). Такое восприятие Немировичем-Данченко роли Чехова в искусстве и предопределило содержание, тональную окраску и основной ход мыслей Немировича-Данченко в его письмах. Пред нами раскрыта глубокая дружба двух крупнейших деятелей искусства, сходных по эстетическим своим позициям, по трезвому и всестороннему охвату явлений театральной жизни, дружба двух художников, способных легко, изящно и исчерпывающе определить сущность своих эстетических устремлений. Тем и увлекательна переписка Немировича-Данченко, что она, поражая обилием фактов и множеством суждений, имеет отправной и конечной целью своей творческие вопросы искусства и литературы и сопредельной с нею живой и напряженной окружающей жизни.

Вот почему и другие темы писем Немировича-Данченко развиваются в том же направлении. Не мало писем Немировича-Данченко посвящено драматургии Горького, которая вскоре после появления Чехова в Художественном театре также заняла творческое воображение его руководителей. «Мещане» и «На дне» — два особых сюжета корреспонденций Немировича-Данченко; о работе над этими пьесами он подробно докладывает Чехову, зная, что последний принимает самое близкое участие в первых драматургических опытах Горького.

Роль Горького в Художественном театре была иной по сравнению с ролью Чехова. Чехов, как мы видели, с самого начала своей драматургической деятельности был эстетическим явлением, вызывавшим к жизни театр с новой художественной методологией. На сценической трактовке словесного искусства Чехова должна была укрепиться новая театральная эстетика, которая в дальнейшем стала художественным принципом сценического истолкования и воспроизведения целого ряда драматических произведений. Но руководители МХТ с первых же шагов своей работы исходили из определенного положения: отражать в своем репертуаре современную действительность, думы, чаяния, мораль, общественные искания и самочувствие своего современника. Вслед за Чеховым в Художественный театр пришли другие современные русские драматурги, пусть иной глубины, но с живым чувством своего времени, а также драматурги западноевропейские. Обращаясь одновременно к пьесам старого классического репертуара, театр мог демонстрировать свое тонкое понимание прошлых этапов

культуры и щедрую режиссерскую выдумку. Но лишь ставя пьесы современных авторов, театр исполнял высокую гражданскую миссию, так как воспроизводил в сценических образах перед зрителем то, что он переживал и передумывал в действительности, чем он подлинно душевно дорожил и волновался и что поэтому особенно могло его интересовать в формах искусства. Режиссерское и актерское психолого-реалистическое мастерство изощрялось, утончалось и совершенствовалось в работе над непосредственной, еще живой и «теплой», по особенному ощущаемой современником правдой жизни. Театр это знал и стремился идти по наиболее трудному пути художественного воспроизведения вновь зарождающихся литературных образов, только что взятых драматургом из жизни и впервые закрепленных им в искусстве.

Чехов запечатлел свою современность под определенным критическим углом зрения и в формах свойственной ему лирической тональности. Художественный театр, — как это известно из истории театра и как это явствует из всей переписки Немировича-Данченко, — блестяще выполнил роль передатчика художественных идей и интерпретатора образов великого драматурга. Горький в той же эпохе отразил другую сторону действительности: резкий и открытый протест против косных форм жизни. Художественный театр, в полном соответствии с передовыми тенденциями эпохи, начал постановкой пьес Горького свою общественную линию, явившись рупором активных демократических идей страны.

В письмах Немировича-Данченко к Чехову мы не найдем подробного разговора о личности и творчестве Горького, и лишь постановки «Мещан» и «На дне» отмечены немногими сценическими замечаниями. Получив от Горького «Мещан», Немирович-Данченко телеграфировал Чехову, что «пьеса отличная, достойная Горького» и здесь же добавил: «Последний акт будем немного переделывать». Как видно из писем Немировича-Данченко к Горькому и Горького к разным лицам, а также из мемуарных свидетельств, эта дополнительная работа Горького над пьесой проходила при большом и самом непосредственном участии Немировича-Данченко. Горький доделывал пьесу, а в это время театр готовился к постановке, подбирая обстановочный материал, характерный для мещанской среды. Немирович-Данченко телеграфировал Чехову о премьере пьесы в Петербурге: «прием блестящий в первых двух актах и похолоднее в остальных».

Примечательны отдельные замечания Немировича-Данченко в письмах, посвященных репетициям «На дне». В соответствии с идейным содержанием горьковской драматургии, театр выработал для пьесы новый тон, по определению Немировича-Данченко, — «бодрый, быстрый, крепкий, не загромождающий пьесу лишними паузами и малоинтересными подробностями». Новая среда, выведенная в пьесе, требовала особой ответственности от актеров, о чем также упомянул Немирович-Данченко. Его пересмотр исполнителей ролей характерен для новых исканий театра. Однако, уверенности в большом успехе спектакля у Немировича-Данченко до последней минуты не было. Удовлетворительная игра отдельных исполнителей, удачно найденный темп («темп, наконец,

схватчен хорошо, — легкий, быстрый, бодрый»), прекрасные декорации, — все это приводило к предварительному скромному заключению: «Не может быть, чтобы все это не дало интересной, художественной картины». И огромный, невиданный в истории русского театра успех пьесы и постановки был полной неожиданностью для МХТ. Это не был успех, какой мог быть от очередной, хотя бы и оригинальной и тщательной постановки. Это была большая, широко признанная победа театра, показавшего свои новые, еще не исчерпанные творческие возможности. Немирович-Данченко определил это словами: «Театр опять на той высоте, на какой он находился после «Трех сестер» в Петербурге». Или: «На дне» идет шумно. После «Трех сестер» это первый настоящий наш успех». И еще: «На дне» делает колоссальное дело». Подчеркнутое слово «наш» знаменательно. Немирович-Данченко, видимо, еще не зная до конца, чему следует приписать шумный успех спектакля — драматургу или театру — отнес этот успех за счет театра. И действительно, победа театра, преодолевшего ряд исключительных исполнительских и постановочных трудностей драматургии, неожиданной по материалу, была несомненной, признанной зрителями и прессой. Сам Горький не мог не высказаться о режиссерском и актерском мастерстве МХТ так: «Успех пьесы исключительный. Я ничего подобного не ожидал. И знаете — кроме этого удивительного театра — нигде эта пьеса не будет иметь успеха. Владимир Иванович так хорошо растолковал пьесу, так разработал ее, — что не пропадает ни одного слова». И еще: «второй спектакль по гармоничности исполнения был еще ярче». Или об игре артистов: «Москвин играет публикой, как мячом». «Сатин в четвертом акте великолепен, как дьявол». (См. сб. «На дне» М. Горького». ВТО. 1940, стр. 221, 222).

В письмах Немировича-Данченко рассыпано множество литературных, режиссерских, сценических замечаний по разным поводам, — замечаний четких, содержательных, знаменательных для понимания его личности и эстетических устремлений. Репертуарные искания и совместное с Чеховым обсуждение пьес, предназначенных театру, отражено в ряде литературно-сценических замечаний, среди которых развернуты критические суждения о пьесе Найденова «Деньги»; о пьесе Гауптмана «Одинокое», для которой театром, по признанию режиссера, был найден особо серьезный тон, а постановка была определена словами: «почти идеальна для замысла Гауптмана»; о пьесе «Столпы общества» Ибсена, внутренне отвергаемой Немировичем-Данченко и очень трудно усвояемой актерским коллективом.

Все, о чем бы ни писал Немирович-Данченко Чехову, пронизано его безмерной преданностью новому театральному делу, которая не отделяла основное от второстепенного, общее от частного, но охватывала все стороны театральной работы, цементируя их единым принципиальным подходом. Множество сообщенных в письмах фактов освещает сложную и на первый взгляд трудно обозримую работу Немировича-Данченко в театре. Он обдумывает репертуар, вносит поправки в пьесу, планирует постановку, обеспечивает ее нужным реквизитом, намечает исполнителей, руководит репетициями, проверяет отдельные игровые куски, выверяет тона, контролирует исполнение отдельных

ролей, входит в самочувствие актера, многократно вслушивается в целое всего спектакля, в его ансамблевое звучание, оценивает декорации, принимает монтировочную часть (грим, костюмы, бутафория), намечает возможного посетителя премьеры, постоянно мысленно переносится в зрительный зал, изучает премьеру спектакля для внесения в него нужных коррективов, аналитически взвешивает все данные печатных критических отзывов, намечает и подготавливает серию гастрольных спектаклей, думает о школе молодых актеров, строит новое здание театра. Сумма этих дел не только не тяготит Немировича-Данченко в театре как режиссера, — сквозная тема всей его переписки «энергично» брать «все дело в руки», весь отдаваться театру (16 июня 1901 г.) — и только при этом условии, в понимании Немировича-Данченко, может быть достигнута поставленная художественная задача. Трудно вообразить себе в театральном рабочем процессе какое-либо звено, которое не привлекло бы к себе внимания и энергии Немировича-Данченко-режиссера и постановщика и которое он считал бы несущественным для сценического действия. Методы работы Немировича-Данченко в театре как режиссера — сквозная тема всей его переписки с Чеховым, выражаемая теоретически — в общем его отношении к задачам нового театра и практически — по конкретным, ежедневно рождающимся деловым поводам. Вся методология Немировича-Данченко — режиссера и организатора театра — обозреваемого периода дана в наглядных примерах, отраженных в переписке. Здесь и его мысли о том, почему Станиславский в роли Грозного не имел успеха; и его самочувствие по поводу неудач декорационных; и пространная, замечательная по психологическому анализу характеристика творческого процесса режиссера-постановщика, взятая в аналогии с творческим процессом писателя-драматурга; и критический обзор понимания пьесы и спектакля печатной критикой; и принципиальный спор с Л. Толстым по поводу идейного существа пьесы Чехова «Дядя Ваня».

В многосторонней деятельности Немировича-Данченко-режиссера и постановщика есть выдающиеся индивидуальные черты, которые особенно явствуют из его писем. Одна черта — его проникновенное толкование драматургического замысла в целом и сущности отдельных образов пьесы. Эстетический вкус Немировича-Данченко, его собственный беллетристический дар, понимание природы художественного образа сказываются в его точных, аутентичных с замыслами автора, анализах. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать те страницы писем, которые посвящены толкованию пьес, прошедших сцену МХТ. Его оценка литературно-художественного образа всегда является осторожной и в то же время углубленной сценической проекцией этого образа, переводом его в театральный план.

Другая черта, связанная с той же способностью Немировича-Данченко к пронизательному психологическому анализу: внимательный и даже придирчивый учет внутренних и внешних данных артиста при исполнении им той или иной роли. Вдумчиво распределяя роли, Немирович-Данченко не скупится на характеристики артистов, мотивируя тем самым выбор будущего исполнителя. Надо думать, что чутье Немировича-Данченко было здесь почти безошибочным, и оно в значительной

степени содействовало той слитности или хотя бы соответствию качеств артиста и данных драматического образа, которое делает исполняемый образ вполне художественным и приводит исполнителя к успеху и известности. В этой сценической задаче, правильное решение которой подготавливало успех спектакля в целом, Немирович-Данченко был предельно внимателен, непрерывно контролируя игру и внося поправки даже в готовый и уже идущий спектакль.

Немирович-Данченко вошел в театральное предприятие с ясным осознанием своей основной реформаторской миссии, с определившимися эстетическим вкусом и требованиями, — и, в сущности, в коренных теоретических вопросах остался на долгие годы на неизменных позициях. Дело крепло. Жизни театра сопутствовал огромный и все растущий успех, и Немирович-Данченко утверждался в правоте своих требований. Он мог уже в январе 1903 г. написать Чехову: «...наш театр должен в смысле сценического, а если можно и драматургического искусств итти впереди других театров. Я говорю именно должен. Если он пойдет вровень, — ему незачем существовать. Пусть другие делают то, что служит повторением чужих созданий, фабрикуют клише. Не стоит отдавать свои силы театру, чтобы повторять чужое». И по поводу театрального коллектива в МХТ: «В который раз я убеждаюсь, что единственный театр, где можно работать, сохраняя деликатность и порядочность отношений, — это наш. Единственный в мире, несмотря даже на эти противные «трещины».

Мы выделили в письмах Немировича-Данченко театральную тему, как основную, а также подавляющий круг тех его высказываний в переписке, в которых отразился Немирович-Данченко — человек, деятель, новатор на художественно-общественном поприще, гражданин своей страны, патриот своего дела. Но в письмах Немировича-Данченко разбросано немало мыслей, наблюдений, оценок на иные темы, которые дополняют его сложный и безмерно богатый внутренний облик. Все эти добавочные материалы углубляют наше представление об основной театральной его деятельности. В лице Немировича-Данченко впервые в истории русского, а также и мирового театра родился сценический деятель крупнейшего масштаба, всесторонне образованный, проникающий во внутреннюю сущность и «дух» культурного явления, которое оказывалось в тот или иной момент в центре его внимания. Будущим исследователям предстоит разрешить задачу, — каким внутренним путем он пришел, а главное — мог прийти к столь ответственному делу, как радикальная реформа театра, чем и как Немирович-Данченко был подготовлен к подлинно новаторской деятельности. Переписка с Чеховым застаёт Немировича-Данченко уже во многом сложившимся человеком и не дает ответа на этот вопрос, но те данные, которые в ней разбросаны, предстоят нам в определенном единстве. О чем бы ни писал Немирович-Данченко — о своих ли беллетристических и драматургических замыслах, о своем ли понимании замысла и художественных сторон пьес Найденова, о своих ли туристических впечатлениях от поездки по Италии, о восприятии ее городов, старой культуры и современного театра, о личном ли удовлетворении от напряженной постановки «Юлия Цезаря», — он предстоит перед нами в единстве своих определенных эстетических устремлений, при кото-

ром все его разнородные соприкосновения с культурными проявлениями человеческой деятельности помогают свершению одного, театрально-реформаторского дела, которое Немирович-Данченко и считал главной областью применения своих способностей. Однако, мы не можем при этом не обратить внимания на то, что в практику Немировича-Данченко — театрального работника — органически входили его беллетристический и драматический таланты. Немирович-Данченко — беллетрист, — черта не только не чужеродная его театральным эстетическим исканиям и его режиссерской художественной деятельности, но и органически с нею связанная. Это лишь иная форма его художественного восприятия жизни. Немирович-Данченко стал режиссером-художником нового типа потому, что и во всех других формах своей практической деятельности он руководился творческим эстетическим началом, активным воображением, пытливым созидательным мышлением. Вскрыть эту взаимосвязь и разрешить окончательно вопрос о природе режиссера-творца сможет лишь тщательное исследование исчерпывающего документального материала, относящегося к жизни и деятельности Немировича-Данченко. Но публикуемые письма уже позволяют конкретно поставить этот вопрос.

Чехов, чутко воспринимавший мысли и дела Немировича-Данченко, дела ему вполне понятные и близкие, видел всю напряженную и целеустремленную работу руководителя нового театра, понимал, что судьба нового искусства находится в руках энтузиастов, стоящих на единственно правильном художественном пути, — и он особо оценил инициативу и преданность этому делу своего друга Немировича-Данченко. Вот почему Чехов так уверенно и сердечно снимал мимолетные сомнения Немировича-Данченко, что последний отметил в одном из писем словами: «Ты очень мило и умно подбодряешь меня, чутко услышав дребезжащую нотку в моем письме». Это было сказано по поводу того письма, в котором Чехов в ответ на большое послание Немировича-Данченко, с нотками жалобы на утомление и вызываемую им апатичность, в связи с обилием забот о театральных делах, писал: «В твоём письме звучит какая-то едва слышная дребезжащая нотка, как в старом колоколе, — это там, где ты пишешь о театре, о том, как тебя утомили мелочи театральной жизни. Ой, не утомляйся, не охлаждавай. Художественный театр — это лучшие страницы той книги, какая будет когда-либо написана о современном русском театре. Этот театр — твоя гордость, и это единственный театр, который я люблю, хотя ни разу еще в нем не был. Если бы я жил в Москве, то постарался бы войти к вам в администрацию, хотя бы в качестве сторожа, чтобы помочь хоть немножко и, если можно, помешать тебе охладеть к сему милому учреждению» (24 ноября 1899 г.). В этих словах, еще на раннем этапе развития театра, Чеховым подчеркнута понимание решающей инициативной роли Немировича-Данченко. Ту же оценку по существу сделает Чехов и несколько лет спустя, когда, по поводу заминок в руководстве театром, подчеркнет роль Немировича-Данченко словами: «Если ты уйдешь, то и я уйду...» (2 ноября 1903 г.).

Переписка Станиславского с Чеховым возникла сравнительно поздно, уже после того как МХТ поставил «Чайку» и «Дядю Ваню», количество писем сравнительно невелико и они носят не столь простран-

ный характер, как письма Немировича-Данченко. Вот почему они дают не так много материала для постановки театроведческих проблем. Станиславский и Чехов относились друг к другу с большим пиететом*. Станиславский преклонялся перед талантом «гениального Чехова», Чехов высоко ценил артистический дар и художественную инициативу Станиславского. Нельзя не признать, что письма Станиславского, помимо своего общего теплого, а подчас и любовного тона, имеют высокую ценность по материалам, непосредственно относящимся к жизни театра и в особенности к постановкам пьес Чехова.

Начало переписки относится ко времени репетиций «Трех сестер», пьесы, которую планировал Станиславский и в которую, как он писал, «я с каждой репетицией все больше и больше влюбляюсь». Станиславский характеризовал черновую репетиционную игру артистов в ней, говорил о достоинствах отдельных исполнителей. Пьеса покорила художественное воображение Станиславского, и он считал ее «цельной», «чудесной» и «очень сценичной». Примечательны поиски темпов, в каких намечал Станиславский вести отдельные акты пьесы. В том же письме он сообщил Чехову свое толкование конца IV акта, идущее вразрез с авторской композицией, закрепленной в первой редакции пьесы: «Ольга Леонардовна обещалась подробно написать Вам о конце. Скажу в двух словах. Монологи финальные сестер после всего предыдущего очень захватывают и умиротворяют. Если после них сделать вынос тела, получится конец совсем не умиротворяющий. У Вас написано: «Вдали проносят тело», но у нас нет дали в нашем театре и сестры должны увидеть мертвеца. Что мне делать? Как ни нравится мне этот пронос, но при репетициях начинаю думать, что для пьесы выгоднее закончить акт монологом. Может быть, Вы боитесь, что это слишком напомнит конец «Дяди Вани»? Разрешите этот вопрос: как поступить?» Эстетическое чутье не обмануло Станиславского, как оно не обманывало Чехова, который сомневался в этой сцене при писании пьесы. Вот почему Чехов согласился с Станиславским и Немировичем-Данченко, и конец был переделан. Этот примечательный в истории взаимоотношений МХТ и Чехова случай, когда театр определенно корректировал автора, и автор целиком согласился с работой театра, — знак полного доверия драматурга художественным руководителям театра. В дальнейшем Станиславский почти не возвращался к пьесе «Три сестры», но то, что он сказал о ней почти два года спустя, свидетельствует об особом, вдохновенном отношении его и всех исполнителей к тончайшему произведению Чехова. Так, в октябре 1903 г. Станиславский писал Чехову: «Вчера был радостный день. Мы все ожили после «Цезаря». . . Мы играли, после долгого перерыва, «Трех сестер». Повторилась прошлогодняя история на репетиции: сошлись, чтобы проговорить пьесу, увлеклись, и сыграли ее для себя во весь тон. Вчера играли вторично перед публикой. Давно я не играл с таким удовольствием. Прием восторженный, и по окончании пьесы овации у подъезда». Еще раз Станиславский упомянул, что «Трех сестер» они играли «хорошо» и «с увлечением», а по поводу спектаклей «Три сестры»

* Интереснейшие воспоминания К. С. Станиславского о Чехове помещены в «Ежегоднике МХАТ» за 1943 г.

и «Дядя Ваня» писал в 1903 г., что «только в нынешнем году публика нас раскусила, никогда не слушали Ваши пьесы, как в этом году. Гробовая тишина, ни одного кашля, несмотря на ужасную погоду».

Большое место в переписке Станиславского занимает «Вишневый сад», пьеса, которая по неоднократно признанию Станиславского, особенно ему понравилась и постановка которой почти всецело находилась в его руках. Здесь необходимо отметить ту эволюцию, которая определилась в отношении Станиславского к пьесам Чехова. Если, впервые знакомясь с «Чайкой», он, по его же собственным словам и по утверждению Немировича-Данченко, еще не понимал ни художественного метода Чехова, ни новой сценической природы его образов, то в работе над «Вишневым садом» он полностью вник в эстетически новый материал, считая «эту пьесу лучшей из всех» и говоря: «люблю в ней каждое слово, каждую ремарку, каждую запятую».

Ожидание пьесы, содержание которой, видимо, заранее было известно Станиславскому, началось с такой детали: Станиславский записал в фонограф свирель пастуха, которую впоследствии одобрил Чехов. Получив «Вишневый сад», Станиславский послал Чехову телеграмму и большое восторженное письмо, считая пьесу написанной «полутонами, нежными акварельными красками», вполне сценичной, с блестящими ролями. По воспоминаниям Станиславского: «Прочтя пьесу, я сразу все понял и написал свои восторги Чехову». У Станиславского была уверенность, что сценический «успех будет огромный, так как пьеса забирает». Но здесь же у него возникла мысль, что для гарантии такого успеха пьеса «требует слишком больших и тонких актеров, чтобы обнаружить все ее красоты». Пьеса, как известно, имела в первые годы своей театральной жизни не такой большой успех, как в дальнейшем, по причинам не столько сценического, сколько общественного характера. Но Станиславский, уже в своих воспоминаниях, вновь повторил мысль, что для правильного и сценически сильного восприятия образов Чехова необходим размах Шалыпина и темперамент Ермоловой.

Дальнейший ряд писем Станиславского посвящен трактовке ролей Лопахина и Гаева, в которых собирался выступить Станиславский, планировке пьесы, проектам декораций, обсуждению макетов, отдельных мизансцен, игре отдельных исполнителей. Письма Станиславского на эту тему носят подробный, как бы отчетный характер, рассчитанный на внимание Чехова к каждой детали, на его одобрение или поправки. Станиславский признавался Чехову: «Дорожу и пользуюсь каждым Вашим замечанием, даже о декорациях». Эти письма были предметом вдумчивого внимания Чехова и его пространных ответов. Станиславский был очень затруднен исполнением роли Лопахина, о чем откровенно писал Чехову, сообщая ему свое понимание образа, сознавая, что роль эта не подходит к его артистическим данным. Немирович-Данченко также, вопреки желанию Чехова, соглашался, что Лопахин не в артистических данных Станиславского и предназначал ему Гаева. Да и сам Станиславский писал Чехову, что боится играть купцов, и не найти ему нужного тона.

Обращают на себя внимание отдельные частности в задуманной Станиславским постановке пьесы: стремление придать декорациям

уют и тепло детской 1-го акта, сообщить зрителю интимный характер дома, а для этого, говорит Станиславский, надо знать — какой это был дом в точном представлении драматурга; забота режиссера о декорациях в левитановском тоне, с природой Орловской губернии, но осложненной бытовыми звуками и другими эффектами; забота о настроении, уюте всего спектакля, поиски «тона» в игре: «Тона не найдены, хотя во 2-м акте наворачиваются. Искание тонов и образов, конечно, задерживает общую репетовку. С каждым спектаклем нам становится все труднее и труднее перевоплощаться и быть разнообразными. Чудится, что и вся пьеса пойдет в каком-то ином тоне, чем предыдущие. Все будет бодрее, легче. Словом, хочется пользоваться акварельными красками» (ноябрь 1903 г.). Серия писем о «Вишневом саде» завершается телеграммой об успехе пьесы на гастролях в Петербурге.

Но и помимо данных, относящихся непосредственно к постановке пьесы Чехова, в письмах Станиславского рассыпано немало суждений о творческом облике писателя, о роли его для театра и лично для Станиславского. Так, Станиславский пишет Чехову, что удивлен его чуткостью и знанием сцены — «той, новой сцены, о которой мы мечтаем» — что театр создан и упрочился его произведениями, что только пьесы Чехова позволяют актеру театра «окунуться в настоящую жизнь».

Подобно Немировичу-Данченко и параллельно его письмам, Станиславский вводит Чехова во многие стороны жизни МХТ: посылает пьесы для утверждения репертуара, передает свои впечатления о росте артистов театра, оценивает игру артистов и свою в разных пьесах, пишет о своем самочувствии в театральной, очень напряженной работе.

Ряд писем, посвященных постановке «Мещан» и «На дне», имеют исключительное значение для уяснения того, как относился Станиславский к драматургии Горького и как расценивал роль Нила в намечаемом своем исполнении, какое значение придавали руководители театра и его коллектив успеху «На дне».

Театральные дела и вопросы в письмах Станиславского с годами все чаще и определеннее стали переплетаться с записями о личной жизни. Расположение к Чехову усиливалось, уже очевидная дружба крепла, — и переписка с Чеховым стала для Станиславского потребностью, в чем он ему неоднократно признавался. Во всей переписке, переполненной множеством черточек из повседневной рабочей жизни театра, личных переживаний, перебиваемых бытовыми фактами и деловыми наблюдениями, чувствуется широкое доверие Станиславского к чутью Чехова. Станиславский обращался к Чехову, как к внимательному другу, перед которым можно было развернуть все, из чего складываются дела большого театрального коллектива, и все, что переживают люди этого художественного организма. В делах театральных он обращался к Чехову, как к советчику, который не был «пайщиком» формально, но был участником дела по существу. И Чехов, хотя и заочно, но активно участвовал в этих делах. В известных уже в печати пятнадцати письмах Чехова к Станиславскому и М. П. Лилиной трактуются образы «Вишневого сада», говорится о планировке пьесы и даются прямые ответы на принципиальные вопросы Станиславского. И те же темы проходят в семи письмах к Станиславскому, которые пока остаются неопубликованными. Так, на замечание Станиславского,

что «при обходе дома, ночью, Наташа тушит огни и ищет жуликов под мебелью», Чехов в одном из этих писем ответил: «Но, мне кажется, будет лучше, если она пройдет по сцене, по одной линии, ни на кого и ни на что не глядя, à la леди Макбет, со свечой, это короче и страшней» (2 января 1901 г.). Чехов пояснил, что в пьесе «Три сестры» фразу «не угодно ль финик этот вам принять?» Чебутыкин не говорит, а поет, как «взятое из оперетки» (15 января 1901 г.). В ответ на письмо Станиславского, что он охотнее играл бы в «Мещанах» Тетерева, чем Нила, Чехов писал: «Мне кажется, что Нил — это Ваша роль, что это чудесная роль; лучшая мужская роль во всей пьесе. А Тетерев, говорящий подолгу все одно и то же, мне кажется, не захватит Вас. Он не живое, сочиненное лицо» (4 января 1902 г.). И в следующем письме вновь о роли Нила: «Когда я читал «Мещан», то роль Нила казалась мне центральной. Это не мужик, не мастеровой, а новый человек, об-
интеллигентившийся рабочий. В пьесе он не дописан, как мне кажется, дописать его нетрудно и недолго, и жаль, ужасно жаль, что Горький лишен возможности бывать на репетициях» (20 января 1902 г.). Приведенные отрывки, полные большого значения, убеждают лишний раз в правде слов Станиславского, который неоднократно вспоминал, что Чехов отличался чисто театральной сценической чуткостью и что «по природе своей был театральным человеком». Эта эстетическая особенность Чехова и была прежде всего той причиной, которая привела его в конце-концов к МХАТ, связала крепкой дружбой с молодым, талантливейшим коллективом, сделала его основным драматургом театра и самым нужным корреспондентом его руководителей.

Переписка Немировича-Данченко и Станиславского с Чеховым — документ первостепенного значения и важнейший источник, из которого историки МХТ будут черпать ценнейшие сведения, относящиеся к самым значительным этапам ранней поры жизни МХТ. Но переписка великих людей всегда к тому же неисчерпаемый биографический материал. Непререкаемая ценность публикуемых писем в том, что в них история замечательного художественного театрального организма тесно сплетается с внутренней, «душевной» историей его зачинателей.

Письма
Вл. И. Немировича-Данченко
к А. П. Чехову
1888 — 1904 гг.

А. П. Чехов
1902 г.

1.

[1888]

Добрейший Антон Павлович!

Я и жена простим Вас только при одном условии — сегодня Вы непременно должны быть у нас.

Если Вы куда-нибудь решили вечером ехать, то приезжайте хоть к 12 часам, но непременно.

Жму Вашу руку

Вл. Немирович-Данченко.

2.

1888 ноября 6

(почт. шт.).

Милейший Антон Павлович! Завтрашний вечерок у нас расстроился. Позвольте в другой раз рассчитывать на Вас.

Как я вижу, Вас надо силой приручать. Как же! Мы с Вами проговорили с час и Вы спрятали от меня, что написали еще пьеску «Лебединая песня»¹. Я узнал в театре², что она одобрена комитетом³ и сейчас же предложил ее бенефициантам. Музиль⁴ интересуется познакомиться с нею. Режиссер⁵ говорит, что он ищет одноактных пьес. Лучше вместо того, чтобы посвящать ее «тому, кто попросит», устройте ее в Малый театр. Если Вы сами не любите предлагать себя, дайте мне экземпляр. Я познакомлю с нею и сведу Вас с кем нужно.

Вл. Немирович-Данченко.

Мясницкая, Чудовской п., д. Щербакова.

На обороте: Садовая, д. Карнеева или Корнилова⁶ близ Кудрина. Его В-дию Антону Павловичу Чехову.

г. Доктору.

3.

[1888].

В пятницу, в 7 часов вечера многие из членов Общ[ества] драм[ати-ческих] писат[елей] ¹ соберутся в «Континентале» ² (Никол[ай] Александр[ович] Борисов потолковать о делах Общества. Я и Сумбатов ³ будем непременно. Не заедете ли? Есть кое-какие любопытные новости. Жму Вашу руку.

Вл. Немирович-Данченко.

«Севильский обольститель» ⁴ написан умно и с талантом, но зачем «видение»?

4.

[1888] декабря 30.

А я невольно поддался Вашему обману. Вернувшись с похорон ¹, застал письмо от Савиной ², где она между прочими новостями сообщает о том, что Федоров ³ ставит «Иванова» ⁴ (игра слов: Федоров ставит Иванова — а в какое положение?) Вечером же я отвечал ей на письмо и в post scriptum'e вспомнил Ваши слова. Впрочем, помню, прибавил «кажется» или «сколько я слышал», словом, какую-то осторожность проявил.

Дай Бог, чтоб Вы ошиблись, называя исправленную пьесу прощенным мошенником ⁵. Да, я в этом, искренно говорю, почему-то глубоко убежден, хотя до сих пор не прочел «Иванова». Все забывал. (Извините). Вместо голословной уверенности я мог бы привести Вам несколько очень ярких примеров. Сразу-то не припомню. Впрочем, вот вспомнил. «Светит, да не греет» ⁶ — драма Соловьева провалилась в Москве, да не так, как Вы думаете об «Иванове». По-моему, «Иванов» ⁷ имел еще успех. Его загубило любимое Вами здание в Богословском переулке. А «Светит, да не греет» была буквально освистана, да дружно, да еще в Малом театре. И в том же сезоне она имела колоссальный успех в П[етер]бурге, настолько большой, что на нее была объявлена подписка и петербургские рецензенты называли московских, в том числе и меня, безмозглыми. И отчасти поделом. Да и вообще, пьеса, имевшая успех в Москве, в то же время имеет и все шансы на провал в П[етер]бурге и наоборот. В два, в три сезона попадает одна пьеса, которая понравится и там, и здесь.

Вам стыдно, что до сих пор не побывали у меня? Разумеется. И нашли тоже отговорку, а еще доктор. [...] Да ведь против него единственное средство — движение. Значит, бывай Вы у меня почаще, Вы бы не страдали этой несносной болезнью.

Однако, пишу Вам вот для чего. Я 2-го еду в П[етер]бург за тем же, за чем и Вы поедете может быть 10-го ⁸. Пробуду там до 10-го, если пьеса моя шлепнется, и гораздо дольше, если она будет иметь успех. Не имеете ли каких поручений? Рад буду услужить Вам.

Господи! Уж я ли к Вам не всей душой, а Вы ссылаетесь на [...]. Однако, если Вы будете иметь успех, то у меня, разумеется, разовьется чувство зависти, так свойственной драматургам. Тогда уж ша-

баш — я буду стремиться отыскать недостатки не только в Ваших произведениях, но и в Вас самих и уж тогда наверное пушу сплетню о Ваших недугах.

Вл. Немирович-Данченко.
Мясницкая, Чудовской п., д. Щербакова.

Еще Тургенев кого-то из своих приятелей обвинял в русской манере — не выставлять на письмах адреса. Вот я теперь опять не знаю, в чьем доме Вы живете: Карнеева или Кирилова. Есть тут такой писатель (?) Карнеев-Кириллов⁹. Надо же мне было один раз подумать о нем, чтобы запомнить Ваш адрес.

Да! Завтра 31-го я целый день что-то пишу, потом встречаю Новый год. 1-го визитирую, потом на елке. 2-го собираюсь ехать, и в 4 часа еду. Единственный кусочек времени, когда я постараюсь заехать к Вам, это 1-го между 5 и 8 часами. Если не буду, а Вам, в самом деле, нужно повидаться со мною, то постарайтесь заехать ко мне 2-го утром, когда хотите. Укладке не мешаете.

В. Н.-Д.

5.

[18]89 марта 16.

Досадно мне было вот как, Антон Павлович, что Вы не застали меня дома. Спасибо за «Иванова»¹. Прочел и вник, но — . Простите за откровенность. Что Вы талантливее нас всех — это, я думаю, Вам не впервой слышать и я подписываюсь под этим без малейшего чувства зависти, но «Иванова» я не буду считать в числе Ваших лучших вещей². Мне даже жаль этой драмы, как жаль было рассказа «На пути»³. И то и другое — брешьончики⁴, первоначальные наброски прекрасных вещей⁵.

Как жаль, что мы живем на разных концах Москвы!

Если будете в наших краях, заезжайте.

Крепко жму Вашу руку.

Вл. Немирович-Данченко.
Мясницкая, Чудовской п., д. Щербакова.

6.

[188]9 марта 28
[дата получения].

Вы сами виноваты, дорогой Антон Павлович!

В Вашей телеграмме¹ было сказано: «Буду понедельник 2 часа». У меня сегодня было спешное дельце. Но ровно без 20 м. два — я был дома и грешным делом просто выругался от досады, что Вы были раньше. — Хотел сегодня же заехать к Вам, но не успел. На-днях (по всей вероятности) в субботу я соберу некоторых из членов Общ[ества]

др[аматических] пис[ателей] для того, чтобы спеться по некоторым вопросам. Не откажитесь тогда приехать.

Жму Вашу руку. Поздравляю с выбором в члены комитета Петерб[ургским] собранием².

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Мясницкая, Чудовской п., д. Щербакова.

На обороте: Кудрино, д. Карнеева.

Его В-дию Антону Павловичу Чехову.

7.

[1889] марта 29.

Дорогой Антон Павлович!

Жду Вас в субботу к 7 часам. Соберется человек 12. Поговорим. Если не можете быть — уведоьте заранее.

Вл. Немирович-Данченко.

Мясницкая, Чудовской п., д. Щербакова.

8.

[18]89 ноября 6
[дата получения].

Дорогой Антон Павлович! Хотел сам заехать к Вам, вчера, да не успел. А много хочется наговорить по поводу «Лешего»¹. Ленский прав², что Вы чересчур игнорируете сценические требования, но презрения к ним я не заметил. Скорее — просто незнание их. Но я лично не только не принадлежу к горячим защитникам их, а напротив питаю совершенное равнодушие, несмотря на то, что числюсь «профессиональным» драматургом и даже критиком. Как драматург, я поэтому еще ни разу не имел шумного успеха. Тем не менее у меня есть твердые воззрения на то, что может и должно иметь на сцене успех, что должно бы, но не может, и что имеет, но не должно. Выражаюсь запутанно, но точно. Я хочу сказать, что понимаю требования сцены или, как выражаются, сценичность не так, как ее понимают «знатоки». И с моей точки зрения Вам легко овладеть сценой. Что они там ни говори, жизненные яркие лица, интересные столкновения и правильное развитие фабулы — лучший залог сценического успеха. Не может иметь успеха пьеса без фабулы, а самый крупный недостаток — неясность, когда публика никак не может овладеть центром фабулы. Это важнее всяких сценических приемов и эффектов. Но ведь это — недостаток и беллетристичес[еского] произведения и всякого произведения искусства.

Вл. Немирович-Данченко.

9.

[18]89 ноября 29
[дата получения].

Досадно. Совсем я забыл о Вашей первоначальной профессии, а то бы позвал Вас к себе лечить меня. Тогда уж не отговаривались бы бесснежием¹. От инфлюенцы у меня остался только кашель. В ка-

ком положении дела Абрамовой² не знаю. В последний раз видел ее в четверг, когда она вторично обращалась ко мне с предложением вести ее дела. Я вторично уклонился. Она не без денег, хотя и маленьких. Соловцова³, судя по известиям «Новостей дня»⁴, она уволила и — прибавлю от себя — прекрасно сделала: он утопил бы ее в рюмке хереса. Сегодня мне принесут все новости этого театра. Если Вам они интересны (как я догадываюсь — для «Лешего»), то не зайдете ли напริม[ер] в четверг утром пораньше? Кстати, в среду пойдет пьеса Ладыженского⁵. Можно будет судить о театре. Вероятно, управлять сценой ее будет Чарский⁶ — умный и симпатичный актер.

До свидания!

Вл. Немирович-Данченко.

10.

{18}90 июня 15.

Чуть ли не в третий раз принимаюсь писать Вам, дорогой Антон Павлович, и все-таки не знаю, о чем писать. По расчетам, Вы уже должны быть на Сахалине. Может быть, Вам приятно будет получить несколько строк, хоть ничего не значущих? Интересно знать, пишете ли Вы кому-нибудь большие письма. Мне кажется, что мы вообще не умеем переписываться.

Что же Вам рассказать? Я с женой в деревне¹ с 7-го мая, Ленский с женой в деревне, должно быть, с 20-го мая, Сумбатов с женой странствует по Волге в товариществе артистов Малого театра. Вероятно, грабит поволжские города.

Читал о выходе Ваших «Хмурых людей»², но книжки не видел. В России ожидают урожая. В Париже арестовано 15 русских террористов³. В Германии еще просят кредита на усиленное вооружение.

В провинции только и разговора, что о предстоящих хлебах, да о земских начальниках. Поговоришь, поговоришь и скучно станет. Ничегошеньки интересного я Вам не расскажу. Тем более, что Вы, вероятно, теперь поглощены новыми впечатлениями. А мы — знаете глушь в степи? Я бы мог напомнить Вам восхитительный знойный полдень, когда в воздухе такое мерцание, точно божия мать сверху благословения сыплет (это я где-то вычитал), в особенности если смотреть на темный вишневый садик... Попробовал бы, пожалуй, набрать погуще красок — но кто знает, в какую минуту попадет к Вам мое письмо. Чего доброго, мне удалось бы так заманить Вас знакомыми, родными картинами, что Вас потянуло бы домой. Этого я не хочу. Поехали к чорту на кулички, так дай Вам бог весело странствовать. Я хочу даже ободрить Вас. Ваша поездка возбуждает большие ожидания. Вы приготовили себе отличную почву для нового периода Вашей деятельности. Только не надо забывать ее. Вас, пожалуй, охватит какая-нибудь новая идея и Вы уклонитесь от своего настоящего дела. Боже избави!

С громадным нетерпением буду ждать Вашего возвращения. Уведомьте о нем заранее.

Если есть какая-нибудь возможность получить от меня еще несколько таких же богатых новостей, как в этом письме, то черкните

куда писать. Во всяком случае, я буду ждать от Вас вести. Вот бы одолжили, если бы выбрали хороших, свободных часа два и написали мне много-много. Обещаю Вам за это отплатить тем же, когда уеду в Австралию.

Не жалеете ли Вы, что не попали на петербургскую тюремную выставку? ⁴ Пригодилась бы Вам. А ведь наверное Вы больше запоминаете типы, чем тюрьмы.

Подожду недельки две, может быть еще напишу Вам.

Вы знаете уже, что Север[ный] Вест[ник] издается Глинским (?) ⁵? Редактор, по прежнему, Евреинова ⁶.

Что делается в Москве, об этом можно судить только по «Новостям дня». Скачки, Эрмитаж ⁷, дожди, Пешков ⁸, воздухоплаватели, пожары, кражи — не много интересного.

До хорошего свиданья!

Катя ⁹ жмет Вашу руку, я горячо обнимаю.

Вл. Немирович-Данченко.

Екатеринославская гб. Почт. ст. Благодатное.

Усадьба Нескучное.

Какое впечатление делает этот адрес с «благодатным» и «нескучным» на человека, окруженного людьми, навсегда утратившими и благодать и веселость. Неужели и к Сахалину можно привыкнуть? Неужели и там есть радости, кроме простого отдыха от физического каторжного труда?

Интересно, что Вы будете думать после поездки: и на Сахалине можно жить ¹⁰ и ссылка не так страшна или она ужаснее, чем рисует фантазия?

В. Н.-Д.

11.

[1891 конец декабря].

И Вас с праздником! Когда Вы прислали «Дуэль» ¹, я только что написал Вам записку. Бранил Вас, звал обедать и просил «Дуэли» вместо визитной карточки ².

Что Вы будете делать в Петербурге? ³ Где остановились?

Суворина ⁴ Вы, конечно, увидите. Кланяйтесь ему от меня и пожелайте здоровья на новый год. Будет здоровье — будет и все, что ему надо.

Разузнайте, если это не секрет, кому он собирается поручить Московские фельетоны ⁵. Из всех бывших после смерти Курепина ⁶ только один был прекрасный — Кисляева ⁷. Это был совершенно замечательный фельетон и по-моему его никто не мог написать, кроме Вас. Под «Акакием» ⁸ у нас называют самого Суворина.

У меня была мысль составить небольшую компанию и предложить Суворину московские фельетоны и корреспонденции. Да испугался я обязательств.

Затем кланяйтесь Григоровичу ⁹, Плещееву ¹⁰ и кого увидите из знакомых (Гнедичу ¹¹).

До свидания. Пожалуйста, вернетесь в Москву — загляните. Право, скучаю, если долго не вижу Вас. Ей-богу скучаю. Вот не верит человек! ¹²

Вл. Немирович-Данченко.
Мясницкая, Чудовской п., д. Щербакова.

12.

[18]92 февраль.

Дорогой Антон Павлович!

Пишу два слова под свежим впечатлением. Не верьте двоедушным и только на половину одобрительным рецензиям: «Дуэль» — лучшее из всего, что Вы до сих пор написали.

Жму Вашу руку.

Вл. Немирович-Данченко.
Мясницкая, Чудовской п., д. Щербакова.

13.

11 ноября 1892.

Наконец-то! ¹

Я Вас ищу два месяца, тоскую по Вас. Спрашиваю направо и налево, где Вы. То Вы боретесь с холерой ², то сразу в П[етер]бурге. Поручал следить, когда Вы попадете в Москву, а вы проскочили и в П[етер]бург и обратно ³.

Два раза прослышал, что Вы в деревне ⁴, и собирался ехать к Вам, и чуть не за час до отъезда узнавал, что Вас нет дома.

Скажите, по крайней мере, где можно справляться о Вас. Нельзя же быть таким «инвизиблем» ⁵, как говорит один гусар.

Можно ли к Вам приехать? Если да, — то как и когда?

В Москве затевается два «кружка» — один по <пору> почину Боборыкина ⁶. Его первое собрание будет в воскресенье 15-го, о чем мне только что пишет П[етр] Д[митриевич]. <Это> Цели чисто литературные: рефераты, толки, прения. Записаны: Боборыкин, Иванюков ⁷, Тихонравов ⁸, Веселовский ⁹, Стороженко ¹⁰, Вы, я, Сумбатов, Иванов ¹¹ и еще человек пять. Первый реферат — Боборыкина, второй — мой (о «Теркине» ¹²).

Другой кружок затеял Сергеенко ¹³: Общество двенадцати. Маковский ¹⁴, Поленов ¹⁵, Прянишников ¹⁶, опять Вы, я и Сумбатов, Сергеенко, Боборыкин, Корсов ¹⁷, Садовский ¹⁸ и еще кто-то. Цель — встречаться и болтать.

И тому и другому я симпатизирую. — Вас нужно!

Что касается Вашей идеи ¹⁹, то она бесподобна, но не без «но». Мне кажется, здесь примешаются два вопроса: 1) точно ли газеты, занимающиеся перепечатками, дают <своим> издателям доход? По большей части, это жалкие, едва существующие, издания. А 2) не ослабит ли это силу печати в провинции, где она и без того не в авантаже обретається.

Во всяком случае, мысль прекрасная, и я с удовольствием поддержу.

До свидания. Жму крепко Вашу руку. Простите, что пишу на клочке. Сiju без почтовой бумаги.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

14.

[18]92 декабрь [1].

А вот Вам и доказательство¹, дорогой Антон Павлович. Хочу Вас видеть, а потому бросаю несколько уроков, делаю маленькое свинство относительно Алекс[андра] Ив[ановича] (Сумбатова) и еду к Вам в четверг в 9 ч. утра. В пятницу не могу, потому что вечером у меня заседание Т[еатрально]-Л[итературного] комитета².

Сегодня читаю «Палата № 6»³, о которой в Москве говорят во всех углах.

До скорого свидания.

Вл. Немирович-Данченко.

15.

[18]92 декабря [1].

Всего несколько часов назад послал Вам письмо¹, дорогой Антон Павлович, что еду к Вам в четверг. Теперь сообразил, что поступил опрометчиво. Никакой «силы-возможности»! С наслаждением двинуться могу, т. е. с душевным спокойствием сейчас же после 12-го декабря. Если хотите меня, скажите — когда?

Может быть, Вы к нам приедете теперь? В субботу «Общество XII»² собирается во второй раз, а во <поне> вторник, 8-го, уже 4-е собрание Кружка референтов³. Да еще мой реферат о «Василии Теркине». Если бы Вы приехали!

По поводу вопроса о газетных перепечатках я уже давал статью в «Моск[овскую] газету»⁴ и таковых там было уже несколько.

Так как же? Приедете ли Вы? И приехать ли мне к Вам после 12-го?

Пишу наскоро, т. к. хочу, чтобы первое мое письмо не опередило этого.

До свидания.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

16.

[1892 декабря 12 Суббота].

Милый Антон Павлович!

Так бы и полетел к Вам, но завтра 13-е — это правда, что ненавижу это число, — в понедельник 14-го — «Мария Шотландская»¹, — на Малом театре в первый раз этот датский писатель — Бьерн-Бьерн, — во вторник 15-го не мог отделаться от одного вечера, и — хотя в среду

16-го у меня важный класс в Филармонии², — тем не менее хочу ехать к Вам. Стало быть, моя телеграмма такова: Среда, шесть.

Затем, вина не пью никакого, с женщинами не знаюсь, Сумбатов все играет в театре и в клубе³, а Сергеев не вижу.

Итак, в среду, в шесть часов выезжаю в 3-м классе (а не холодно там или не угарно?) Это значит, — ночь говорим? И чудесно. Предвкушаю это удовольствие.

Палата № 6 имеет успех огромный⁴, какого у Вас еще не было.

Да Вы видите ли газеты? Только о ней и речь.

Хотите соберу?

Вл. Немирович-Данченко.

17.

1893 декабря 31.

Дорогой Антон Павлович!

Еду к Вам¹ с визитом поздравлять с Н[овым] Г[одом]. 3-го, как и сговаривались.

Выеду с утренним, 9 ч. поездом.

Поклон М[арии] П[авловне]².

Жму Вашу руку.

Вл. Немирович-Данченко.

18.

[18]94 апрель [середина 15—20]

Христос воскрес!

Где Вы? Здоровы ли? Если дома, собираетесь ли куда? Что делаете? Будете ли в первых числах мая в Мелехове? Я бы заехал поболтать. Или не хотите меня знать?

Всем привет.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

19.

[18]94 апрель 25 (почт. шт.)

Дорогой Антон Павлович!

Хочу ехать к Вам. Хочет ехать к Вам и жена, если—она боится—ее не встретят очень недружелюбно.

Но когда?

На Фоминой¹ я не могу совсем, у меня каждый день экзамены. Но со 2-го мая (понедельник) я вольный казак. Если это Вас устраивает, — известите. Прямо назначьте день: понедельник, вторник, среда и т. д.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Привет всем Вашим.

На обороте: Ст. Лопасня Московско-Курской ж. д.

Его В-дню Антону Павловичу Чехову.

20.

[18]95 февраля 11.

Дорогой Антон Павлович!

Стороженко и Веселовский просили меня написать Вам, поторопить Вас с рассказом для сборника¹. Очень спешно!!

Пошлите его не Стороженко, а Веселовскому: Чистые пруды, дом Балашовых, Алексею Николаевичу Веселовскому.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.
Мясницкая, Чудовской п., д. Щербакова.

21.

[18]95 [апреля 27].

Дорогой Антон Павлович!

Я кругом в долгу у Вас: не ответил на Ваше милое письмо о «Слезах»¹, не поблагодарил за книгу². Вчера только закончил свои занятия в школе и вечером, обедая с Марьей Павловной, каялся ей.

В сборнике Ваших рассказов я многих не знал раньше и с тем большим интересом прочел их. «В усадьбе»³ — классическая пьеса, уверяю Вас. Делает подавляющее и громадное впечатление. Даже среди Ваших рассказов это из лучших.

Ваш рассказ, напечатанный в «Почине»⁴, имеет успех. Я читал уже три хвалебных рецензии. Сегодня Говоруха⁵ посвящает ему фельетон. Вы, вероятно, не получаете «Моск[овских] Вед[омостей]», поэтому высылаю <ему> <его №> Вам №.

Сговаривался с Мар[ьей] Павл[овной] приехать к Вам. Когда это можно сделать? Если бы Вы, по приезде в Москву, заглянули ко мне, например, к 5—6 часам, в обед. Мы бы сговорились окончательно.

Мы пробудем в Москве числа до 10—15 мая.

Обнимаю Вас.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Хорошо ли у Вас в деревне?

22.

[18]95 мая [12] Пятница.

Дорогой Антон Павлович!

Жена шлет спасибо за листовку¹. Сохранила ее на зиму для новоселья.

Завтра уезжаем на юг.

Брадовский ждет Вас во всякое время.

Драму лысого доктора из жуифов уже прочел и не одобрил. Он от меня ушел немножко надутый.

До свидания!

Поклон всему Вашему дому.

Марье Павловне буду писать особо, когда узнаю адреса тифлиских друзей.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

23.

[18]95 октябрь [7, 14, 21, 28] Суббота.

Дорогой Антон Павлович!

Стороженко и Веселовский просили меня написать Вам, что очень ждут от Вас рассказа для «Почина»¹.

Когда будете в Москве?

Мой адрес: Гранатный пер., д. Ступишиной. Это недалеко от Никитских ворот и тех мест, где Вы когда-то жили на Садовой².

Поклон всему дому Вашему.

Вл. Немирович-Данченко.

24.

[18]95 ноября [7 или 14?] Вторник.

Дорогой Антон Павлович!

Спасибо и за книгу, и за фельетон, и за чернила, которые очень насмешили нас.

В пятницу уезжаем в деревню. Вернемся 24-го.

Живите здорово.

Обнимаю Вас.

Привет всему Вашему дому от меня и Кати.

Вл. Немирович-Данченко.

Гранатный пер., д. Ступишиной.

С м. на о б.

Что же, записывать Вас в члены Кассы взаимопомощи ученых и литераторов¹? В начале декабря будет общее собрание для выбора новых членов.

25.

1896 ноября 11.

Милый Антон Павлович!

Прости, что так долго не отвечал тебе¹. Все хотел или засесть за большое письмо, или хоть выслать книги. Но в заботах о пьесе², школе, комитете и т.п. все некогда. Ведь я почти на месяц уезжал из Москвы, чтобы окончить пьесу. И за это время все запустил. Теперь приходится наверстывать.

Давно о тебе ничего не знаю и это меня гложет. Не читал даже ни одной заметки о «Чайке»³. Слышал, что она не имела успеха или, точнее сказать, имела странный неуспех, и искренно больно мне было. Потом мои предположения подтвердились. Сумбатов был в П[етер]бурге и присутствовал на 4-м представлении. Он говорит, что в таком невероятном исполнении, в таком непонимании лиц и настроений пьеса не могла иметь успеха. Чувствую, что ты теперь махнешь рукой на театр, как это делали и Тургенев и другие.

Что же делал Карпов⁴? Где был его литературный вкус? Или в самом деле у него его никогда не было.

У меня начинает расти чувство необыкновенной отчужденности от П[етер]бурга с его газетами, актерами, гениями дня, пошляческими

стремлениями под видом литературы и общественной жизни. Враждебное чувство развивается — и это мне нравится⁵.

Будешь ли ты в Москве и когда?

Как адрес Марьи Павловны?

Что делаешь? В каком настроении?⁶ Напиши. Очень обрадуешь.

Твой Вл. Немирович-Данченко.
Гранатный пер., д. Ступишиной.

Катя шлет тебе и всему дому сердечный привет.

26.

[18]96 ноября [22] Пятница.

Милый Антон Павлович!

Может быть, у тебя и серьезно есть недоброе чувство против меня за то, что я несколько лет подбивал тебя писать пьесу¹. Но я остаюсь при убеждении, которое готов защищать как угодно горячо и открыто, что сцена с ее условиями на десятки лет отстала от литературы, и что это скверно, и что люди, заведующие сценой, обязаны двигать ее в этом смысле вперед и т. д.

Я слышал, что твоя «Чайка» появится в «Р[усской] М[ысли]»² и даже сделал предложение выступить там же по поводу ее со статьей.

Но у меня накопилось много мыслей, которые я еще не решаюсь высказывать печатно³ и которыми с особенным наслаждением поделился бы с тобой, именно с тобой. Мне так дорого было бы услышать твои возражения или подтверждения, хотя они отчасти направлены именно прот и в тебя, как писателя. Перепиской ничего не сделаешь. Буду ждать свидания с тобой. К сожалению, наши свидания чаще проходят бесследно в смысле любви к литературе. Не понимаю, отчего это происходит. Оттого ли, что не выпадает удобной минуты, что для интересного «обмена мыслей» надо сначала десять раз встретиться в качестве простых «гуляк» и только в одиннадцатый <выпадет> придет настроение славно побеседовать; оттого ли, что у тебя такой несообщительный характер, оттого ли, что я чувствую себя перед тобой слишком маленьким и ты подавляешь меня своей талантливостью, оттого ли, наконец, что все мы, даже и ты, какие-то неуравновешенные или мало убежденные в писательском смысле. — Притом и встречаться приходится в компаниях, где большинство элементов или узколобы, или дурно воспитаны. Я бы, например, говорил искренно и чисто-сердечно при Гольцеве⁴, Сумбатове — и только, в расчете, что мои искренние сомнения не будут истолкованы челепо. Да пожалуй еще при Сергеевке, которого люблю за его ум.

В тебе совсем нет «мастеровщины», по выражению Боборыкина, <от чего> ты наверно с интересом прослушал бы все мои сомнения. Но боюсь, что в тебе столько дьявольского самолюбия, или вернее сказать скрытности, что ты будешь только улыбаться. (Знаю ведь я твою улыбку.) А к тому же ты не раз говорил, что остываешь к литературе... Кто тебя разберет!

Вот видишь, — даже одно предисловие к беседе возбуждает во мне столько сомнений!

А досадно! Неужели лучше, чтобы каждый работал тихонько, в своем кабинете, скрывая от всех волнующие его вопросы и ища ответов на них только в книгах или собственных муках (да, муках), а не в беседах.

Не подумай, что я впадаю в старомодный лиризм. Просто чувствую потребность высказаться и выслушать. Если бы у нас был хоть один истинный литературный критик, который был бы во всех этих вопросах двумя головами умнее меня и снисходил бы до меня. Михайловский⁵, тот, может быть, и на сажень умнее всех нас, но он не снисходит. А остальных я сам поучу. Люблю беседовать с Боборыкиным, потому что в нем нет чванства и много искренности к самым мелким литературным вопросам, но он какой-то, бог его знает, качающийся из стороны в сторону и слишком быстро поддающийся всяким влияниям. Пытался я беседовать с Суворинным, — из этого ничего не вышло.

А может быть, просто со мной скучно. Тогда уж мне только и остается быть одному.

Все-то мы в этом отношении какие-то одинокие. Собираемся только для того, чтобы за бокалами шампанского выслушать красивые слова на давно знакомые темы.

По поводу твоей «Чайки» у меня уже даже шла довольно оживленная переписка с петербуржцами, — и то я горячился.

Что тебе рассказать нового?

Посплетничать? Только вчера узнал, что у Лысцовой есть ребенок, а отец этого ребенка—Гольцев. Вот видишь, какая «жизнепотребность». А ведь Виктору Александровичу под 50. Мать счастлива и горда и не скрывает своей радости и гордости. Любопытно знать твой взгляд на это.

Я занят раздачей ролей в пьесе и вообще пьесой. Писал ли я тебе о ней, — не помню. Называется «Цена жизни». Драма. Вопрос о самоубийствах. Идет в бенеф[ис] Ленского⁶, 12 декабря. Писал я ее с невероятным напряжением, настолько сильным, что давал себе слово больше не писать пьес. Пока она имеет успех и даже выдающийся, т. е. у тех, кто ее читал.

Остальное все время уходит в школу.

До свиданья. Обнимаю тебя и шлю от себя и Кати поклон Вам всем.

Твой Вл. Немирович-Данченко.
Гранатный пер., д. Стулишиной.
27.

[18]97 мая [начало до 7-го].

Милый Антон Павлович! Большое тебе спасибо за память, незаслуженную¹. Две-три недели ты пролежал, бедный, в клиниках, я первый же испросил у Оболонского² разрешения навещать тебя и — не приехал. Меня мучит это воспоминание. «Некогда!» Сам же я в своей пьесе³ браню это «некогда». *Faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais*⁴.

Ты у меня предвосхитил обложку. Я уже сдавал в типографию именно в таком же виде: «Пьесы» — и ничего больше. Теперь это выйдет подражание тебе.

Читал с огромным напряжением «Мужиков»⁵. Судя по отзывам со всех концов, ты давно не имел такого успеха.

Что ты будешь делать летом? Не попадешь ли на юг? К нам в деревню собирается Южин. Вот бы списались, какой был бы праздник! Мы будем отсутствовать июль. Почтовый адрес: Екатеринославской гб. Почт. ст. Павловка. Ехать: Екатерининск[ая] ж. д. Ст. Проясная, оттуда на лошадях верст 45 (в деревню Нескучное). Телеграмма: (Наприм. для высылки за тобой лошадей): Екатериносл. гб. Почт. ст. Покровское, Смирнову, послать нарочным Нем[ировичу]-Данч[енко].

Напиши во всяком случае, где ты будешь в июле.

Кланяйся от меня и жены всем своим и, пожалуйста, будь здоров.

Твой Вл. Немирович-Данченко.
Гранатный пер., д. Ступишиной.

Мы уезжаем 7-го мая.

28.

[18]98 апреля 25.

Дорогой Антон Павлович!

Ты, конечно, уже знаешь, что я поплыл в театральное дело¹. Пока-что, первый год мы (с Алексеевым) создаем исключительно художественный театр. Для этой цели нами снят «Эрмитаж» (в Карет[ном] ряду). Намечено к постановке «Царь Федор Иоаннович»², «Шейлок»³, «Юлий Цезарь», «Ганнеле»⁴, несколько пьес Островского и лучшая часть репертуара общества иск[усства] и литературы⁵. Из современных русских авторов я решил особенно культивировать только талантливейших и недостаточно еще понятых; Шпагинским⁶, Невежиным⁷ у нас совсем делать нечего. Немировичи и Сумбатовы довольно понятны. Но вот тебя русская театральная публика еще не знает. Тебя надо показать так, как может показать только литератор со вкусом, умеющий понять красоты твоих произведений — и в то же время сам умелый режиссер. Таковым я считаю себя. Я задался целью указать на дивные, по-моему, изображения жизни и чело[веческой] души в произведениях «Иванов» и «Чайка». Последняя особенно захватывает меня, и я готов отвечать чем угодно, что эти скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы при умелой, небанальной, чрезвычайно добросовестной постановке захватят и театральную залу. Может быть, пьеса не будет вызывать взрывов аплодисментов, но что настоящая постановка ее с свежими дарованиями, избавленными от рутины, будет торжеством искусства, — за это я отвечаю.

Остановка за твоим разрешением.

Надо тебе сказать, что я хотел ставить «Чайку» еще в одном из выпускных спектаклей школы. Это тем более манило меня, что лучшие из моих учеников влюблены в пьесу. Но меня остановили Сумбатов и Ленский, говоря, что они добьются постановки ее в Малом Театре. Разговор шел при Гольцеве. Я возражал, что большим актерам Малого театра, уже усвоившим шаблон и неспособным явиться перед публикой в совершенно новом свете, не создать той атмосферы, того аромата и настроения, которые окутывают действующих лиц пьесы. Но они на-

[illegible]

[illegible]

Наша Телера катисада Корбидара синаса...
ишаваниа Наварбидаса. Вси Телера катисада, т
лиа Корбидара на Телера де Телера, ишаваниа
Корбидара катисада - 7.н. И Телера, телера
Корбидара вон сина и синаса Корбидара
Телера. Телера Телера де Телера Телера.
Вон Телера и Телера Телера Телера Телера.

Милоу Вл. Кемидара Телера

Телера Телера Телера
Телера Телера Телера
Телера Телера Телера

Телера Телера Телера: Телера
Телера Телера Телера Телера
Телера Телера Телера Телера.

стояли, чтобы я не ставил <пьесы> «Чайки». И вот «Чайка» все-таки не идет в Малом Т[еатре]. Да и слава богу, говорю это от всего своего поклонения твоему таланту. Так уступи пьесу мне. Я ручаюсь, что тебе не найти большего поклонника в режиссере и обожателей в труппе.

Я, по бюджету, не смогу заплатить тебе дорого. Но поверь, сделаю все, чтобы ты был доволен и с этой стороны.

Наш театр начинает возбуждать сильное... негодование императорского⁸. Они там понимают, что мы выступаем на борьбу с рутиной, шаблоном, признанными гениями и т. п. И чувствуют, что здесь напрягаются все силы к созданию художественного театра. Поэтому было бы очень грустно, если бы я не нашел поддержки в тебе.

Твой Вл. Немирович-Данченко.
Гранатный пер., д. Ступишиной.

Ответ нужен скорый: простая записка, что ты разрешаешь мне ставить «Чайку», где мне угодно.

29.

[18]98 мая 12.

Дорогой Антон Павлович!

Ты обещаешь через Марью Павловну написать мне, но я боюсь, что ты будешь откладывать, а мне важно знать теперь же, даешь ты нам «Чайку» или нет. «Иванова» я буду ставить и без твоего разрешения, а «Чайку», как ты знаешь, не смею. А мы с половины июня будем репетировать¹. За май я должен подробно выработать репертуар.

Если ты не дашь, то зарежешь меня, т. как «Чайка» единственная современная пьеса, захватывающая меня, как режиссера, а ты — единственный, современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром.

Я не разберу, получил ли ты мое письмо, где я объяснял все подробно. Если хочешь, я до репетиций приеду к тебе переговорить о «Чайке» и моем плане постановки².

У нас будет 20 «утр» для молодежи с conférence³ перед пьесой. В эти утра мы дадим «Антигону»⁴, «Шейлока», Бомарше⁵, Островского, Гольдони⁶, «Уриэля»⁷ и т. д. Профессора будут читать перед пьесой небольшие лекции. Я хочу в одно из таких утр дать и тебя, хотя еще не придумал, кто скажет о тебе слово — Гольцев или кто другой.

Ответь же немедленно.

Твой Вл. Немирович-Данченко.
Гранатный пер., д. Ступишиной.

Привет всему Вашему дому от меня и жены.

В субботу я уезжаю из Москвы, самое позднее в воскресенье.

30.

[18]98 мая [12].

Милый Антон Павлович!

Только сегодня отправил тебе письмо и вот получил твое¹.

Ты не разрешаешь постановки?

Но ведь «Чайка» идет повсюду. Отчего же ее не поставить в Москве? И у пьесы уже множество поклонников: я их знаю. О ней были бесподобные отзывы в харьковских и одесских газетах.

Что тебя беспокоит? Не приезжай к первым представлениям — вот и все. Не запрещаешь же ты навсегда пьесу в одной Москве, так как ее могут играть повсюду без твоего разрешения? Даже по всему Петербургу. Если ты так относишься к пьесе, — махни на нее рукой и пришли мне записку, что ничего не имеешь против постановки «Чайки» на сцене «Товарищества для учреждения Общедоступного театра»². Больше мне ничего и не надо.

Зачем же одну Москву так обижать?

Твои доводы вообще не действительны, если ты не скрываешь самого простого, — что ты не веришь в хорошую постановку пьесы мною. Если же веришь, — не можешь отказать мне.

Извести, ради бога, скорее, т. е. вернее, — перемени ответ. Мне надо выдумывать макетки и заказывать декорацию первого акта скорее.

Как же твое здоровье?

Поклон всем.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

31.

[18]98 мая 31.

Милый Антон Павлович!

Твое письмо¹ получил уже здесь, в степи. Значит «Чайку» поставлю!! Потому что я к тебе непременно приеду². Я собирался в Москву к 15 июля (репетиции других пьес начнутся без меня), а в виду твоей милой просьбы приеду раньше. Таким образом, жди меня между 1 — 10 июля. А позже напишу точнее. Таратаек я не боюсь³, так что и не думай высылать на станцию лошадей.

В «Чайку» вчитываюсь и все ищу тех мостиков, по которым режиссер должен провести публику, обходя излюбленную ею рутину. Публика еще не умеет (а может быть и никогда не будет уметь) отдаваться настроению пьесы, — нужно, чтоб оно было очень сильно передано. Постараемся!

До свиданья.

Всем Вам поклон от меня и жены.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Екатеринославской гб. Почт. ст. Больше-Янисоль.

32.

[18]98 июля 6.

Милый Антон Павлович!

План мой круто повернулся. Я — в Ялте и в Москву приеду только к 25 июля.

Чтобы освободиться для театра совсем, я должен окончить роман «Пекло»¹, который уже печатается в «Од[есских] Новостях»². Вот я и приехал сюда кончать, заехав еще раз на завод для освежения наблюдений.

«Пекло» — роман из заводской жизни. Надумал я его года четыре назад, и с тех пор каждое лето ездил «собирать материал». Ду-

К. С. Станиславский и А. П. Чехов
читают авторский экземпляр „Чайки“
Деталь группы

мал печатать его в «Рус[ской] Мысли»³, но Гольцев и Лавров сказали, что половину его вырежут, тогда — благо подвернулся случай — я решил печатать его где-нибудь тихонько по фельетонам, чтобы потом выпустить отдельной книгой. Пока цензура довольно милостива. Вычеркивает только ругательные и неприличные слова. К сожалению, я сам так увлекся театром, что не могу отдаться роману, как следует, и местами «мажу».

Итак, извести в Москву твои маршруты — к 25 июля. До тех пор я безвыездно здесь (гостиница «Россия»).

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Привет всем твоим.

Напиши подробнее, как твое здоровье.

33.

[18]98 августа [5].

Милый Антон Павлович!

Мне тебя до зарезу надо! Но я даже не знаю, где тебя искать. Ради всех святых, приезжай в Пушкино¹ (по Ярославской дороге), дача Архипова, где происходят наши репетиции и где тебя встретят все, как ты того заслуживаешь.

Сегодня 5-го, я уеду из Москвы туда в 3 часа. Там останусь до 10^{1/2} часов.

Завтра, 6-го, я буду там с 12 утра до 10^{1/2} вечера.

В пятницу, 7-го, я буду в Москве, в Гранатном переулке часов до 4.

Живу я у Алексеева. Он убедительно просит тебя погостить у него². Это — со ст. Тарасовка, не доезжая Пушкино.

Значит, если ты приедешь сегодня или завтра, — то прямо в Пушкино, а ночевать мы поедем к Алексееву в т. д.

Если все это тебе тяжело, — дай мне увидеть тебя 7-го.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Пишу это письмо, а еще не знаю, где я его оставляю.

34.

[18]98 августа [15] Суббота.

Дорогой Антон Павлович!

С 25-го у нас перерыв (для переезда в Москву). Затем, числа 2-го—3-го начнутся репетиции в Охот[ничьем] Клубе¹ — по утрам «Чайки», а по вечерам — народных сцен «Федора»². На репетиции «Чайки» я тебя буду пускать с осторожностью, т. к. мы только что начинаем. Но говорить с тобою мне надо о многом. Полная mise en scène³ первого акта прислана уже мне Алексеевым. Главное, надо, чтобы ты разрешил всю постановку сцены делать по-нашему.

Успех «Чайки» — вопрос моего художественного самолюбия, и я занят пьесой с таким напряжением, какое у меня бывает, когда пишу сам.

По приезду ты найдешь меня: 1) или дома, 2) или в школе (Б. Никитская, д. Батюшкова) или 3) в Охотничьем Клубе (Шереметьевский пер.)

Ежов⁴ уже посвящал нам не раз сочувственные строки в то время,

когда нас щипали газетки. Тем не менее, не скрою, я колеблюсь сообщать ему подробности. Решили мы с Алексеевым молчать, чтобы само дело говорило, чего мы хотим. Но разумеется, ему первому я готов открыть все карты.

Сумбатов здоровехонек.

Крепко жму твою руку.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Только что из Харькова, где снял театр на весну.

35.

[18]98 авг[уста] 21.

Дорогой Антон Павлович!

Я уже приступил к беседам и счеткам «Чайки».

В конторе импер[аторских] театров нет обязательства твоего на Москву¹, а если бы оно было вообще, то находилось бы здесь. Ввиду этого, дай мне поскорей разрешение на постановку. В гонораре, я надеюсь, мы сойдемся. Если тебе нужны будут деньги вперед, — распоряжусь выдать.

Я переезжаю окончательно в Москву 26-го. 27-го и 28-го еще буду отсутствовать, а с 29-го совсем засяду в Москве.

Кроме того, разреши мне иначе планировать декорации, чем они указаны у тебя. Мы с Алексеевым провели над «Чайкой» двое суток² и многое сложилось у нас так, как может более способствовать настроению (а оно в пьесе так важно!). Особливо первое действие. Ты во всяком случае будь спокоен, что все будет делаться к успеху пьесы.

Первая беседа затянулась у меня с артистами на 4 с лишком часа, и то только о двух первых актах (кроме общих задач).

Мало по малу мне удалось так возбудить умы, что беседа приняла оживленный и даже горячий характер. Я всегда начинаю постановки с беседы, чтобы все артисты стремились к одной цели.

Затем еще позволь мне, если встретится надобность, кое-где вставить словечко-другое. Очень мало, но может понадобиться.

Встретился как-то с Кони³ и много говорил о «Чайке»⁴. Уверен, что у нас тебе не придется испытать ничего подобного петербургской постановке. Я буду считать «реабилитацию» этой пьесы — большой своей заслугой.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Гранатный пер., д. Ступишиной.

36.

[18]98 ав[густа] 24.

Дорогой Антон Павлович!

Сегодня было две считки «Чайки».

Если бы ты незримо присутствовал, ты... знаешь, что?.. Ты немедленно начал бы писать новую пьесу!

Ты был бы свидетелем такого растущего, захватывающего интереса, такой глубокой вдумчивости, таких толкований и такого общего нервного напряжения, что за один этот день ты горячо полюбил бы самого себя.

Сегодня мы тебя все бесконечно любили за твой талант, за деликатность и чуткость твоей души.

Плагируем, пробуем тоны — или вернее — полутоны, в каких должна идти «Чайка», рассуждаем, какими сценическими путями достичь того, чтобы публика была охвачена так же, как охвачены мы...

Не шутя говорю, что если наш театр станет на ноги, то ты, подарив нас «Чайкой», «Дядей Ваней»¹ и «Иванов[ым]», напишешь для нас еще пьесу.

Никогда я не был так влюблен в твой талант, как теперь, когда пришлось забираться в самую глубь твоей пьесы.

Написал это письмо, вернувшись домой с вечерней ситки, — хотелось написать тебе.

Твой Вл. Немирович-Данченко.
Гранатный пер., д. Ступишиной.

[18]98 сентября [до 9-го].

37.

Дорогой Антон Павлович!

Тебя все еще нет, а «Чайку» я репетирую. Между тем хотелось бы о многом расспросить тебя. Поехал бы сам к тебе, но решительно не имею времени.

Наладили *mise en scène* двух первых актов и завтра начинаем их репетировать без ролей.

Сумбатов говорил со мной оч[ень] много по поводу «Чайки» и высказывал мнение (которое сообщил, кажется, и тебе), что это именно одна из тех пьес, которые особенно требуют крупных, опытных артистов, а режиссеры не могут спасти ее.

Странное мнение! Я с ним спорил чрезвычайно убежденно. Вот мои доводы (так [как] ты получил доводы Сумбатова, то взвесь и мои).

Во-первых, пьеса была в руках крупных актеров (Давыдов, Сазонов, Варламов, Комиссаржевская, Дюжикова, Аполлонский и т. д.¹), — что же они — сделали успех пьесе? Значит, прецедент не в пользу мнения Сумбатова.

Во-вторых, в главных ролях — Нины и Треплева — я всегда предпочту молодость и художественную неиспорченность актеров их опыту и выработанной рутине.

В-третьих, опытный актер в том смысле, как его понимают, — это непременно актер известного шаблона, хотя бы и яркого, — стало быть, ему труднее дать фигуру для публики новую, чем актеру, еще неискусившемуся театральной банальностью.

В 4-х, Сумбатов, очевидно, режиссерство понимает только, как подсказывающего *mise en scène*, тогда как мы входим в самую глубь тона каждого лица отдельно, и — что еще важнее — всех вместе, общего настроения, что в «Чайке» важнее всего.

Есть только одно лицо, требующее большой сценической опытности и выдержки — это Дорн. Но поэтому то я и поручаю эту роль такому удивительному технику-актеру, как сам Алексеев².

Наконец, мне говорят: «нужны талантливые люди». Это меня всегда смешит. Как-будто я когда-нибудь говорил, что можно ставить спектакли с бездарностями. Говорить о том, что актер должен быть

А. П. Чехов, Вл. И. Немирович-Данченко и О. Л. Князева
после прочтения „Чайки“
Деталь группы

талантлив—все равно, что пианист должен иметь руки. И для чего же я из 7 выпусков своих учеников выбрал только 8 человек³ (из 70), а Алексеев из 10-тилетнего существования своего Кружка только 6 человек⁴.

Ну, да на это смешно возражать.

В конце-концов жду тебя и все... (как говорит Сорин).

Вот наше распределение ролей.

Аркадина — О. Л. Книппер (единственная моя ученица, окончившая с высшей наградой, с чем за все время существования училища кончила только Лешковская). Очень элегантная, талантливая и образованная барышня, лет однако 28.

Треплев — [...] (окончивший с высшей наградой. Таких за все время было только двое. Другой — Москвин — играет у нас «Царя Федора»).

Нина — Роксанова. Маленькая Дузе⁵, как ее назвал Ив. Ив. Иванов. Окончила в прошлом году и сразу попала в Вильно к Незлобину⁶ и оттуда к Соловцову на 250 р. в месяц. Молодая, очень нервная актриса.

Дорн — Станиславский.

Сорин — Калужский — первый актер труппы Алексеева.

Шамраев — Вишневский — провинциальный актер, бросивший для нас ангажемент в Нижнем на первые роли и 500 р. жалованья. Он, кстати, был в твоей же гимназии.

Маша — пока слабо. Вероятно, заменю ее другою.

Полина Андреевна — Раевская, недурно.

Тригорин — очень даровитый провинциальный актер⁷, которому я внушаю играть меня только без моих бак.

До свиданья.

Жду весточки.

Mise en scène первого акта очень с мелая. Мне важно знать твое мнение.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

От 3 до 4 я всегда в Училище⁸.

38.

[18]98 сент[ября] 27.

Дорогой Антон Павлович!

Спасибо тебе за милые строки¹, которые я прочел нашим в труппе. «Чайке» я сделал паузу. Начнем вновь репетиции, когда дело совсем наладится. С измененным распределением ролей.²

Суворин, как ты и предсказывал, оказался... Сувориным. Продал нас через неделю. На твоих глазах он восхищался нами, а приехал в Петербург и махнул подлую заметку³. Не могу себе простить, что говорил с ним о вступлении в «Товарищество».

«Антигону» я пришлю.

Несмотря на работу до одури и нервной одышки, я успеваю читать. Сейчас закрыл книгу на рассказе «О любви», «Крыжовник»,⁴ хорошо. (Книжку с «Ионычем»⁵ у меня взяли) — хорошо, потому что есть и присущий тебе колорит, как в общем тоне и фоне, так и в лепке, и еще потому, что очень хорошие мысли.

Наши театральные шлют тебе привет. Катерина Николаевна благодарит за память.

Твой Вл. Немирович-Данченко.
Гранат[ный] пер., д. Ступишиной.

39.

Телеграмма.

1898 октября 17.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

Труппа артистов и Константин Сергеевич поручили мне выразить тебе наше глубокое сочувствие в постигшем тебя горе¹.

Немирович-Данченко.

40.

1898 ноября 5.

Дорогой Антон Павлович!

Очень тронут твоим письмом.¹

Дела наши идут отлично, хотя газеты и начали уже кусаться, ну да что же делать. Очень уж много у них пошляков².

«Федор»... гремит. По уверениям всех, наиболее интересной из будущих пьес явится «Чайка». Это меня и радует и держит настороже. Пока не наладится великолепно, не пущу. Тригорина готовит Алексеев. Машу — жена его. Уже читал с нею роль два раза. Дорна и Сорина еще не порешил.

Здесь нас напугали газеты твоим нездоровьем. К счастью я имел уже твое письмо.

«Антигону» вышлаю.

Как ты думаешь распорядиться своим временем? Долго ли Мар[ия] Павл[овна] пробудет в Крыму. Как Вы решаете с Мелиховым?³

Пиши, пожалуйста, чаще.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

41.

Телеграмма.

1898 декабря 18.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

Только что сыграли «Чайку», успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом последовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные. Мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья. Все тебя крепко целуем. Напишу подробно.

Немирович-Данченко, Алексеев, [...], Вишневский, Калужский, Артем¹, Тихомиров², Фессинг³, Книппер, Роксанова, Алексеева, Раевская, Николаева⁴ и Екатерина Немирович-Данченко.

42.

Телеграмма.

1898 декабря 18.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

Все газеты с удивительным единодушием называют успех «Чайки» блестящим, шумным, огромным. Отзывы о пьесе восторженные¹. По

нашему театру успех «Чайки» превышает успех «Федора». Я счастлив как никогда не был при постановке собственных пьес.

Немирович-Данченко.

43.

[1898 декабря 18—21]

[Пятница—понедельник].

Дорогой Антон Павлович!

Из моих телеграмм ты уже знаешь о внешнем успехе «Чайки». Чтоб нарисовать тебе картину первого представления, скажу, что после 3-го акта у нас за кулисами царило какое-то пьяное настроение. Кто-то удачно сказал, что было точно в светло-христово воскресенье. Все целовались, кидались друг другу на шею, все были охвачены настроением величайшего торжества, правды и честного труда. Ты собери только все поводы к такой радости: артисты влюблены в пьесу, с каждой репетицией открывали в ней все новые и новые художественные перлы. Вместе с тем трепетали за то, что публика слишком мало литературна, мало развита, испорчена дешевыми сценическими эффектами, не подготовлена к высшей художественной простоте, чтоб оценить красоты «Чайки». Мы положили на пьесу всю душу и все наши расчеты поставили на карту. Мы, режиссеры, т. е. я и Алексеев, напрягли все наши силы и способности, чтобы дивные настроения пьесы были удачно интерсценированы¹. Сделали 3 генеральных репетиции, заглядывали в каждый уголок сцены, проверяли каждую электрическую лампочку. Я жил две недели в театре, в декорационной, в бутафорской, ездил по антикварным магазинам, отыскивал вещи, которые давали бы колористические пятна. Да, что об этом говорить! Надо знать театр, в котором нет ни одного гвоздя...

На первое представление я, как в суде присяжных, делал «отвод», старался, чтоб публика состояла из лиц, умеющих оценить красоту правды на сцене. Но я, верный себе, не ударил пальца о палец, чтоб подготовить дутый успех.

С первой генеральной репетиции в труппе было то настроение, которое обещает успех. И однако, мои мечты никогда не шли так далеко. Я ждал, что в лучшем случае это будет успех серьезного внимания. И вдруг... не могу тебе передать всей суммы впечатлений... Ни одно слово, ни один звук не пропал. До публики дошло не только общее настроение, не только фабула, которую в этой пьесе так трудно было отметить красной чертой, но каждая мысль, все то, что составляет тебя и как художника и как мыслителя, все, все, ну, словом, каждое психологическое движение, — все доходило и захватывало. И все мои страхи того, что пьесу поймут не многие, исчезли. Едва ли был десяток лиц, которые бы чего-нибудь не поняли. Затем, я думал, что внешний успех выразится лишь в нескольких дружных вызовах после 3-го действия. А случилось так. После первого же акта всей залой артистов вызвали 5 раз (мы не быстро даем занавес на вызовы), зала была охвачена и возбуждена. А после 3-го ни один зритель не вышел из залы, все стояли, и вызовы обратились в шумную, бесконеч-

ную овацию. На вызовы автора я заявил, что тебя в театре нет. Раздались голоса — «послать телеграмму».

Вот до чего я занят. Начал это письмо в пятницу утром и до понедельника не мог урвать для него часа! А ты говоришь «приезжай в Ялту». 23-го я на 4 дня удеру к Черниговской, только чтобы выспаться!

Итак, продолжаю. Я переспросил публику: «Разрешите послать телеграмму?» На это раздались шумные аплодисменты и «да, да».

После 4-го акта овации возобновились.

Играли мы... В таком порядке: Книппер — удивительная, идеальная Аркадина. До того сжилась с ролью, что от нее не оторвешь ни ее актерской элегантности, прекрасных туалетов обворожительной пошлячки, окупости, ревности и т. д. Обе сцены 3-го действия, с Трепловым и Тригориным — в особенности первая — имели наибольший успех в пьесе, а заканчивались необыкновенно поставленной сценой отъезда (без лишних людей). За Книппер следует Алексеева — Маша. Чудесный образ! И характерный и необыкновенно трогательный. Она имела огромный успех. Потом Калужский — Сорин. Играл, как очень крупный артист. Дальше — [...]. Был мягок, трогателен и несомненный дегенерант. Затем Алексеев. Схватил удачно мягкий, безвольный тон. Отлично, чудесно говорил монологи 2-го действия. В третьем был слащав. Слабее всех была Роксанова, которую сбил с толку Алексеев, заставив играть какую-то дурочку. Я рассердился на нее и потребовал возвращения к первому, лирическому, тону. Она и запуталась. Вишневецкий еще не совсем сжился с мягким, умным, наблюдательным и все пережившим Дорном, но был очень удачно гримирован (вроде Алексея Толстого²) и превосходно кончил пьесу. Остальные поддерживали стройный ансамбль.

Общий тон покойный и чрезвычайно литературный.

Слушалась пьеса поразительно, как еще ни одна никогда не слушалась.

Шум по Москве огромный. В Малом Театре нас готовы разорвать на куски.

Но вот несчастье. На другой день должно было состояться 2-е представление. Книппер заболела. Отменили и 3-е, которое должно было быть вчера, в воскресенье. На пьесе это не отразится, но денег мы потеряли много.

Поставлена пьеса — ты бы ахнул от 1-го и — по моему — особенно от 4-го действия.

Рассказать трудно, надо видеть.

Я счастлив бесконечно.

Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Дашь «Дядю Ваню»?

Телеграмма

1898 декабря 31.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Второе и третье представления сыграли при совершенно полных сборах и с тем же успехом. Обнимаю шлем тебе привет.

Немирович-Данченко.

Телеграмма.

1899 января, 11.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

Собрались приветствовать друг друга с Новым годом. Вся труппа влюбленная в тебя шлет тебе горячий привет. Я даю за тебя слово, что если господь бог пошлет нам жизни, то все твои новые драмы принадлежат нам.

Немирович-Данченко.

[18]99 февраля [3].

Дорогой Антон Павлович!

Давно я тебе не писал. Если бы ты знал, сколько дела! Фу! Знаешь-ли, — я недавно высчитал, — я 21 месяц не имел пяти дней полного безмятежного отдыха! Были 3—4 дня в дороге, а то все время работа, работа, работа! И настоящая, полная радость, настоящее счастье испытал только <два дня> полсуток, — после «Чайки». Полсуток потому, что на другой же день отмена целого спектакля¹ повергла меня снова в заботливое настроение.

А тут еще были, т. е. вот последние дни, сильные морозы, от 12 до 17°. Я не могу жить в морозы. Я хожу с застывшими мозгами, с заледенелой энергией, без фантазии, без любви к существованию. Мне не хочется ни думать, ни писать, ни распоряжаться. И в такое время дела нарастает с каждым днем, потому что я смотрю на громаду работы с тупым унынием бездельника.

Дела наши блестящи. Теперь несомненно, что в Москве, да и нигде в другом русском городе никогда так серьезно и так успешно не начиналась ни одна антреприза. При сборе в 900 рублей мы теперь (январь весь) идем в 890 р. на круг. «Чайка» завтра идет в 11-й раз, все время с аншлагом. Шаврова-Юст² писала тебе очень верно о том, как играют. Самые строгие театралы тем не менее говорят, что никогда еще Москва не видала такого исполнения пьесы современной.

Когда тебе потребуется гонорар, — сообщи дня за три. Считаю 10% с валового сбора (за вычетом, конечно, авторских в Об[щество] Др[аматических] Пис[ателей]).

В безукоризненности отчетов и рапортов можешь не сомневаться. Впрочем, я могу тебе представить их за подписью бухгалтера.

Что же ты не даешь разрешения на «Дядю Ваню». И знаешь что? Непременно напиши новую пьесу нам. Да заранее поговори со мной, чтоб я мог жить ею вместе с тобой.

Сниматься мы будем, т. е. участвующие, на днях. И прищем тебе всякие группы и отдельные лица.

Ну будь здоров.

Пиши, пожалуйста, чаще.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Поклон тебе ото всех.

47.

Телеграмма.

1899 февраля 13.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

За трапезой по поводу пятидесятого представления «Царя Федора» пили твое здоровье более ста тружеников Художественно-Общедоступного театра, пожелали скорейшего пятидесятого представления «Чайки» и шлют тебе, нашему другу, горячий привет и пожелания сил и вдохновения для славы русской сцены.

Немирович-Данченко.

48.

[18]99 апрель.

Милый друг!

Постановка «Чайки» лопнула окончательно¹. Совет старейшин Клуба прислал бумагу с извещением, что 27-го апреля у них прекращается освещение (электрическое). Шабаш! Даже для репетиций клуб не дается, т[ак] что сейчас Вишневский хлопочет о снятии для наших репетиций театра Парадиз².

Очень мне грустно, но ничего не сделаешь.

Думали мы с К[онстантином] С[ергеевичем] сделать для тебя, наконец, просто репетицию «Чайки», но что она скажет?!

Крепко жму твою руку.

Вл. Немирович-Данченко.

49.

[18]99 май.

Дорогой Антон Павлович!

Спасибо за аккуратность (извещение Кондратьева¹). Спасибо и за указание на пьесу Стриндберга², но где бы ее поскорее достать и прочесть? Я ищу пьесу с яркой и оригинальной ролью для Ольги Леонардовны, — не подойдет ли эта «Графиня Юля»?

«Дядю Ваню» мы все еще читаем. Произошла перетасовка ролей. Алексеев и Вишневский поменялись. Вишневский, — которого я всегда считал лучшим исполнителем дяди Вани, но считался, против совести, с желанием Алексеева играть эту роль, — Вишневский читал вчера с разительным темпераментом, красивым и сильным. Сколько я могу судить, успех он должен иметь колоссальный.

Не могу я никак успокоиться на профессоре. Калужский читал искусственно-карикатурно. Дал читать Кошеверову. Этот искреннее, проще, но мало-цветисто. Все обхожу еще [...], для которого, мне кажется, невыгодным играть профессора рядом с Треплевым. И недостаточно он красив.

Впрочем, все это тебе расскажут, как мы тут волновались из-за распределения ролей.

Сейчас Гославский³ читал мне твое письмо. Многое, — особенно все, что касается его, как писателя, — верно, нахожу я.

Итак, ты будешь в Москве около 20-го мая⁴?

Поклон твоим от меня и жены.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

50.

[18]99 май.

✓ Насколько сознательна работа Войницкого для профессора? Бросил ли он ради этого свою карьеру? Могут ли быть лавровые деревья? Ведь это очень дорого.

Как Соня относится к отцу?

О конце 1-го и конце 2-го д[ействия]? Зонтик и смех.

Хорошо ли, собачка у Мар. Вас.? Либералки ее времени вряд ли допускали такую вещь. А она была либералка. И лорнет у меня под сомнением.

✓ Нельзя ли выпустить дядю Ваню иначе? Т. е. первый его выход — не спросонья дневного. Боюсь, что этот выход наложит канье на всю роль.

✓ О перемене ролей. — Я всегда думал, что Войницкого надо играть <дяде Ване> Вишневскому и оттягивал это только в виду очевидного, хотя и не высказанного желания Алексеева играть эту роль. По темпераменту Вишневский будет лучше всех. [...] был бы старый Треплев. Алексеев будет отличный Астров. Профессор все еще не решен — Кошев[еров] или Калужский (или [...]). Кошев[еров] будет красивый, пошловатый нытик. Калужский на всякий случай будет следить за репетициями.

Относительно «Рассвело»...¹ удобно ли?

51.

[18]99 июня 23.

Милый Антон Павлович!

- Вот ровно три недели, как я в деревне. Дней 10 занят был почти исключительно все тем же театром. Однако, успел задумать пьесу¹. Затем приступил к ней и наработал довольно много, но скоро убедился, что мало жил ею и отложил. Теперь занят пьесой иного рода²...

Как ты скажешь? Дурно переделывать собственную беллетристическую вещь для сцены?

✓ Я переделываю (секрет пока) свою «Губернаторскую ревизию». Давно меня зудит эта мысль. И — как это ни странно, — я до сих пор могу жить этой вещью, точно еще не написал ее. Меня прельщает новизна в том, чтобы привести на сцену весь чиновничий и полицейский уезд, каким я его вижу. Сюжет великолепно складывается в драмат[ическую] форму. Изменяю только финал, т. е. не меняю его по существу, а финал пьесы даю в другом месте...

Так, как ты скажешь? Мне очень интересно твое мнение.

Алексееву можешь писать по его московскому адресу: Садовая-Красноворотская, свой дом.

Форму издания пьес с *mise en scène* можно выдумать. А снимки декораций и проч.? За эту работу придется платить Марксу (т. е. он должен будет платить)³.

В конце июля ты уже не будешь дома?

Мне, к сожалению, придется, вероятно, приехать в Москву на недельку. Потом на $\frac{2}{3}$ августа опять уеду сюда.

Что ты поделываешь? Кланяйся Марье Павловне и матушке с братьями⁴, если они с тобой.

Крепко жму твою руку.

Вл. Немирович-Данченко.

Б. Янисоль Екатеринославск[ой] гб.

Жена Вам обоим очень кланяется.

Не сохранилось ли у тебя адреса, имени и отчества Павловского⁵ (Париж)? — Мне нужно.

52.

[18]99 июль.

Милый Антон Павлович!

Спасибо и за адрес Павловского, и за одобрение на пьесу из «Губер[наторской] ревизии!»¹ При переводе повести на пьесу многое не меняется, а углубляется.

Правда ли, что ты бежал в Москву работать?

Убежал от славы? Бывает.

Крепко жму твою руку. Жена тебе кланяется.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

53.

Телеграмма.

1899 сентября 30.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

После молитвы перед открытием второго сезона встали прекрасные воспоминания прошлого. Вновь живы прежние восторги. Вся труппа единодушно потребовала послать привет дорогому другу нашего театра с пожеланием поскорее видеть его среди нас.

Алексеев Немирович-Данченко.

54.

[1899, начало октября].

Дорогой Антон Павлович!

Я думаю, что в конце-концов с нашим Театром я растеряю всех друзей. Не только не удастся видаться с ними, но даже переписываться.

29-го мы, как и предполагалось, «открылись». «Грозный»¹ имеет очень большой успех по сборам и будет, вероятно, идти «с аншлагами» представлений 25—30.

Постановка очень привлекательна, вся публика ее почувствовала, но... Константину Сергеевичу роль не удалась, никому он не понравился, и вот происходит мучительный кризис. Актер чувствует, что зала не его, а должен играть. Тратит огромное количество нервов, но не заражает, т. к. зала не принимает его з а м ы с л а. Я не судья, права ли публика. Я так втянулся в замысел Алексеева, что он мне решитель-

но нравится, но я чуть ли не единственный из всех, кто его до сих пор видел.

Беда идет дальше. Утомляет актера вообще не роль, а неуспех в роли. И Конст[антин] Серг[еевич]: так утомляется, что ни в день «Грозного», ни на другое утро не годен для работы. И поэтому до сих пор не вошел в «Дядю Ваню». Все сцены без Астрова мы уже сладили настолько, что сегодня я даже отменил репетицию: нам делать нечего, без Астрова.

14-го октября «Дядя Ваня» не пойдет, это ясно. Симов² приготовил макеты еще летом, но они оказались никуда не годными. И он только что приступает к декорациям.

Сцены, уже готовые, идут превосходно. Особливо — 3-е действие, которое даже на репетициях делает громадное впечатление. Я лично к пьесе все больше и больше привязываюсь. Расчеты у нас на «Дядю Ваню» очень большие.

1-го октября возобновили «Чайку» при полном сборе. Шла сначала трусливо, потом увереннее и кончилась превосходным приемом. Все сделали шаг вперед, даже К[онстантин] С[ергеевич] уже не играет 3-е действие таким гатолі³ и даже Роксанова в 4-м действии не паузит так безбожно и не гримасничает. Жена нашла, что она играла 4-е д[ействие] прямо трогательно (я сам этого акта не смотрел).

Теперь вот в чем дело. Выдумал Конст[антин] Серг[еевич] новую форму сценического искусства, довольно курьезную и обещающую иметь успех. Объяснить это довольно трудно, так что помоги при чтении этого письма своей фантазией.

Представь себе сцену театра уменьшенную (нашим раздвигным занавесом) и поднятую приблизительно как бывает в живых картинах. На этой сцене ставятся художественно-литературные диалоги, эскизы. Декорации, бутафория — всё имеется. Идет, положим, твой рассказ «Налим»,⁴ переделанный в драматическую форму. Или тот рассказ, в котором помещик и сухая англичанка удят рыбу.⁵ Или разговор на Большой дороге⁶ и т. д. и т. д.

Можно переставить множество мелких вещей твоих, Тургенева, Щедрина, Григоровича, Пушкина («Пир во время чумы»). Сценка за сценкой должны меняться со скоростью синемаатографа. Тут и ярко комические вещи (вообрази Артема, раздевающегося за какой-нибудь ивой и лезущего в воду) и драматические. По 4, по 5 без антракта. Этот род вещей может пойти за такими пьесами, как Стриндберговские. Интересно? Выскажи, во-первых, свое мнение, а во-вторых, свои авторские соображения на этот счет.⁷

Портрет пришлю свой.

Пока до свидания. Обнимаю тебя и шлю привет твоим.

Пиши, обещаю отвечать скоро.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

55.

[18]99 октября [23] Суббота.

Дорогой Антон Павлович!

Получил два твоих письма¹. После первого начал писать тебе в тот же день. И вот за трое суток не мог даже дописать. Так и бросил.

Дом в Медихове, в котором жил А. П. Чехов с семьей в 1892 г.
Рис. художника В. А. Симова

Работа у нас, действительно, идет горячая. Всего было. И спорили, и даже немножко ссорились. Главная же возня за все последние дни была в декорационной и бутафорской. Доводили меня до совершенного бешенства, когда я хлопал по столу, кричал, стонал, выл, выгонял из театра, брал новых лиц. Дело в том, что вся эта часть в руках талантливого, но ленивого Симова и аккуратного, но совсем бездарного Геннерта². Первый до сих пор не дал половины своей работы, а второй еще с лета приготовил разные машинные и бутафорские вещи, которые почти все оказались ни к чорту не годными.

При всем том, настроение у всех бодрое и уверенность в успехе, пожалуй, даже излишняя.

Первая генеральная, 20-го, была каким то сумбуром, в котором столько же талантливости, сколько и всевозможного мусора.

Декорации и бутафория 1, 2 и 4 действий устанавливали мы четыре раза. И все-таки это меня не удовлетворяет. Мебель — большую часть ее — я взял в антикварном магазине (Empire, Екатерининской эпохи, — бесподобное старье и хлам). Декорация 1-го действия — неясна и хотя талантлива, но порядочная мазня; второе (столовая с колоннами) нелепа, хотя я и хотел нелепости, т. е. смесь остатков прежнего величия с небогатой современностью. Третье — до сих пор не видел. 4-е — мило и уютно.

Играли 20-го так: первым номером шел Алексеев, по верности и легкости тона. Он забивал всех простотой и отчетливостью. Надо тебе заметить, что я с ним проходил Астрова, как с юным актером. Он решил отдаться мне в этой роли и послушно принимал все указания. В зале он имел отличный успех. Далее. У д и в и т е л ь н о хороша Алексеева³. Искренности необычайной. Ольга Леонардовна необыкновенно красива и прекрасна везде, где схватила тон *grande dame*. Кое-где выбивается еще из этого тона. Впрочем, она очень устала, т. к. играет чуть не каждый день. Никакого пафоса Алексеев в сценах с нею не дает⁴. Рисуем Астрова матерьялистом в хорошем смысле слова, не способным любить, относящимся к женщинам с элегантно циничностью, едва уловимой циничностью. Чувственность есть, но страстности настоящей нет. Все это под такой полушутливой формой, которая так нравится женщинам.

Отлично ведут свои роли Артем, Самарова и Раевская⁵. У Артема слезливость есть, и я ее не устранял. Она идет ему. Философ вышел бы суховат, и в 3-м действии из философского настроения легко было бы выпасть. Может быть, это не то, что ты задумал, но недурно. Самарова ни минуты не слезлива. Напротив, чаще сурова. Раевская суха и педантична.

Калужский в зале нравится, но еще не чувствую в нем профессора. При этом он дал великолепный грим, но такой портрет Веселовского, что пришлось отменить и выдумывать другой.

Слабее всех пока сам дядя Ваня⁶. Образа никакого. С 3-го д[ействия] дает много отличного темперамента, а в первых двух запутался. Жду другого грима, который сразу облегчит и его, и публику.

Сегодня 2-я генеральная, в понедельник утром 3-я, а во вторник играем.

Буду писать тебе подробно.
Деньги велю выслать немедленно.
Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

56.

[18]99 октября [27]
[Среда].

Ну, вот, милый наш Антон Павлович, «Дядю Ваню» и сыграли. Из рецензий ты будешь видеть, вероятно, что некоторые грехи пьесы не удалось скрыть. Но ведь без грехов нет ни одной пьесы в репертуаре всего мира. Однако, это чувствовалось в зале. Грехи заключаются: 1) в некоторой сценической тягучести $2\frac{1}{2}$ актов, несмотря на то, что из 50 пауз, которые ты видел, мы убрали 40. Постепенно, из репетиции в репетицию убрали; 2) в неясности психологии самого Ивана Петровича и особенно — в «некрепкой» мотивировке его отношения к профессору.

То и другое зала чувствовала, и это вносило известную долю охлаждения. (Я стараюсь выражаться очень точно). И вызовы, несмотря на их многочисленность, были не взрывами восторга, а просто хорошими вызовами. Только четвертое действие сильно и безусловно захватило всю залу, так что по окончании пьесы были и взрывы и настоящая овация. И публика на $\frac{4}{5}$ не расходилась в течение 15 минут вызовов.

Очень забирала публику: простота сцен (на афише я оставил «сцены из дерев[енской] жизни»), красивая и мягкая инсценировка пьесы, чудесный — по простоте и поэзии — язык и т. д.

Для меня, старой театральной крысы, несомненно, что пьеса твоя — большое явление в нашей театральной жизни и что она даст много превосходных сборов, но мы взвинтились в наших ожиданиях фурора и в наших требованиях к самим себе до неосуществимости, и эта неосуществимость портит нам настроение.

И в исполнении в первом представлении были досадные недочеты.

Было так. Первым номером, на голову дальше всех, пришел Алексеев, превосходно играющий Астрова (в этом — моя гордость, т. к. он проходил роль со мной буквально, как ученик школы). С ним рядом шла Алексеева, имевшая громадный успех. Но на генеральных она была еще выше, т. к. здесь несколько раз впала в свой обычный недостаток — тихо говорит. Тем не менее в ней Москва увидела замечательную лирическую ingénue, не имеющую себе равных ни на какой сцене (разве кроме Комиссаржевской). И что хорошо: при лиризме она дает и характерность. Наибольшую досаду возбуждала в нас Книппер. На генеральной она произвела фурор, ее называли обворожительной, очаровательной и пр. Тут разволновалась и всю роль от начала и до конца переиграла¹. Было много поз, подчеркиваний и читки. Конечно, она со 2-го или 3-го представления пойдет отлично (но обидно, что в первое — она не имела никакого успеха).

Калужский возбудил споры и у многих негодование, но это ты, как автор, и я, как твой истолкователь, принимаем смело на свою грудь.

Поклонники Серебряковых разозлились, что профессор выводится в таком виде. Впрочем кое-какие красочки следует посбавить у Калужского. Но чуть-чуть, немного.

Вишневого будут бранить. Нет образа. Есть нервы, темперамент, но образа нет.

Артем, Самарова, Раевская помогали успеху.

Подводя итоги спектаклю по сравнению его с репетициями, я нахожу 5—6 мелочей, совершенных мелочей, которые засоряли спектакль. Но насколько это именно — мелочи, можешь судить по тому, что одни из них уйдут сами собой, даже без замечаний с моей стороны. А другие — с одного слова [...]

Первое действие прошло хорошо и было принято с вызовами 4 раза, хотя и без захвата. После 2-го, — конец которого засорен пеннием Елены, против которого Ольга Леонардовна упиралась все 20 репетиций, вызовов было, должно быть, 5—6. После 3-го — 11. Впечатление сильное, но и здесь в конце соринка — истерические вопли Елены, против которых Ольга Леонардовна тоже упиралась. Другая соринка — выстрел за сценой, а не на сцене (второй выстрел). Третье (это уж не соринка) Вишневскому не удалось повести на тех нотах, которые ему удавались на последних репетициях, а перешел он на крик. И все-таки, повторяю, одиннадцать вызовов.

Четвертый же акт великолепно прошел, без сучка и задоринки, и вызвал овацию.

Для меня постановка «Дяди Вани» имеет громаднейшее значение, касающееся существования всего театра. С этим у меня связаны важнейшие вопросы художественного и декорационно-бутафорского и административного характера. Поэтому я смотрел спектакль даже не как режиссер, а как основатель театра, озабоченный его будущим. И так как в результате передо мной открывается много-много еще забот, то я чувствую себя не на высоте блаженства, что, вероятно, отразилось на моей к тебе телеграмме.

Буду еще писать.

Обнимаю тебя крепко.

Вл. Немирович-Данченко.

57.

Телеграмма.

1899 октября 30.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Второе представление театр битком набит¹. Пьеса слушается и понимается изумительно. Играют теперь великолепно. Прием лучшего не надо желать. Сегодня я совершенно удовлетворен. Пишу. На будущей неделе ставлю пьесу 4 раза.

Немирович-Данченко.

58.

[18]99 ноября 19.

Милый Антон Павлович!

И удивляет меня то, что ты мне совсем не пишешь, и — признаюсь, — немножко обижает. Правда, ты, может быть, ждал от меня еще пись-

ма, кроме посланного после первого представления и двух телеграмм¹. Но я знал, что тебе пишут со всех концов и помногу. Нового бы ничего не сказал. Тем более, что писала тебе Марья Павловна.

«Дядя Ваня» продолжает идти по 2 раза в неделю со сборами полными или почти полными, т. е. 900 рублей. Один только сбор был 800 с чем-то.

Как-никак, это наиболее интересная вещь сезона. Пройдет она у нас в сезоне, — думаю, — до 25 раз, и конечно, будет идти несколько лет. «Чайку» ставлю раз в две недели. Обе идут необыкновенно стройно и в стиле. В смысле внешнего успеха, т. е. аплодисментов... я, правда, не особенно слежу за этим, — у меня вырабатывается удивительное равнодушие к ним... Но, говорят, бывают спектакли очень шумного приема, а какой-то один спектакль вырвался даже сенсационный в этом смысле.

Теперь мы заняты «Одинокими»². [...].

Из 5 актов мы прошли три, да и то только второй я уже чувствую вполне.

✓ Я не знаю, так ли это, или мне хочется так, потому что я сам писал пьесы, но для меня ставить пьесу все равно, что писать ее. Когда я пишу, я испытываю такие фазы: сначала загораюсь общим замыслом, отдельными фигурами, еще мне самому не вполне ясными, отдельными рисующимися в моей фантазии, сценами. Потом, когда беру перо и бумагу, начинаю скучать, именно скучать. Хочется, чтоб все сразу вылилось само собой, а между тем надо планировать, добиваться ясности и силы выражения, рассчитывать вперед и т. д. Наступает длинная, томительная работа, как будто даже и ничего не имеющая общего с художественностью, точно совсем ремесленная. На этом пути редко-редко вспыхивает творческая энергия, цепляешься за ту или другую жизненную подробность и волнуешься. И вот когда уже вчерне вся пьеса готова, когда ясны и последовательность развития психологии, и внешние контуры, и тон каждого лица, — тогда только наступает последний, самый интересный, период. Тут уже в этот мирок пьесы втянут, тут становится ясно, что лишнее, чего нехватает, что требует большей яркости и т. д.

Все то же с постановкой, точка в точку.

И вот в «Одиноких» мы до сих пор не добрались до третьего периода.

А между тем, репертуар держится на двух пьесах — «Грозном» и «Ване»³; «Эдда Габлер»⁴ возобновленная ничего не дала, и надо торопиться. В то же время большая часть труппы гуляет и тоскует без дела, и пьеса Гославского⁵ ждет моей корректуры, без которой ее нельзя ставить. И надо думать о будущем, о другом театре⁶. И надо следить за течением, буднями театра. И пр., и пр.

Иногда находит апатия, думаешь: «за каким чортом я пошел на эту галеру?» Хочется вдруг бросить все, уехать... хоть в Крым. Тянет писать, а не возиться со всякими мелочами театральной жизни. Тогда начинаешь придирается к Алексееву, ловить все несходства наших вкусов и приемов...

И устаешь одновременно от всего ⁷.

Что ты делаешь?

Говорят, ты пишешь пьесу ⁸... для Малого Театра. Не верю, что для Малого Театра. Мы пока стоим на трех китах: Толстой ⁹, Чехов и Гауптман. Отними одного, и нам будет тяжело.

Воображаю, как тебе иногда тоскливо в Ялте ¹⁰ и всем сердцем болею за тебя.

Пиши же.

Крепко обнимаю тебя.

Вл. Немирович-Данченко.

59.

Телеграмма.

1899 ноября 27.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

Ради бога задержи разрешение «Дяди Вани» на Петербург ¹. Думаем ехать туда Великий пост ², сыграть 20 раз.

Немирович-Данченко.

60.

[18]99 [ноября 28]

Воскресенье. Утро.

Сейчас получил твое письмо ¹, милый Антон Павлович. В нем три места, волнующие меня. Первое, — что тебе вовсе не пишут со всех концов. И значит, ты имеешь о своей пьесе несколько рецензий, письма Мар[ии] Павл[овны], возражения на нечитанные тобою рецензии со стороны Вишневского, мое короткое письмо и, кажется, длинное письмо Ол[ьги] Леонард[овны], вероятно, мало объективное ². Я думал иначе. Во всяком случае, мне кажется, самое ценное — письмо Мар[ии] Павл[овны].

Не знаю — какие рецензии ты читал. Читал ли в «Театре и искусстве» ³? Хорошая статья Эфроса. Читал ли фельетон Игнатова в «Рус[ских] Вед[омостях]» «Семья Обломовых» ⁴, к которой он причисляет Войницкого, Астрова и Тригорина. Эту параллель с Обломовым уже проводил весною Шенберг (Санин) ⁵. Я же как-то не чувствую ее. Она мне кажется однобокою. Читал ли фельетон Флерова в «Моск[овских] Вед[омостях]» ⁶, старательный и вдумчивый, не без умных мыслей, но без блесков критической проникновенности? И, наконец, фельетон Рокшанина в «Новостях» ⁷? Это, кажется, все, что было заметного, если не считать недурной рецензии Фейгина — в «Курьере» ⁸ и «Рус[ской] Мысли» ⁹, — недурной, но односторонней.

Любопытно по невероятному упрямству отношение к «Дяде Ване» профессоров Моск[овского] отд[еления] Театр[ально]-лит[ературного] Комитета. Стороженко писал мне в приписке к одному деловому письму ¹⁰: «Говорят, у Вас «Дядя Ваня» имеет большой успех. Если это правда, то Вы сделали чудо». Но так как чудесам профессора не верят, то они говорили в одном кружке так: «Если «Дядя Ваня» имеет успех, то это жульнический театр».

Никак не могу уловить смысла этого эпитета. Вероятно, у Стороженко предположение, что публика наша проводится сначала в какие-то кулуары, где ее опаивают гашишем и одуряют морфием.

Ив. Иванов, относящийся к нашему театру с особенной экспансивностью и заявивший Кугелю¹¹ на его просьбу писать в «Театр и иск[усство]», что писать стоит только о нашем театре, вдруг запел о яркости и красоте действительности, о сильных и героических жизненных образах и о бессилии того художественного творчества, которое считает действительность серою и тоскливою. Он еще не называет тебя и твои пьесы, но чувствуется, что упрямое отношение к «Дяде Ване» диктует ему даже новое мирозерцание. Вот человек, который может мыслить совершенно неожиданными настроениями, зависящими от страстности данной минуты. Наконец, Веселовский... Веселовская¹² перевела хорошую пьесу с английского. Предлагала ее Малому театру, там ее продержали больше года и вернули. Она отдала мне. Я собирался ставить, но встретились непреодолимые трудности и я отказался. Тогда она написала мне, после 10-летнего знакомства «Милостивый Государь» и «поведение непростительное». И нет сомнения, что мое поведение с драмой Пинеро «Мисс Эдсмит» непростительно только потому, что «Дядя Ваня» имеет большой успех.

Я уже, кажется, писал тебе, что когда Серебряков говорит в последнем акте: «Надо, господа, дело делать», зала заметно ухмыляется, что служит к чести нашей залы. Этого тебе Серебряковы никогда не простят. И счастье, что ты, как истинный поэт, свободен и творишь без страха провиниться перед дутыми популярностями... Счастье твое еще в том, что ты не вращаешься постоянно среди всяких «представителей», способных, конечно, задушить всякое свободное проявление благородной мысли.

В предпоследний раз (10-й) в среду, в театре (переполненном) были великий князь с великой княгиней¹³ и Победоносцев¹⁴. Вчера я с Алексеевым ездили к вел[икому] кн[язю] благодарить за посещение. Они говорят, что в течение двух дней, за обедом, ужином, чаем у них во дворце только и говорили, что о «Дяде Ване», что эта странная для них действительность произвела на них такое впечатление, что они ни о чем больше не могли думать. Один из адъютантов говорил мне: «Что это за пьеса «Дядя Ваня»? Великий князь и великая княгиня ни о чем не говорят».

Итак «жульнический» театр (чорт знает, как глупо) всколыхнул даже таких господ, которые и сверчка-то отродясь живого не слышали.

А Победоносцев говорил (по словам великого князя), что он уже много лет не бывал в драматическом театре и пошел неохотно, но тут до того был охвачен и подавлен, что ставит вопрос: что оставляют актеры для семьи, если они так отдают себя сцене?

Всякий делает свои выводы...

А ведь мы ничего необычайного не делали. Только старались приблизиться к творчеству писателя, которого играли.

И вот почему меня очень взволновала твоя фраза, что будущий сезон пройдет без твоей пьесы.

Это, Антон Павлович, невозможно!!

Я тебе говорю — театр без одного кита закачается. Ты должен написать, должен, должен!

Если гонорар не удовлетворяет тебя (извини, пожалуйста, что резко перевожу на это), мы его увеличим.

Явилась мысль (конечно, Вишневскому) ехать на Великий пост в П[етер]бург, показать П[етер]бургу «Чайку», «Дядю Ваню», «Одиноких» (если им судьба пошлет успеха), «Геншеля»¹⁵ и «12-ю ночь»¹⁶, — может быть, «Эдду Габлер», — тогда в «Чайке» Нину отдам Желябужской¹⁷, а Алексеева еще немного переделаю. Хотим взять Александринский Театр. Начинаем ковать. Немножко, чуть-чуть боюсь Суворина. Потерпит ли он такого конкурента? Хотя его репертуара мы трогать не будем. А может быть, сойдемся с ним — т. е. играть в его театре. Для этого, как сдам «Одиноких», поеду сам в П[етер]бург. Ты очень мило и умно подбодряешь меня, чутко услышав дребезжащую нотку в моем письме¹⁸.

Сказать, что я охлаждаю к театру, не могу. Но утомление вызывает во мне часто некоторую апатичность. Это правда. Ведь мы только 1/4 дороги сделали! Впереди еще 3/4. Мы только-только начали. Нужно еще (ты только вникни): 1, театр, здание и все приспособления; 2, нескольких артистов, не вовсе заеденных шаблоном, интеллигентных и талантливых, 3, беспредельный репертуар — под силу нам и ценный.

Когда еще я смогу сказать тебе *feci, quod potui*,¹⁹ — потому что мне все будет казаться, что мы «можем» еще и еще!

А между тем я часто быстро дрыхлею, плохо сплю и нервы мои не довольствуются тихим, покойным, чисто физическим отдыхом, а вызывают к вредной, острой перемене ощущений, — к той перемене ощущений, тем волнениям, которые встречаются только в театральной атмосфере.

Мне 40 лет и я все чаще и чаще думаю о близости конца, и это меня волнует и торопит, торопит и работать, и удовлетворять личный эгоизм.

Пишу бегло, но ты меня, вероятно, сразу поймешь.

Пока до свидания. Обнимаю тебя, жена благодарит за память и крепко кланяется тебе.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

61.

Телеграмма.

1900 февраля 17.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

Без своей обстановки не то впечатление. Есть возможность играть Пасху в театре Корша. Можешь ли приехать. Покажем тебе весь репертуар.

Немирович-Данченко.

62.

Телеграмма.

1900 февраля 18.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

Жду ответа, можешь ли приехать Пасху или Фомину.

Немирович-Данченко.

1900 февраль.

Милый Антон Павлович!

Вчера только заходил к Марье Павловне, пользуясь ее свободным полу-вечером, узнать о тебе.

1 000 рб. тебе переслано. Кроме того ей выдано 400 р. с чем-то и по второй ассигновке еще около 250 р.¹

В Театре у нас, попрежнему, много дела, попрежнему же мало системы и стройности в работе. Сборы замечательные. С 26 декабря по сей день было только два неполных, благодаря отмене «Одинок», а то сплошь полно. Но, увы, это всего 975 руб. Досадно мало! И еще досаднее, что это заставляет часто ступать на путь компромиссов, в виде особых соглашений с Морозовым², который настолько богат, что не удовольствуется одной причастностью к Театру, а пожелает и «влиять». Много дела с будущим Театром: Петербург, весна, репетиции, перестройка, репертуар, труппа, наши (я, Алексеев, Морозов) взаимосоглашения. Подумать, страшно сколько дела. А я к тому же хочу написать для Театра³. А тут еще школа.

Очень думаем приехать в Ялту сыграть нарочно для тебя. Вырабатывается такой план:

25 февраля — 15 марта — П[етер]бург.

18 марта — Страст[ная]! неделя — Репетиции в Москве.

С 3 дня Пасхи и весь апрель — То же.

Май: Харьков (4 спект[акля]), Севастополь (4 спект[акля]) и Ялта (3 спект[акля]).

Июнь и июль — для большинства отдых, а для лучшего меньшинства отдых в Ялте, с условием ежедневных репетиций от 7 до 9 часов вечера.

Август — Москва — репетиции. И т. д.

Наверное, тебе нравится такой план⁴.

Репертуар намечается так: «Снегурочка»⁵, «Посадник»⁶, «Доктор Штокман»⁷, твоя пьеса⁸, моя, Гославского⁹ и еще одна¹⁰? Много две?? Из старых останутся «Грозный», «Федор», обе твои пьесы, «Колокол»¹¹, «Одинок», «Сердце не камень»¹².

Но вот я ничего не знаю о твоей новой пьесе, т. е. будет эта пьеса или нет? Должна быть. Непременно должна быть. Конечно, чем раньше, тем лучше, но хоть к осени, хоть осенью!

А. И. Кузнецова — в Москве, в собственном доме.

На юбилее был¹³. Боже, боже! Я состою при литературе 21 год («Рус[ский] Кур[ьер]» 1879) и 21 год я слышу одно и то же, одно и то же! Ну, хоть бы что-нибудь, хоть бы по форме изменилось в этом обилии намеков на правительство и в словах о свободе. Точно шарманки, играющие из «Травиаты»¹⁴.

Гольцева мне в последнее время как-то жалко. Сам не разберу, почему. И благодаря этому новому чувству к нему, я стал к нему нежнее. Вообще, скажу тебе на ушко, что чувство жалости к людям, которое меня сильно охватывало лет 8—10 назад, снова забирает меня. Одно время я был стал бодрее, как бы почувствовал больше железа в крови. А теперь это чувство переходит у меня как-бы в философскую систему.

Ты, вероятно, уже знаешь, что на «Дяде Ване» был Толстой¹⁵. Он очень горячий твой поклонник — это ты знаешь. Очень метко рисует качества твоего таланта. Но пьес не понимает. Впрочем, может быть, не понимал, потому что я старался уяснить ему тот центр, которого он ищет и не видит. Говорит, что в «Дяде Ване» есть блестящие места, но нет трагизма положения. А на мое замечание ответил: «Да помилуйте, гитара, сверчок, — все это так хорошо, что зачем искать от этого чего-то другого?»

Хорошо Толстому находить прекрасное в сверчке и гитаре, когда он имел в жизни все, что только может дать человеку природа: богатство, гений, светское общество, война, полдюжины детей, любовь человечества и пр. и пр.

Тем не менее я с величайшим наслаждением сидел с ним все антракты. При свидании расскажу подробнее.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

64.

1900 февраль.

Дорогой Антон Павлович!

Во-первых, мы решили ставить «Иванова»¹ и приступить к репетициям теперь же, т. е. Великим постом, следом за «Снегурочкой» Островского. Поэтому, не можешь ли послать Ивану Максимовичу Кондратьеву² (канцелярия его императ[орского] высоч[ества] госп[одина]. Моск[овского] генер[ал]-губ[ернатора]) такого рода записку:

«В виду того, что мною разрешена Художественно-Общедоступному Театру в исключительное пользование по 1 сентября 1902 г. драма моя «Иванов», — прошу Вас прекратить разрешение постановки ее на других сценах Москвы и ее окрестностей».

Кондратьев — его превосходительство.

Во-вторых, поездки наши все отменены, но остается желание съездить в Ялту и Севастополь на Пасху, захватив часть Фоминой хотя бы только с двумя твоими пьесами³. Затруднение только в обстановке, которую нет возможности везти. Нельзя ли устроить хоть что-нибудь подходящее из местного инвентаря? Мы захватим с собой мелочь. Если я пришлю что-нибудь вроде макетов декораций, — возьмешься ты подобрать подходящее?

И узнай расход по театру, публикациям, авторским, прислуге, полицейским и проч.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

65.

Телеграмма.

1900 марта 26.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Если съезд достаточно велик, открой продажу еще на два спектакля четверг и пятницу без обозначения пьес, по той же цене¹.

Немирович-Данченко.

1900 марта 26.

Дорогой Антон Павлович!

С этим перевожу тебе твой гонорар. Извини, что задержал. Да и не знал, что тебе нужны деньги. Списываю бухгалтерский счет.

Всего „Чайка“ — 664 р. 82 к.	
„Дядя Ваня“ — 2198 р. 78 к., итого 2863 р. 60 к	
Уплачено 26 окт. (перевод)	260 р.
9 ноября	300 р.
24 янв. (Мар[ии] Павл[овне])	430 р.
25 „ (перевод) —	1000 р.
31 „ (Мар[ии] Павл[овне])	238 р.
Прилагается	635 р. 60 к.
Итого:	2 863 р. 60 к.
Упложено в Общ[ество]	
Др[аматических] пис[ателей]	640 р.
Всего выдано из театра	3503 р. 60 к.

Дорогой Антон Павлович!

Я выезжаю из Москвы в воскресенье 2 апр[еля] с 12 час. поездом. Вторник день и вечер и среда утро буду прилаживать обстановку в Севастополе. В среду я поеду на пароходе в Ялту. И вот моя к тебе просьба: прикажи кому следует, чтобы к среде к вечеру все было готово для осмотра мною Театра и проверки освещения. Проведу в Ялте только этот вечер, в четверг поеду назад в Севастополь. И надо, чтобы Кузьма или Сидор не говорили: «ключ у Василия Спиридоновича, а они уехали, а супруга их не может найти»¹. — Или что-нибудь в этом роде.

Если в среду нет парохода, поеду на лошадях в один день. Иначе может случиться, что, приехавши в Ялту со всем театром, встречу какое нибудь неожиданное и неустранимое препятствие, которое можно было бы устранить, — знай я о нем несколько дней раньше.

Театр в Ялте осматриваю весь со всеми помещениями и частями. Прошу и Кузьму и Сидора и Василия Спиридоновича быть налицо.

Прости за беспокойство, но, во 1-х, мне больше не к кому обратиться, а, во-вторых, тебе это способнее всех.

До скорого свидания.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Георгиевский п., на Спиридоновке, д. Кобылинской.

1900 апрель [2] [воскресенье].

Милый Антон Павлович!

Большое спасибо тебе за право на постановку «Дяди Вани» в П[е-тер]бурге¹. Она нам составляет полный барыш за поездку в Крым, т. к. на В[еликий] пост мы теперь же снимаем Панаевский театр².

Во вторник, т. е. послезавтра, выезжают в Севастополь декорации, бутафория и костюмы.

Не можешь ли оказать мне личную услугу: заглянуть, гуляя, к Каубишу³ и сказать, чтобы он оставил для меня с женой 2 комнаты, если можно, ближе к салону, значит, в бельэтаже, не дорожке, чем на 6 руб.? Можно одну побольше с видом на море, другую поменьше, хотя бы и без такого вида. Время: с субботы Святой и по субботу Фоминой.

В Севастополь выедем не позднее воскресенья Вербного.
Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

68.

1900 июнь.

Милый Антон Павлович!

За день до отъезда из Москвы получил твою записочку¹.

Попроси Мамина² выслать пьесу мне: до 1 августа сюда, в имение (Екатеринославской губ. Почт. ст. Больше-Янисель), а с августа — в Москву (Спиридоновка, Георгиевский п., д. Кобылинской).³

Это ужасно, что ты будешь писать пьесу только в августе. Лучше вместо четырех Маминых — одну твою! Спасибо тебе за милые строки с вопросом, когда я приеду в Ялту. Но, видишь ли, я, вероятно, совсем не приеду. До августа я хочу писать, а в августе я должен быть уже в Москве.

Сейчас я вообще так утомлен и так слаб, что мне надо просто-напросто сидеть на месте, дышать хорошим воздухом и много есть.

А из писательской колен я как-то совсем выбился. Мне трудно приступить, трудно взвинчивать воображение, несмотря даже на то, что о театре, как уехал из Москвы, в тот же день и забыл.

Здесь в деревне чудесные дни, тихо-тихо и пока не скучно.

Обнимаю тебя и жму крепко руку Марье Павловне.

Жена благодарит тебя за память и шлет Вам обоим привет.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Скажи М[арии] П[авловне], что в августе непременно поручу лицам двенадцати искать для нее квартиру.

Вл. Н.-Д.

69.

Телеграмма.

1900 октября 10.

Ялта Чехову Москвы

Я не пишу тебе, так как день за день жду тебя самого. После твоей телеграммы¹ ждал еще увереннее. Возьми себя в руки и кончай пьесу². Привезешь, обсудим по-товарищески, ставить ее или отклонить. Театр любит тебя попрежнему, но начинает подозревать, — ты охладел к нему. Давай о себе сведения чаще.

Немирович-Данченко.

70.

1900 октябрь [после 23].

Дорогой Антон Павлович!

Может быть, ты на меня обиделся, что я не шел с тобой на вызовы публики во время «Чайки». Объяснить тебе, почему я так упор-

ствовал, я не мог в тот вечер. Но) прошу тебя поверить, что причины моего упорства чисто театральные и важные не только для меня и моего отношения к театру, но даже для нашего театра вообще. При случае я могу тебе рассказать обо всех этих чудесах поподробнее. Пока же мне не хочется, чтобы ты заподозрел меня в каких-нибудь скрытых чувствах к тебе лично. Если бы я исполнил твою просьбу, я бы сильно повредил себе и своему плану в известном отношении. Факт выходов на вызовы мелкий и потому возбуждает мелкие чувства, против которых я должен бороться.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

71.

1900 [декабря 8 (?) Пятница].

Голубчик Антон Павлович!

Заезжал в Дегтярный пер.¹ за 2-м и 3-м актами². Сказали, что ты ушел в «Дрезден»³.

Ведь завтра суббота⁴.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

72.

Телеграмма.

1900 декабря 26 ст. ст.

1901 января 8 нов. ст.

Nice. Pension Russe. Antoine Tchechoff, Menton
Mon argent envoie' ton nom. Arriverai demain matin.
Nemirovitch Dantchenko.

73.

1900 декабря 27.

Ницца.

Милый Антон Павлович!

Не застал тебя. Приеду завтра около 11 часов. Подожди, пожалуйста.

Вл. Немирович-Данченко и Ек. Немирович-Данченко.

74.

1901 января [2. Вторник].

Дорогой Антон Павлович!

Видишь ли, что произошло. На вчерашний день я заранее заказал экипаж, чтобы ехать в Ниццу по знаменитой route de la corniche¹. Поэтому приехать к тебе seul avant midi² не мог. Но рассчитывал быть около часу у тебя, — узнать в чем дело. Однако, я рассчитал не верно, выехали мы только в 10½, оказалось, что в Ницце могли бы быть не раньше 3-х, а назад только к ночи. Поэтому, доехав до Тюрби³, отпустили извозчика, а сами спустились по funiculaire⁴ в Монте-Карло, где и остались.

Завтра, в среду, буду в Ницце — и у тебя до часу дня.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

С Новым веком!

Телеграмма.

1901 января 1/14.

Nice. Pension Russe. Antoine Tchekhoff de Moscou
 Meilleurs et sincères souhaits pour bonne année nouveau siècle.
 La Direction et les artistes
 du Théâtre Artistique.

1901 января 22 ст. ст.
 февр. 4 нов. ст.

Милый Антон Павлович!

Теперь я, наконец, могу дать отчет о «Сестрах»! По приезде я сначала посмотрел, по два раза акт посмотрел и расспросил у Конст[антина] Серг[еевича], чего не понимал в его замысле. С тех пор я вошел в пьесу хозяином и все это время, каждый день, работаю. Конст[антин] Серг[еевич] проработал над пьесой очень много, дал прекрасную, а метами чудесную *mise en scène*, но к моему приезду уже устал и вполне доверился мне. Сначала пьеса казалась мне загроможденной и автором, и режиссером, загроможденной талантливо задуманными и талантливо выполняемыми, но пестрящими от излишества подробностями. Я понимал, что актеры еще не сжились с ними и все-таки мне их казалось много. Я говорю о всевозможных переходах, звуках, восклицаниях, внешних эффектах и проч. и проч. Мне казалось почти невозможным привести в стройное, гармоническое целое все те ключья отдельных эпизодов, мыслей, настроений, характеристик и проявлений каждой личности, без ущерба для сценичности пьесы или для ясности выражения каждой из мелочей. Но мало-по-малу, после исключения весьма немногих деталей, общее целое начало выясняться, и стало ясно, к чему и где надо стремиться.

Сегодня, в сущности, закончил три действия. Четвертое еще не налажено, но раз три пойдут, четвертое польется само собою.

Теперь пьеса рисуется так:

Фабула — дом Прозоровых. Жизнь трех сестер после смерти отца, появление Наташи, постепенное забираяние всего дома ею в руки и, наконец, полное торжество ее и одиночество сестер. Судьба каждой из них, причем судьба Ирины идет красной нитью: 1, хочу работать, весела, бодра, здорова; 2, от работы голова болит, и она не удовлетворяет; 3, жизнь разбита, молодость проходит, согласна выйти замуж за человека, который не нравится; 4, судьба подставляет ножку, и жениха убивают.

Фабула разворачивается, как в эпическом произведении без тех толчков, какими должны были пользоваться драматурги старого факсона, — среди простого, верно схваченного течения жизни. Именины, масленица, пожар, отъезд, печка, лампа, фортепьяно, чай, пирог, пьянство, сумерки, ночь, гостиная, столовая, спальня девушек, зима, осень, весна и т. д. и т. д. и т. д.

✓ Разница между сценой и жизнью только в миросозерцании автора. вся эта жизнь, жизнь, показанная в этом спектакле, прошла через миросозерцание, чувствование, темперамент автора. Она получила особую окраску, которая называется поэзией.

Я пишу бегло, но, надеюсь, ты меня понимаешь с полуслова.

✓ Это все, т. е. жизнь и поэзия — будет достигнуто, и фабула развернется. Подробности, казавшиеся мне сначала многочисленными, уже обратились в тот ф о н, который и составляет житейскую сторону пьесы и на котором развиваются страсти, или, по крайней мере, их проявления.

Актеры все овладели тоном.

✓ Калужский очень милый и неглупый толстяк в первых актах, нервен, жалок и трогателен в 3-м и особенно дорог моей душе в последнем.

Савицкая прирожденная директриса гимназии. Все ее взгляды морали, деликатность в отношениях, отцветшие чувства, — все получило верное выражение. Иначе, чем директрисой, она кончить не может. Недостает еще чисто актерской выразительности, но это дело последнее. Оно придет.

Книппер очень интересна по тону, который хорошо схватила. Еще не овладела силой темперамента, но совсем близка к этому. Будет из ее лучших ролей.

Желябужская чуть повторяет «Одиноких», но трогательна, мила и делает большое впечатление.

✓ Алексеева — выше похвал, оригинальна, проста. Особенно ясно подчеркивает мысль, что несколько прекрасных людей могут юказаться в лапах самой заурядной пошлой женщины. И даже без всяких страстей.

Самарова плачет настоящими слезами.

Алексеева (Ольга)² типична в горничной.

Вершинин... Судьбинин³ сменен.

Алексеев читал мне роль. Интересно очень. Завтра он вступает в пьесу.

✓ [...] выжимает, бедный, все свои соки из себя, чтобы дать жизнерадостность и отделаться от театральной рутины. Труд все преодолевает и в конце-концов он будет хорош.

Соленому не повезло. У Санина, при всем его старании, ничего не вышло. Громова я раньше не видал. Сегодня работал с ним и уверен теперь, что он будет хорош.

Артем — выше моих ожиданий.

Вишневский играет самого себя без всяких прикрас, приносит большую жертву искусству и потому хорош.

Сегодня я в духе, я совсем поверил в пьесу.

✓ Относительно 4-го акта. Необходимы купюры. Сейчас пошлю тебе телеграмму, а подробнее — вот что: три монолога трех сестер — это не хорошо. И не в тоне, и не сценично. Купюра у Маши, большая купюра у Ирины. Одна Ольга пусть утешает и ободряет. Так?

До свидания.

Желаю тебе здоровья.

Сестра твоя вернулась из Крыма здоровая, но беспокоится о тебе.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

77.

1901 января 22 ст. ст.
февраля 4 н. ст.

Телеграмма.

Nice Rue Gounod. Pension Russe Tchekhoff de Moscou
Ecrit grande lettre Drame va très bien Donnez la permission de
couper monologues des trois soeurs dans la fin du drame.

Nemirovitch-Dantchenko.

78.

Телеграмма.

1901 февраля 1/14.

<A'ger Poste restante> Tchekhoff Yalta (Crimée Russie d'Europe
de Moscou)

Premier acte succès enorme. Les rappels enthousiasmes dix fois.
Second acte parut long. Troisième le meilleur du drame grand succès.
Après la fin les rappels ont toerné en véritable ovation: Le public a
demandé te telegraphier. Tous les artistes ont excessivement joué sartout
les dames. Salut de tout théâtre.

Nemirovitch-Dantchenko.

79.

Телеграмма.

1901 февраля 2/15.

Naples. Poste restante. Antoine Tchekhoff de Moscou

Premier acte enormes rappels entousiasmes dix fois: Second acte parut
long. Troisième grand succès. Après la fin rappels ont tourné en veri-
table ovation. Public a demandé te télégraphier. Les artistes ont
excessivement bien joué Surtout les dames. Salut de tout théâtre.

Nemirovitch-Dantchenko

80.

Телеграмма.

1901 февраля 18.

Ялта Чехову Петербурга

Завтра начинаем. Материальный успех сумасшедший. Ни одной ре-
кламы. Газеты совершенно замалчивают. За две недели было всего два
объявления. Между тем, что объявим, билеты немедленно рвут на ча-
сти. Своими глазами видел толпу 200 человек 11 часов вечера накануне
продажи. Три абонемена по 5 спектаклей и объявленные вне абонемен-
та проданы. Объявленный репертуар 19 «Дядя Ваня», 20 «Одинокие»,
21 «Дядя Ваня», 22 «Одинокие», 23 «Штокман». 24 «Дядя Ваня», 25 ут-
ром «Дядя Ваня», вечером «Геншель», 26 «Штокман», 27 «Геншель»,
28 «Три сестры», 1 марта «Три сестры», 2 «Дядя Ваня». Невский 11¹.

Немирович-Данченко.

81.

Телеграмма.

1901 февраля 20.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

Успех громадный. По окончании овации московского характера. Потребовали послать тебе телеграмму такого текста «Публика первого представления «Дяди Вани» шлет любимому русскому писателю привет и сердечное спасибо».

Немирович-Данченко.

82.

Телеграмма.

1901 февраля 20.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

«Новое время»¹ москвичей встретили очень дружелюбно и оценили режиссерский талант Станиславского. «Петербургская газета»² обстоятельная суховатая рецензия Кугеля: Спектакли Художественного Театра событие. Почти единственное достоинство — понимание автора. Герой вечера Чехов. Актер только один — Станиславский. Вообще успех большой. «Новости»³: постановка довольно оригинальная, сил нет, кроме Станиславского. «Россия»⁴: Явление необычайное для Петербурга. Безусловный успех. Лучше всех Станиславский. Шумные одобрения. Все обещают подробности завтра. Кони и другие ценители говорили мне, что театр целое откровение.

Немирович-Данченко.

83.

Телеграмма.

1901 февраля 21.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

Подробные рецензии несмотря на дружные похвалы в большинстве пошлы и легковесны. «Одинокое» прошло без всякого успеха. Хотя с вызовами и даже овацией.

Немирович-Данченко.

84.

Телеграмма.

1901 февраля 27.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

В 50 «Дяди Вани» совпавший 100 Чеховым пили по бокалу за твое здоровье и за твой счет.

Немирович-Данченко.

85.

Телеграмма.

1901 марта 1.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

Сыграли «Трех сестер» успех такой же, как в Москве. Публика интеллигентнее и отзывчивее московской. Играли чудесно, ни одна мелкая подробность не пропала. Первый акт вызовы горячие. Второй и третий подавленные. Последний овационные. Особенно восторженные отзывы Кони и Вейнберга¹. Даже Михайловский говорит о множестве талантливых перлов. Конечно кричали телеграмму Чехову. На остальные спектакли театра все билеты проданы в два дня. Успех театра у публики небывалый в Петербурге. Газеты кусаются, но не больно.

Немирович-Данченко.

Телеграмма.

1901 марта 1.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга
Все газеты отмечают бесспорный многий шумный успех.

Немирович-Данченко.

Телеграмма.

1901 марта 2.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

«Петербургская газета»¹: Пьеса смутная как сама жизнь. Автор берет жизнь неводом, куда попадает все. Интерес очень большой, исполнение хорошее. «Биржевые ведомости»²: Беспросветный, сгущенный пессимизм, автор не оставляет никаких иллюзий, сходство настроений «Дяди Вани» и «Чайки». Исполнение превосходное. «Новости»³: Удручающий пессимизм. Москва символ. На вопрос куда идти ответа нет. Исполнение и постановка поддерживают славу московских мейнингенцев. Все рецензии мало содержательны, не глубоки, не даровиты. [...] Интерес к пьесе в публике огромный. Второе представление успех еще больше первого. «Новое время» и «Россия» вероятно завтра. «Петербургские ведомости»⁵: блистательный успех.

Немирович-Данченко.

Телеграмма.

1901 марта 3.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

«Новое время»¹ говорит о новых реформах несколько равнодушнее, чем если бы говорило о новом салате у Кюба². «Россия»³ очень восхищается и пьесой, и исполнением, но я не уловил чем именно. Четвертая неделя — перерыв⁴. 11 марта «Три сестры», 12 «Три сестры», 13 «Штокман», 14 «Три сестры», 15 «Дядя Ваня», 16 «Эдда Габлер», 17 «Дядя Ваня», 18 утром «Три сестры», вечером «Штокман», 19 «Три сестры», 20 «Дядя Ваня», 21 «Эдда Габлер», 22 «Дядя Ваня», 23 «Три сестры». Все давно продано. Полный сбор 1.900. 11, 14, 15 и 20 благотворительные со сбором около 3500.

Немирович-Данченко.

[1901 март].

Дорогой Антон Павлович!

Четыре спектакля идут с благотворительными целями. Три из них — в пользу курсисток и медичек, один — устраиваемый так называемым высшим обществом. С последнего, в виду их сумасшедших цен (15 р. кресло 1 ряда, 100 р. литерные ложи) мне захотелось под каким-нибудь предлогом сорвать лишнего. И вот я придумал, что надо платить авторских не 190 р. (10% с нашего сбора), а 10% с валового.

Уговорились на том, что они приплачивают 150 р., причем я сказал, что ты от этой прибавки откажешься, а пойдет она на твой санаторий¹.

Если обратятся к тебе, — так и отвечай.

150 р. на санаторий вышлю после спектакля.

Твой Вл. И. Немирович-Данченко.

90.

Телеграмма.

1901 марта 5.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга.

Союз писателей¹ путем объявлений газетных дал театру обед², было человек 150, говорили Вейнберг, Сазонов, Карабчевский³, Калмыкова⁴, Михайловский, Витмер⁵, Богданович⁶, Поссе⁷. Стихи Чюмина⁸, Галина⁹, Жданов¹⁰, Чириков¹¹ и другие. В конце был тост за твое здоровье и поручено послать тебе телеграмму. Уезжаю дней на 10 Москву.

Немирович-Данченко.

91.

Телеграмма.

1901 марта 23.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга.

Сегодня последний спектакль, кончаем «Три сестры». Успех театра и артистов рос с каждым спектаклем. Интерес прямо небывалый. Будущий пост опять приедем, опять привезем твои пьесы. Не разрешай их Петербургу, напиши Аркадию Федоровичу Крюковскому¹, что пьесы принадлежат Художественному театру. Шлем тебе огромное спасибо. Вчера Константин Константинович² расспрашивал о твоём здоровье, сыграли тебя 16 раз. Твоих авторских около трех тысяч. Я выезжаю субботу прямо в Крым. Напиши Севастополь Кист³.

Немирович-Данченко.

92.

1901 марта [28] Среда.

Милый Антон Павлович!

Я в Севастополе и дальше ехать пока не думаю. Пробуду здесь до конца Святой, на Фоминую в Москву, а потом до конца апреля опять в Крым. Таковы планы.

Очень бы хотел повидать тебя да порассказать подробно о судьбе твоих пьес. Может быть, приедешь сюда? Стою у Киста, конечно, не один, а с женой, которая тебе кланяется.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

93.

1901 апреля [2] Понедельник.

Милый Антон Павлович! Я получил твою записку от 28-го, конечно, писать Крюковскому, минуя Кондратьева, не следует. Я этого не предусмотрел. Лучше — прямо Кондратьеву. Но надо сделать скорее, а то в П[етер]бурге заиграют твои пьесы.

Ты пишешь, что охотно арестовал бы меня на два месяца. Я и сам охотно арестовался бы. Да ничего не поделаешь! Придется на

неделю съездить в Москву и весь май пробыть там. А писать так кочется! Да и необходимо, для театра же необходимо.

Планы мои таковы. В пятницу уеду в Москву, всю Фоминую неделю пробуду там, чтобы завести машину. После Фоминой уеду на две недели. Должно быть, в Ялту. После Фоминой там уже не будет столько знакомых, и мне никто не будет говорить: «Ах, какой замечательный ваш театр... И знаете, это новые пути!» — На май опять в Москву. Июнь — в деревню, июль — шлаться (если кончу пьесу).

Жаль, что эти дни не удастся повидаться с тобой.

Читал ли ты фельетон Ченко в «Новом времени»? И возражение Перцова². Ченко — это Одарченко. Их два брата в Москве, так это младший, оба присяжные поверенные. Несмотря на то, что фельетон проникнут придирчиво-враждебным духом, — это все-же самое умное из всего, что мне пришлось прочесть о твоих пьесах. А та часть, против которой возражает какой-то Перцов, — о сатире, пропитанной общими твоими тенденциями, — мне разительно понравилась. Может быть, потому что я сам нахожу почти то же и потому что, еще в день отъезда из Петербурга, говорил с Поссе об этом и удивлялся, что ни одна газета не взглянет на «Трех сестер» с этой точки зрения.

Из возражения Перцова я половины не понял, просто не понял. Но и он прав в значительной степени. И это потому, что Ченко при внимательном и серьезном отношении к пьесам не сумел отрешиться от предвзятого недружелюбия. Не столько, впрочем, к тебе, сколько к Худож[ественному] Театру.

В конце-концов я остаюсь при решительном убеждении, что ты должен писать пьесы. Я иду очень далеко: бросить беллетристику ради пьес. Никогда ты так не развешивался, как на сцене.

Но я дал бы один совет насчет движения в пьесе. Не «действия», а движения...

Поговорим об этом.

Христос воскресе всему твоему дому от меня и Ек[атерины] Ник[олаевны].

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Посылаю тебе подарок к празднику.

94.

Телеграмма.

1901 мая 26.

Самаро-Златоуст[инской] Аксеново Чехову Москвы.

Всем сердцем желаю здоровья, здоровья и здоровья.

Немирович-Данченко.

95.

[1901 июня 1].

Милый Антон Павлович!

Сейчас был у меня наш доктор Гриневский¹ и просил сообщить тебе следующее. Остроумов², узнав, что ты в Москве, очень хотел повидаться с тобой, выслушать тебя и помочь своими советами. Когда же ему сообщили, что ты уже уехал на кумыс, — он очень заинтересовался, кто тебе это посоветовал. Имя Щуровского³ успокоило его. Тем не менее

он рекомендует большую осторожность в пользовании кумысом и только однодневный, самый легкий. Вместе с этим просит тебя все-таки побывать у него, когда ты будешь в Москве.

Исполняю поручение в точности.

Вчера 31-го мы закончили репетиции. Устали! Я не могу еще уехать, т. к. не выяснился вопрос о постройке театра⁴. Уеду или сегодня, — будет означать, что дело о постройке рухнуло еще на год, — или дней через 10, — будет означать, что дело пошло.

В Москве жарко, душно и вообще скверно.

Целую тебя и — с твоего позволения — Ольгу Леонардовну.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Екатеринославской гб. Почт. ст. Больше-Янисель.

96.

1901 июня 16.

Дорогой Антон Павлович!

Дело с театром, т. е. вопрос о постройке опять затормозился. С подрядчиком, предложившим строить, мы не сошлись в условиях. Очень уж он хотел нажить. Мы могли бы скоро прогореть.

Тем не менее, напряжение, с которым я взялся, наконец, за это дело, не пропало даром. Во-первых, теперь мы более готовы в смысле всяких соображений, планов и расчетов. А во-вторых, точно на зов, получили еще два предложения. Но обсуждать их сейчас некому. Алексеев уехал на Кавказ, а я, как ты знаешь, хочу написать пьесу.

✓ Я совсем отвык писать. Скоро забирает лень. А кроме того, перотучилось писать так, как требует мысль и образ. Трудно его разгорячить, так оно стало холодно и рассудочно.

С тех пор, как я приехал в деревню, я выкурил уже 400 папирос, а у меня все еще нет ни одного законченного акта.

Как я тебе пошлю «хоть один» акт? Это очень неудобно. Отложим уж до августа!

Твое письмо от 6-го июня¹ я получил сегодня, 16-го. 10-ть дней! Посмотрел я на карте, где Вы. Далеко! Ехать в Аксеново из Больше-Яниселя 5 суток с лишком. Значит, письма ходят дней 6—7 между станциями.

От Потапенко² ничего не имею, но жду. Думаю, что он еще не написал пьесы, а пишет.

Боборыкин написал³. На-днях получу.

Что же нового в Театре? Ничего, неизвестного Вам.

Ваша женитьба наделала в Москве очень много шума. Мне рассказывали, что о ней говорили решительно во всех кругах. Даже Трепов⁴ спрашивал меня и закончил: «Дай ей бог всего хорошего». И таким трогательным тоном, хоть бы и не обер-полицмейстеру впору.

Вишневский смешил рассказами, как он ждал тебя к чаю, как раз в то время, когда ты усаживался в вагон⁵.

Три или четыре газеты (а может быть, и больше) выпустили Ваши портреты. Сколько я мог прислушаться, Вас провожали одобрения и хорошие пожелания.

Разъехалась группа, как всегда, дружно, о поцелуях. В последние дни кончали репетиции «Утки»⁶ и «Крамера»⁷. Отношения у меня

с Алексеевым лучше, чем когда-нибудь, и напомнили труппе времена возникновения театра. Это бывает всегда, когда я энергично беру в се дело в руки. А весь май я так отдавался театру, как давно уже этого не было.

Какая у Вас погода? Здесь очень жарко, но хорошо. Ночи очень хороши. Лунно, тепло, прохладно. Лунные ночи на юге — выше этого не знаю.

До свидания. Обнимаю тебя и шлю привет Ольге Леонардовне. Жена обоим Вам кланяется.

Твой Вл. Немирович-Данченко.
Екатеринославской гб. Почт. ст. Больше-Янисель.

97.

1901 октябрь.

Дорогой Антон Павлович!

Посылаю два билета. Себе еще не нашел, в кассе не было. Послал искать.

Думаю, что найду.
Увидимся.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

98.

Телеграмма.

[1901 сентябрь] 29.

Москва, Спиридоновка, д. Бойцова Чехову Нижнего-Новгорода

Пьеса отличная¹ достойна [?] ² Горького. Последний акт будет немного переделывать. Кланяется тебе и Ольге Леонардовне
Немирович-Данченко.

99.

1901 декабрь [середина].

Милый Антон Павлович! Ольга Леонардовна шепнула мне, что ты решительно принимаешься за комедию¹. А я все это время собирался написать тебе: не забывай о нас! И чем скорее будет твоя пьеса, тем лучше. Больше времени будет для переговоров и устранения разных ошибок.

С своей стороны мы, — ты знаешь, — всячески стараемся вознаградить тебя. Если спектакль не совсем таков, какие у нас должны быть, то ничего с этим не поделаешь: театр! Театр, — то есть ежедневные спектакли. Без компромисса ничего не поделаешь. Если бы давать только высокохудож[ественные] спектакли, то пришлось бы число их сократить вдвое и еще более находиться в зависимости от меценатства.

Что касается материальной стороны, то это дело для тебя стоит, кажется, совсем хорошо. Отвечаю за то, что за эту зиму с Вел[иким] постом ты не получишь менее 7 тыс. из Худож[ественного] Т[еатра].

Репертуар ты получаешь и потому знаешь, когда идут твои пьесы. Сборы отличные. Редко спускаются до 900 с чем-нибудь. Твои пьесы делают на круг за 1 100 рб. Играют всегда с удовольствием.

Словом... пиши пьесы! Пиши пьесы!

С театром дело кажется наладится. Вернее всего, снимем мы на 12 лет театр Омона (в Газетном)² и перестроим его по нашим нуждам. Веду переговоры, осматриваю, провожу свободные часы с архитектором³ и пр.

Моя пьеса налаживается. Через неделю играем⁴. Пришлю тебе телеграмму об успехе ее (или неуспехе). Постановка оказалась сложнее, чем думали, и репетиции сильно перебивались то болезнями, то «Штокманом», отнявшим целую неделю репетиций.

Жду от Горького пьесу. Черкни ему, пожалуйста, чтоб выслал как можно скорее. Сейчас же после моей приступим к ней. Пока набираем материал. Я сам пересмотрел три квартиры, из которых две — разжившихся маляров. Кроме того, поручил Баранову⁵, Тихомирову⁶ и ученику режис[серского] класса Савинову⁷ собирать внешний материал мещанской жизни.

Как твоё здоровье и настроение? Ходят упорные слухи в среде врачей, что ты приедешь после праздников или к новому году. Очень я хотел устроить так, чтобы Ольга Леон[ардовна] могла поехать к тебе на несколько дней. Ничего не могу сделать. Досадно мне самому до того, что совестно смотреть ей в глаза. А она, бедняжка, кажется, очень на это рассчитывала. Если ты приедешь без всякого ущерба для здоровья, мне на душе будет легче.

Ну, будь здоров.

Крепко обнимаю тебя.

Искренно любящий тебя Вл. Немирович-Данченко.

100.

Телеграмма.

1901 декабря 22.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Успех второго акта большой. Третьего еще больше. Последнего слабее. Поставлено и сыграно отлично. Обнимаю

Немирович-Данченко.

101.

1902 январь.

Дорогой Антон Павлович!

Вернулся из Ниццы, где часто вспоминал тебя¹. Там я оправился совершенно от душившего меня больше месяца бронхита и от совсем растрепавшихся нервов. Играл много, не сделал ничего (выиграл 200 fr.), дышал на солнце, читал «Petit Niçois»², три раза был в театре, в скверном театре, смотрел идиотский карнавал. (Sa Majesté Carnaval etc.)³, красивую bataille des fleurs⁴, ничего не делал, ни о чем не думал.

Теперь принялся за дела, а их безумно много.

Успех мой, в сущности, никак нельзя назвать успехом. Сборы, правда, до сих пор битком (12 аншлагов), но это благодаря успеху театра и моему прежнему. Но «пресса» единогласно заявила, даже наиболее доброжелательная, что пьеса у меня «не вышла». Это меня поджигает писать скорее больше, чем еслибы все наши, что пьеса «вышла». И хочу писать. Матерьяла много. Но когда?!

Ольгу Леонардовну отпущу к тебе непременно. Хотел около начала февраля, но теперь вижу, что удобнее с половины масленицы. И все-таки — не надолго! ⁵

Скажу тебе по секрету: очень меня пугает (как директора) то, что она невероятно скучает по тебе. Жалко смотреть на нее. А между тем она так затянута в репертуар, как никто в труппе, — теперь даже больше Вишневого.

До свидания.

Будь, пожалуйста, здоров.

Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

102.

Телеграмма.

1902 февраля 4.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы.

Радуюсь, что ты согласился ¹. Ручаюсь что Ольга Леонардовна будет свободна с 21 февраля по 2 марта включительно.

Немирович-Данченко.

103.

1902 февраль [после 20].

Милый Антон Павлович!

Ольгу Леонардовну удалось освободить еще днем раньше ¹...

Ты говоришь, что тебя не манит писать пьесу ². А между тем мой идеал будущего сезона Театра — открытие его 1 октября твоей новой пьесой. И это могло бы быть так: пьеса должна быть совершенно закончена к 1 августа. Август и сентябрь ты жил бы в Москве, все беседы и репетиции прошли бы при тебе. Октябрь и часть ноября ты бы еще знал ряд спектаклей...

Разве это так несбыточно?

Санин и [...] не попали в сосьетеры ³, потому что Морозов (и Алексеев) не хотели их. Оба, кажется, поэтому уйдут из театра ⁴. Условие ⁵ вообще выработано самим Морозовым, а сосьетеры не больно спорили. И даже, когда по поводу 17 параграфа ⁶ я возбудил горячие споры и отказался принять его, то не смотря на то, что все соглашались со мной, — при баллотировке я остался одиноким. Тогда дело чуть не полетело совсем, т. к. Морозов с одной стороны ставил § 17 условием *sine qua non* ⁷, а с другой без моего участия в деле не признавал возможным начинать его.

Ты несколько ошибаешься в своих замечаниях. Ты смешиваешь Товарищество навсегда с Товариществом всего на 3 года. Это можно выработать другой, особый, на будущее время устав товарищества. Тогда все твои замечания очень пригодятся.

Вообще твое присутствие будет очень ценно. Мы думаем, что после Пасхи ты приедешь в Москву.

До свидания. Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

104.

1902 марта 5.

Многоуважаемый Антон Павлович!

На основании договора между сосыетерами Художественного Театра, прошу Вас до конца второй недели доставить список пьес, предлагаемых Вами к постановке в будущем сезоне.

Председатель Репертуарного совета

Вл. Немирович-Данченко.

105.

Телеграмма.

1902 марта 27.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

«Мещан» сыграли¹. Прием блестящий в первых двух актах и похолоднее в остальных. Играли отлично поставлена прекрасно все благополучно.

Немирович-Данченко.

106.

Телеграмма.

1902 апреля 7.

Ялта Чехову Москвы

Еду Севастополь во вторник пароходом приеду к тебе.

Немирович-Данченко.

107.

Телеграмма.

1902 апреля 14.

Срочная Ялта Чехову Севастополя

Распорядись встретить Ольгу Леонардовну покойным экипажем¹. Она веселая но очень слаба ходить не может температура повышена Мы переносили Необходимо вызвать к ее приезду Альтшулера² Подозреваем что в дороге простудилась.

Немирович-Данченко.

108.

1902 апрель [конец].

Милый Антон Павлович! Твое письмо получил. Спасибо, что сообщаем, и за то, что собираешься и впредь сообщать о здоровье Ол[ьги] Леонард[овны]. Если ты считаешь себя моим должником¹, то вот уплата — писать хоть по три строчки часто, а два раза в неделю посылать телеграммы. Я отсюда² уеду в субботу вечером. И вот, если бы ты в пятницу на ночь дал Арсению телеграмму, чтоб он отправил в субботу, когда утром пойдет за почтой, то я был бы тебе очень обязан. А затем мой адрес: Георгиевский на Спиридоновке, дом Кобылинской.

Погода средняя, но если знать, что в Москве ходят в шубах и среди дня не бывает теплее 3°, то все же порадуешься.

Скажи Ол[ьге] Лесн[ардовне], что я велю выслать ей роль Лоны (или пьесу)³, а мы, в ожидании ее возвращения, все-таки будем репетировать.

Я все еще и первого акта не окончил, а сижу над пьесой уже 5-й день.

Кат[ерина] Ник[олаевна] кланяется Вам всем.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Телеграмма.

1902 мая 3.

Ялта Чехову Москвы

Как здоровье¹ давно не имеем известий тревожимся.

Немирович-Данченко.

1902 июнь.

Мы в Эрмитаже — ресторане. Все мы тут — Морозов, Алексеев, Вишневский.

Ждем тебя.

Вл. Немирович-Данченко.

На обороте: Неглинный д. Ганецкой А. П., Чехову.

1902 июня 13.

Милый Антон Павлович! Первая телеграмма доставлена очень удачно. Если я верно понял, — так даже особенно удачно. Сказано, что отправлено в 6 ч. 10 м. пополудни вчера, в среду. А сегодня в 6 ч. вечера она была уже у меня. Всего — сутки! Это для наших мест поразительно.

Мыслями я, конечно, целые дни — у Вас в квартире. По получении телеграммы все время задаю себе вопросы. Когда началось воспаление брюшины?¹ Тотчас по приезде в Москву? Из всех зол это все-таки лучшее. Хотя 10 дней воспаление, которого не лечили! Но если так, то каким образом Штраух² сразу не заподозрил этого? Хуже, — если воспаление брюшины явилось результатом какой-нибудь другой болезни, какой-нибудь опухоли...

Верующий человек молился бы теперь на моем месте, говорил бы — дай бог, пошли господа! Я чувствую настроение молящегося, а к кому обращаться — не знаю.

Таубе³ я знаю давно, лет 18, когда он еще начинал. Потом он лечил раза три, — меня и жену. Он будет пользоваться Ол[ьгу] Леонар[довну]? Штраух сам предложил консилиум? Ол[ьга] Леонар[довна] остается дома или ее перевезут в больницу?

Будь крепок и здоров.

Каковы силы у Ол[ьги] Леон[ардовны]?

Я приехал в среду утром, в 8 час. Дни стоят чудесные. Но на душе не покойно.

Обнимаю тебя, Ол[ьгу] Леон[ардовну] и Вишневского.

Жена целует Ол[ьгу] Леон[ардовну] и кланяется тебе.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Екатериносл. гб.

Почт. ст. Больше-Янисель.

Для телеграмм: Велико-Анадоль, почтой Б. Я.

Телеграмма.

1902 июня 15.

Москва Звонарский пер.¹ д. Ганецкой Чехову
Велико-Анадоля ж. д.

Телеграмму получил быстро большое спасибо Таубе чрезвычайно внимательный врач Нетерпеливо жду дальнейших известий.

Немирович-Данченко.

1902 август.

В. И. Немирович-Данченко

Для писем

Екатеринославской губ.

Почт. ст. Больше-Янисель

(получаю на 4-й — 6 день)

Телеграмма мне ничего не стоящая:

Велико-Анадоля Переслать почтой Больше-Янисель.

(получу на 2-й — 3-й день)

Телеграмма для важных дел:

Покровское Екатеринославской Смирнову Спешно переслать нарочным. Немировичу-Данченко.

1902 августа 25.

Любимовка¹.

Милый Антон Павлович! Ольга Леонардовна просит написать тебе о новой пьесе Найденова².

Мы ее взяли, но — скажу тебе по секрету — очень боюсь, что мы с ней запутаемся. Во-первых, в этом году ее ни в каком случае нельзя ставить, т. к. это опять подонки³ — только этажем выше, в меблированных комнатах. Сговорились с автором, что пьеса пойдет только в будущем сезоне. Во-вторых, ему надо <бы> еще много поработать с этой пьесой. Очень уж она жидкая, эскизная. Во всей пьесе — только одна фигура (женская) — интересная, глубокая и выгодно поставленная. Остальные, хотя очень верны и правдивы, но мелки и нелюбопытны. Молодой человек угнетен тем, что он «ничто», не имеет положения. Сошелся с пустой модисткой, с которой познакомился на пустой и безлюдной улице. В совместной жизни ее пустота давит его. Чтобы стать чемнибудь, он с помощью какого-то грека-комиссионера, пускается в покупку и продажу аукционных вещей, немного наживает... Его Тоня кокетничает с прикащиком. Рябов увидел как-то, что прикащик поцеловал Тоню. Рябов избил прикащика и прогнал от себя Тоню. В работе по глупой, не удовлетворяющей его купле-продаже он теряет голову, кутит, сходится с певичкой. На этой фабуле нарисована и лучшая (случайная) фигура пьесы. Какая-то Екатерина Ивановна. Кто она — неизвестно. Это что-то вроде гувернантки, классной дамы. Как дошла до отсутствия заработка и угла — неизвестно. В глубокую осень ходит в летней кофточке. Рябов разговорился с нею как-то на конке, когда

у нее не оказалось денег и занял ей 8 коп. Она приходит к нему несколько вечеров под каким-нибудь, прозрачно придуманным предлогом, а в сущности отогреться и поесть. Ни он, никто не знают, кто она. Она гордая и не хочет признаваться в нищете. Рябов подозревает, что она хочет сойтись с ним и оскорбляет ее. Она уходит такая же неизвестная, как и пришла. Последний акт начинается с того, что Рябов узнал об ее самоубийстве (утопилась). Это производит на него сильное впечатление. Он бросает все свои дела и уезжает, куда глаза глядят. В эту пору автор довольно ловко подсовывает ему Тоню, которая покатила под гору и теперь больна (ясными намеками — сифилисом). Рябов дает ей денег на больницу.

Сюжет хороший и, повторяю, написан правдиво, но читать скучно. Только сцены Екатерины Ивановны захватывают, а сами «жилыцы» не интересны. А их довольно много.

Когда ты приедешь, я дам тебе прочесть пьесу. Найденов счастлив, что мы взяли пьесу и готов работать над ней.

Когда же ты приедешь? Я уверен, что в Ялте тебе не дадут заняться и наполняют твой день пустыми и мелочными разговорами⁴.

По моему, тебе надо весь сентябрь прожить в Любимовке. И Ольгу Леонардовну мы не будем вызывать на репетиции, по крайней мере, до двадцатых чисел сентября. Будете только иногда приезжать, посмотреть какую-нибудь репетицию или стройку театра.

А октябрь уже в Москве. В Любимовке тебе никто не будет мешать. Дачники здешние тают, да и все равно тебя не тронут и ходить к Вам будут реже, чем летом. Сейчас тут очень хорошо. Я не был здесь пять дней — и славно смотреть на зелень, желтизну листьев. И воздух такой дивный.

Сегодня я еду на несколько дней в Петербург, проводить в цензуре Горьковскую пьесу.

Ты, вероятно, знаешь уже, что дело Горького окончилось⁵ и он свободен. Будет жить в Нижнем и приезжать в Москву.

Приезжай скорей писать пьесу. Без твоей пьесы сезон будет отчаянный!⁶

Обнимаю тебя.

Привет Евг[ени] Яковл[евне] и Мар[ии] Павловне.

Вл. Немирович-Данченко.

115.

Телеграмма.

1902 декабря 13.

Ялта Чехову Москвы

Сообщи до 22 декабря какие пьесы предполагаешь будущий сезон.
Немирович-Данченко.

116.

1902 декабря [13].
[Пятница].

Милый Антон Павлович! Две среды прошло, а я вдруг, в пятницу вспомнил, что обещал тебе писать — по средам. Спешу хоть несколько слов, хотя для того, чтобы сказать, что вспомнил. «Дно»¹ репетируется

как-то, точно урывками. Вот уже две недели, как не было ни одной репетиции, на которой присутствовали бы все участвующие. Болеют Самарова, Грибунин и Качалов. Да чего уж! Сегодня последняя репетиция перед окончательными генеральными, а до второй половины 4-го акта еще не дотронулись. Тем не менее дело как-будто бы наладилось. Попадают интересные тоны, а если и не интересные, то хоть не глупые и не слишком нехудожественные.

✓ Для всей пьесы выработали мы тон новый для нашего театра, — бодрый, быстрый, крепкий, не загромождающий пьесу лишними паузами и малоинтересными подробностями. За то ответственности на актерах больше. Пока намечается, что великолепен Москвин и чрезвычайно интересный и смелый тон у твоей жены. Потом идет 2-й разряд, хороших исполнителей, в который попадают Алексеев, Вишневский, Лужский, Харламов, — отчасти, по-моему, Муратова, Грибунин. И 3-й разряд, возбуждающий опасения: Бурджалов, Загаров, Андреева...

Вот меня прерывают Вишневский и Лужский. До свидания. Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

117.

1902 декабря 18. Среда

✓ Жду сегодня¹ очень большого успеха, не единодушного, но шумного. Исполнение пьесы наладилось. Кляксов нет и есть блестящий настоящего таланта: Москвин, твоя жена играют с «печатью истинного вдохновения». Прекрасно играют Качалов, Муратова в 1-м и 3-м действиях, многое у Алексеева отлично, чудесный тон у Грибунина, славный у Лужского. Вишневский своего татарина изображает отлично. Остальные не портят. Темп, наконец, схвачен хорошо, — легкий, быстрый, бодрый. Симов дал прекрасную декорацию 3-го действия. Сумел задворки, пустырь с помойной ямой сделать и реально и поэтично.

Не может быть, чтобы все это не дало интересной, художественной картины.

Завтра я поеду в П[етер]бург хлопотать по поводу «Столпов»², а потом приступаем к ним.

Горький волнуется, весело возбужден. Во время генеральной (без публики) радовался тому, что присутствовавшими в зале принималось смешком или другими знаками одобрения. А Вишневский демонстративно смеялся хорошим фразам, как славный клакер в Французской комедии³. И Горький верил его смеху.

Кажется, после спектакля Горький делает ужин, который ему обойдется рублей в 700—800. Да рабочим отпускает 200 р. Я его очень уговаривал не делать этого, — знать ничего не хочет. «Скиталец»⁴, говорит, придет с гуслями и будет нам петь».

У нас оттепель. У меня легкий бронхит. Боборыкин читает лекции ученикам нашим⁵. Интересы — среднего. Говорит, что ему хочется написать хорошую пьесу, как матери хочется иметь ребенка. Я на это стараюсь молчать.

Что ты делаешь? Пишешь ли? Здоров ли? Черкни словечко.

Обнимаю тебя от души.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

1902 декабря 26. Четверг.

Гефсиманский скит. Пещерная гостиница¹. Здесь я скрылся от праздников, визитов и т. д. Кроме того, лечусь здесь от насморка и бронхита. И наконец обдумываю репертуар будущего года.

Об успехе «Дна» не буду тебе писать. Вероятно, знаешь все. Славу богу, театр опять на той высоте, на какой он находился после «Трех сестер» и Петербурга.

Мне хочется получить от тебя умный совет о репертуаре будущ[его] года. На официальное приглашение² ты ничего не ответил. Ответ на это. Если даже не можешь указать определенно пьес, — ответ принципиально. Вообще, — какого характера пьес нам держаться. А вот тебе материал для соображений.

Чехов. — Новая. Козырной туз. Надо же, наконец, чтоб хоть раз твоя пьеса залаживалась в мае месяце³.

Горький. Собирается написать⁴.

Найденков. Уехал в Константинополь, хочет что-то делать со своими «Жильцами».

Это — русский современный репертуар.

Ни одной из этих пьес нет в руках, а надо уже начинать готовиться к постановке. За «Столпами» надо будет приступить к новой. Во всяком случае, с Вел[икого] Поста. Ведь надо продумать, готовить макеты и т. д.

Возобновится «Чайка»⁵ с декорацией Суреньянца⁶, Лилиной — Ниной, — но это не в счет.

«Юлий Цезарь».

«Заговор Фиеско» (мужчины наши недостаточно эффектны для него).

«Макбет».

«Фауст» (Уж очень его «запели» Шаляпин⁷ с Собиновым⁸)

«Ревизор»⁹.

«Месяц в деревне»¹⁰

«Недоросль»

«Маскарад» (Лермонтов)

«Посадник»

«Плоды просвещения»¹¹ (не сходят с репертуара Малого Театра)

«На всякого мудреца»¹²

«Эллида»

Из Ибсена еще — «Росмерсхольм», «Призраки»¹³.

Из Гауптмана: «Торжество примирения»¹⁴ (в старых тонах). Новая — «Бедный Генрих». (Сказка. Принц заболел проказой, скрывается от людей, живет на отдаленной ферме, дочь фермера полюбила его, он бежит в лес, роет себе могилу, дочь фермера находит его, исцеляет).

Есть еще пьесы, которые рекомендуются пайщиками: новая Мирбо¹⁵ и «Дмитрий Самозванец» Хомякова.

Не хочется ни той, ни другой.

Следовало бы возобновить «Потон[увший] колокол».

Вот передо мной весь список, и я ловлю себя на том, что все

время мое внимание возвращается к «Юлию Цезарю» и «Месяцу в деревне».

Да! Еще — «Миниатюры» (Метерлинк) ¹⁶.

Подумай хорошенько и посоветуй.

Пока до свидания. Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

119.

Телеграмма.

1903 января 1.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Неизменно дружеский всегда нежно-любящий тебя Художественный Театр благодарит тебя за милый привет и шлет наилучшие пожелания.

Немирович-Данченко.

120.

1903 января 4 суббота.

Милый Антон Павлович! Что же тебе сообщить нового? Вишневский весел и торжествует, — значит, в касе дело обстоит отлично ¹. Лужский несколько волнуется, — значит, не находит тона для новой роли или чувствует неловкость перед некоторыми актерами, с которыми надо будет расстаться. Алексеев все говорит, что устал, — значит, предчувствует назначение «Штокмана». Морозова не вижу совсем, — хочет приучить к мысли, чтоб на его капиталы не рассчитывали. Актеры довольны, — театр опять на прежней высоте.

Это у нас в театре, а вне его что делается, не знаю. Был два раза на ужине у Тихомирова ². Невежин одолел и речи.

Все думаю о будущем репертуаре. Хочу «Цезаря» ужасно, — да Брута нема.

Теперь репетируем «Столпы». Отличнейший тон нашла твоя жена, остальные пока все лениво вертятся около чего-то. Но репетируют довольно охотно.

Пришли же свое мнение о репертуаре Театра. Прочти статью Ярцева в «Театре и Искусстве» («Мещанство») ³. Хорошая статья.

Как ты себя чувствуешь? Ол[ьга] Леон[ардовна] говорила как-то, что плоховато. Обошлось? У вас, говорят, была славная погода. Вот бы уехал к солнцу с наслаждением. Поставить «Столпов», заладить какую-то интересную постановку, зачитать еще одну интересную пьесу и уехать недели на три в Рим ⁴ — вот мои мечты.

«На дне» идет шумно. После «Трех сестер» это первый настоящий наш успех.

Что же ты делаешь?

Пиши, пожалуйста. Пиши.

Обнимаю тебя

Твой Вл. Немирович-Данченко.

121.

1903 янв[аря] 17.

Видишь ли, милый Антон Павлович, — никуда не уйдешь от того, что наш театр должен в смысле сценического, — а если можно, — и драматургического искусства идти впереди других театров. Я говорю

именно должен. Если он пойдет вровень, — ему незачем существовать. Пусть другие делают то, что служит повторением чужих созданий, фабрикуют клише. Не стоит отдавать свои силы театру, чтобы повторять чужое. А что мы можем создать с «Женитьбой»? Даже с «Ревизором»¹. Мне кажется, что весь их и литературный и сценический материал исчерпан вполне. Другое дело, — напр., — «Горе от ума». Эту пьесу еще на наших с тобой глазах играли в костюмах, какие носили и мы с тобой и наши сестры. И нет 20 лет, как надели костюмы современной эпохи. И ставили пьесу Черневский² да Кондратьев. И будь только у нас Фамусов, я бы минуты не думал. Даже с точки зрения культурно-литературных образов в «Горе от ума» я вижу непочатый матерьял.

«Ревизор» чудесно расходуется по труппе. Еслиб мы знали заведомо, что из 5 пьес, — сколько мы можем поставить в год, — три могли нас бы кормить, — то я бы рекомендовал «Ревизора». Прежде же надо поискать «хлебную» пьесу.

Да, а выбирать все-таки трудно.

Мне ужасно хочется «Юлия Цезаря». Кажется, я уже писал тебе об этом. Но Брута нет. А Алексею не хочется ни играть Брута, ни заниматься пьесой.

Так мы все еще и не решаем. Думаю, на той неделе опять соберу пайщиков. Будем еще <думать> соображать, что лучше.

Пока, т. е. с тем, чтобы приступить сейчас же после «Столпов», — вертимся около «Эллиды»³. План таков: 1) пьеса не очень сложная. Готовится в течение поста. Генеральные сейчас же после Пасхи. 2) Найденовская. Репетируется в апреле и мае. 3) Зачитывается, обсуждается твоя пьеса. 4) Летом готовится большая, сложная пьеса, вроде «Юлия Цезаря». Август и половина сентября посвящается первым трем. С октября продолжается 4-я. И в конце ноября приступаем к 5-й (Горького).

А может быть, все это перевернется. Например, если ты дашь пьесу к концу поста, то мы ее готовим в апреле и мае, а Найденовскую откладываем на осень.

Я совершенно уверен, что ты войдешь теперь в стены своего театра с новой пьесой. И мне кажется, что если бы ты дал ее к концу поста, то ты устроил бы себе приятную весну и осень в Москве.

«На дне» делает колоссальные дела. Сейчас 19-е, завтра 20-е представл[ение] (за один месяц!) и билетов нет за два дня.

Горький сегодня приехал в Москву, — спрашивать меня, давать ли ему пьесу в П[етер]бург⁴.

Отчего же и не давать? Но там поступают довольно не деликатно. Репетируют, кажется, уже, а ему, автору, не пишут ни слова. Я хочу немного проучить Дирекцию императ[орских] театров за небрежное отношение к авторам. Не больно, но проучить надо.

Горький шлет тебе привет. А Алексин⁵ просит передать, что поручения твои исполнил. В чем дело, — не знаю.

До свиданья. Обнимаю тебя и желаю, главное, быть здоровым.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Телеграмма.

1903 января 19.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Благодаря небрежной небрежности тебе не отправлена телеграмма поздравительная с днем ангела¹ от всей труппы все желают тебе здоровья и бодрости как любимейшему другу театра.

Немирович-Данченко.

1903 февраль [15(?)].

Вечно я без почтовой бумаги!¹

Я тебя забыл... немножко. А ты меня — совсем.

До третьего дня я о тебе почти ничего не слышал. Такая моя доля. Все друг с другом видаются, разговаривают, о чем хотят. А я начинаю репетицию в 12 час[ов], когда все сходятся, и кончаю в 4, когда все спешат домой. А вечером меня теребят декорации, бутафория, звуковые и световые эффекты и недовольные актеры. В воскресенье, 9-го, сдал генеральную, а вечером уехал в Петербург. Пробыл там три дня, вернулся, а уж тут — утренние и вечерние спектакли. И с твоей женой говорю о Лоне, о Лоне, о Лоне, а так попросту, по душе и перекинуться некогда. Третьего дня из бенефиса Гельцер² поехали ужинать, и я с удовольствием почувствовал себя простым столичным обывателем.

Твоя жена мужественно тоскует. И говорит, что тебе нет надобности жить всю зиму в Ялте. В самом деле, неужели нельзя жить под Москвой, в местности сухой и безветренной? Кого об этом надо спрашивать? Какому врачу ты о ч е н ь веришь? Остроумову?³ Я с удовольствием принял бы участие в этих переговорах, т. к. и мое сердце щемит при мысли о твоём одиночестве в течение 4 месяцев.

Расспрашивал вчера Симова, каков климат в его Иванькове (за Всехсвятским)⁴. Он говорит, что до него там ждал Эрисман⁵ и утверждал этот Эрисман, что там лучший климат из всех подмосковных местностей. И рыбы много!⁶

Надо что-нибудь сделать. Разумеется, без малейшей опасности для здоровья.

Ты позволяешь мне говорить об этом? или нет?

Может быть, ты и работал бы продуктивнее при таких условиях.

Как идет теперь твоя работа? Пишется или нет?

Ужасно надо твою пьесу! Не только театру, но и вообще литературе [...].

Чувствую тоскливое тяготение к близким моей душе мелодиям твоего пера. Кончатся твои песни и — мне кажется — окончится моя литературно-душевная жизнь. Я пишу выпренно, но ты знаешь, что это очень искренно. И поэтому, вероятно, никогда раньше меня не тянуло так к Тургеневу, как теперь. И в направлении репертуара мне хочется больше равновесия в этом смысле.

Подберись, пожалуйста. Употребь все приемы личной психологии, какие тебе известны, чтобы подтянуться, и напиши пьесу с твоим чудесным поэтическим талантом. Пускай мы будем стары, но не будем отказываться от того, что утоляет наши души. Мне кажется, что ты иногда думаешь про себя, потихоньку, что ты уже не нужен. Поверь мне, поверь хорошенько, что это большая ошибка. Есть целое поколение моложе нас, не говоря уж о людях нашей генерации, которым чрезвычайно необходимы твои новые вещи. И я бы так хотел вдохнуть в тебя эту уверенность!

Надеюсь, ты не подозреваешь во мне репертуарной хитрости. Да если бы и так! Ты нужен во всяком случае. Какое это будет радостное событие — твоя пьеса, хотя бы это был простой перепев старых мотивов.

А пока мы заняты «Столпами». Какая это мука — не верить в красоты пьесы, а внушать актерам веру в них. Цепляюсь за каждую мелочь, чтобы поддерживать энергию работы. Ссорюсь все время и часто думаю, что в конце концов выйду победителем из этих мучительных хлопот. До генеральной 9-го совсем трудно было. Но в ту генеральную появилась новая струя, которая меня подбодрила. И внесла Ольга Леонардовна. Она как-то вдруг отдалась новым трогательным нотам внутреннего образа Лоны, потянула за собой Алексеева и пьеса начала принимать более серьезную и глубокую окраску. А то и она совсем потерялась, и у меня не хватало уже сил бороться с мелкими внешними стремлениями Алексеева, до того мелкими, что они совсем заслоняли психологию. ✓

Если «Столпы» не будут иметь успеха, я не очень буду горевать. Но жаль будет большого двухмесячного, нет — трехмесячного (май) труда. Если же они будут иметь успех, в театре более глубокое и серьезное направление победит жажду красивых пустяков. Это будет очень полезная победа.

В товарищеском смысле в нашей театральной жизни намечается какая то трещина, как бывает в стене, требующей некоторого ремонта. По одну сторону этой трещины вижу Морозова [...] и чувствую, что там окажутся любители покоя около капитала, в роде Самаровой, например. По другую сторону ясно группируются Алексеев с женой, я, твоя жена, Вишневский. Может быть, здесь Лужский. Менее вероятно, — Москвин. Где Качалов, — не знаю.

А трещина медленно, но растет.

Когда я был в П[етер]бурге, там справлялся юбилей Тихонова Владимира⁷. Но я не пошел, предпочел обедать один. Смешной это юбилей.

Суворины отец и сын⁸ очень ухаживали за мной в надежде сдать нам театр за то, что Горький даст им на будущую зиму «На дне». Но вчера я получил от Горького телеграмму «Никакие соглашения между мною и Сувориными невозможны».

Воздух около Суворина, действительно, пакостный.

И какой это плохой театр! В тот же вечер я был на бенефисе Потockой⁹. И Александринский театр тоже очень плохой театр. В который раз я убеждаюсь, что единственный театр, где можно ра- ✓

ботать, сохраняя деликатность и порядочность отношений, — это наш. Единственный в мире, несмотря даже на эти противные «трещины».

И чем больше я ссорюсь с Алексеевым, тем больше сближаюсь с ним, потому что нас соединяет хорошая, здоровая любовь к самому делу. Верю во все прекрасное, пока это так.

Ты третье звено (фу, как я сегодня выражаюсь!) этого театра, этой прекрасной жизни. Помогай же нам!

Сегодня на ночь, уже в четвертом часу, читал твои рассказы. И хохотал в подушку, как дурак, когда прочел «Месть»¹⁰. И ночью еще проснулся и смеялся.

Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

С завтрашнего дня опять принимаюсь горячо за «Столпы».

Будь здоров.

124.

1903 февраля 24. Понедельник.

Милый Антон Павлович! Сегодня сдаем, наконец, «Столпы». И опять нам кажется, что труднее пьесы не было. Должно быть, это хорошо. Легко дается только то, что банально и не интересно. Все, что вызывает новые и новые «искания», не может быть легко. В субботу была последняя генеральная, довольно утомительная. Пьеса бесподобно поставлена и играется хорошо. Не все одинаково великолепно, но ансамбль полный. Кажется только, что сама пьеса делает впечатление чего-то не нужного в Художеств[енном] театре. Большого, скажу даже, — невероятного напряжения стоило мне убедить актеров отдаваться ролям добросовестно, — до того роли сами не затягивали их сил. Приходилось ссориться, браниться. И это желание, — чтобы играли искренно и убежденно, тащил два месяца один я. Через каждые 5—6 репетиций пьеса рисковала полететь, все готовы были отказаться от нее. А между тем постановка ее принесла огромную пользу театру и актерам, пользу, которая почувствуется позже, когда мы примемся за Шекспира или Шиллера.

Настроение общее — покойное, более чем даже нужно. Неудача никого не огорчит, разве только смажет, слизнет мой трехмесячный труд.

Сегодня сдаем «Столпов», а все еще не знаем, к чему приступить дальше. Найденов дал только часть своей пьесы, а другую хочет подержать еще недели три.

Если исход постановки «Столпов» будет сверх ожидания, настояю на «Юлии Цезаре».

Морозов за «Эллиду» и против Тургенева, потому что Мар[ья] Фед[оровна] [...] за «Эллиду» и против Тургенева. Алексеева за «Колокол»,¹ я против него. Так и путаешься, ничего не решая.

Петербург на Фомину и Пасху все еще колеблется. Горький наотрез отказался дать Сувор[инскому] театру исключительное право с будущего года. Суворинцы обозлились и отказывают в театре. Я написал Плющину² резкое письмо. Через три-четыре дня выяснится все.

А ты мне ничего не пишешь! Ни строчки.
Будем ждать тебя с пьесой.
Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

125.

1903 март.

Милый Антон Павлович!

Никак не соберусь написать тебе письмо побольше. То уезжал в Петербург, то занят школьными репетициями, в которые погрузился, как только прошли спектакли...

Сейчас пишу по просьбе Августа Шольца¹. Он предлагает тебе дать ему рукопись твоего нового рассказа за месяц, за 6 недель до появления его в «Русской Мысли». И тогда он напечатает перевод в одном из лучших немецких журналов одновременно с «Русской Мыслью» и оплатит тебе хороший гонорар.

Если это тебе улыбается, — предлагаю тебе свои услуги по устройству всего этого. Вышли мне рукопись, отдам переписать в верные руки, и сговорюсь с Лавровым.

Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

126.

1903 март

Милый Антон Павлович!

Давно я не писал тебе, да ты, вероятно, знаешь от жены все, что тебя может интересовать по части театра.

Сдавши «Столпы», которые, кстати сказать, идут до сих пор «с аншлагом» и имеют «почтенный» успех, — я ездил в Петербург¹. Там возился в очень несимпатичной компании Суворинцев... Да, вот замкнулись мы в свой круг, в настоящем искусстве и в художественных исканиях находим непрерывный запас хороших душевных движений, никого не видим, ни с кем не сталкиваемся, и как случится вот провести несколько часов с такими людьми, как Суворинцы, — точно тебя грязью обдаст и вонью... В этом смысле я дохожу до того, что мне доставляет какую-то радость покоя — провести иногда в театре совсем день без выезда. Т. е. приду, как всегда, в 11½ часов, а уйду в 12½ ночи. Тут же (в уборной Вишневого) и отдохну, сюда же потребую и поесть чего-нибудь. Я хочу сказать, что решительно никого и ничего не хочется больше видеть. Скажу тебе по секрету, что единственное развлечение я нахожу еще в азартной карточной игре, и то очень не часто, — раз-два в месяц. А больше и не хочется. Это, по крайней мере, тоже «вне людей».

Вернувшись из П[етер]бурга, окунулся в ученические спектакли, и вся 4-я неделя прошла на них. Все отдыхали, а я с Тихомировым работали с учениками. Сдали два спектакля. Ученики, — особенно, ученицы, — милые, талантливые, с очень хорошим, благородным каше. Многие из них теперь уже поедут по провинции, и с ужасом думаю, как они будут чувствовать [себя во] вне-литературной, не художественной атмосфере.

Семь лет я добивался «школы при театре»², сколько возбуждал против себя ненависти, протестов, недоверия. Теперь торжествую. Мысль оказалась несомненно жизнеспособная. А за дальнейшую судьбу этих маленьких «пионеров» начинаю побаиваться.

Теперь мы переходим к Тургеневскому спектаклю³. Если удастся то, что складывается в фантазии, — это будет превосходно.

В П[етербурге] идет безумная продажа билетов⁴. Все уже продано. На 17 спектаклей по 4.600 рб. сбор, продано в 4 — 5 дней!

Но будущий сезон меня пугает. Твоей пьесы все еще нет и ничего о ней не слышно. А между тем весь май мы должны репетировать, стало быть к Пасхе она должна быть у нас в руках.

Без твоей пьесы нет будущего сезона!

Ты, бедный, вероятно до смерти соскучился. Ну, еще немного напряжения, — кончи пьесу и приедешь сюда к концу апреля и отдохнешь от тоски, и весело тебе будет отдыхать, когда мы будем репетировать пьесу. Такими мыслями я всегда ободрял себя на работу, когда было скучно, и работать не хотелось. И подбодришь, бывало, себя, — и энергия является.

Пишешь ли ты? Какая погода в Ялте?

Будь здоров, бодр, не тоскуй. Не читай много газет. Это чтение отбивает охоту работать.

Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Передай Алексею Максимовичу, что я получил его подарок⁵. Конечно, очень дорожу им⁶, хотя не могу не сказать, что надпись сделана со свойственной ему расточительностью, как на деньги — так и на ласку. Я не заслужил этой надписи.

Серебро в кастет не переделаю, но советом его воспользуюсь и кастет вообще заведу.

В. Н.-Д.

127.

1903, апрель [Петербург].

Дорогой Антон Павлович!

Третьего дня играли «Трех сестер» после большого перерыва. Я должен был уехать председательствовать в Кружке¹ (реферат об Андрееве²). Но мне стоило больших трудов вырваться из ложи, — так приятно, тепло, легко было смотреть на сцену. Сегодня Симов поставил написанную заново декорацию для I действия «Дяди Вани». Декорация очаровательная. Тот легкий, прозрачный сад поздней осени и тишина, когда от малейшего ветерка падают отсохшие листья, и когда слышно, как сухой листок падает на землю.

И вот опять на меня с такой силой пахнуло духом твоей поэзии, таким родственным моей душе и таким необходимым в жизни нашего театра.

Пиши, Антон Павлович, пожалуйста.

Пиши, пиши.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Телеграмма.

1903 апреля 21.

Ялта Чехову Петербурга

Утро, посвященное тебе, устроенное Литературным фондом, имело громадный успех. Программа: мое вступительное слово о твоих драмах и постановке их, чтение Нина Тригорин второй акт, Аркадина Треплев Тригорин третий акт, Андреева Книппер Качалов Варламов¹ вся вторая половина третьего акта «Дяди Вани», антракт, «Ванька»² Андреева, три рассказа Москвин и весь первый акт «Трех сестер». Подъем публики огромный Настроение чудесное

Немирович-Данченко.

1903 мая [27]. Вторник.

Милый Антон Павлович!

О том, что Вы уезжаете из Москвы¹ так рано — в 12 час. — я узнал накануне в 10 час. вечера в Любимовке. Что я мог сделать? С вокзала вчера утром взял лихача в голубом кафтане с наборным поясом. И все-таки, въезжая во двор Коровинского дома², узнал от Ив[ана] Павловича³, что Вы уже уехали. Было без 10 м. 12. Стало быть, нечего было спешить и на вокзал.

Желаю Вам обоим здоровья и хорошей погоды. Я уезжаю 31-го, прямо в Венецию, Рим и Неаполь⁴. В конце июня, если удастся, взгляну к Вам.

Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

1903 июня 15 [Неаполь].

Ну, вот и Неаполь. Первое впечатление — грязи, шума, нахальных темпераментов и удивления перед вопросом: чем можно тут увлекаться после Французской Ривьеры, Крыма и, в особенности, Рима?

Рим так содержательно богат, дает такое неисчерпаемое <богатство> изобилие высоких культурных впечатлений, что здесь даже не хочется ничего искать. Пока Неаполь для меня — Эрмитаж, Мавритания, Мюр и Мерилиз¹ — что хотите — у великолепного моря, гостинично-трактирное место для любителей пошляться и поесть. Даже от Помпеи не жду ничего особенного. Скажу больше, — не хочется рассеивать художественных впечатлений Рима.

Может быть, я ошибаюсь...

Последний вечер в Риме провели к театре. Итальянские актеры вообще чуть ли не самые лучшие по нервности и простоте. Шла пьеса Марко Прага² (в 1-й раз) «L'Ondina» («Ундина»?). Играла чудесная по нервному темпераменту актриса Gramatica³ и отличный актер. Актриса в роде Заньковецкой⁴, но еще сильнее..

Постановка пьесы самая жалкая.

Публика нервозно-нахальная. Все время разговаривает и быстро отзывается на то, что ей нравится или нет. Шикает тотчас-же, как ей что не понравилось. И наоборот.

В Бург-театре⁵ мы смотрели *Robe rouge* (прекрасная пьеса, которую у нас не разрешат). Там публика внимательна, аплодирует скромно (на вызовы артисты никогда не выходят!)⁶, антракты короткие. И хотя постановка пьес даже пониже, чем у Корша, — однако общий тон спектакля много лучше, чем здесь.

Работа у меня с Симовым идет очень дружно. Чувствую, что немного утомился. Теперь три дня на Помпею и антикварные лавки, затем дня 4 отдохнем в Сорренто⁷, где и сведем воедино собранный материал, — и домой!

До свидания.

В. Немирович-Данченко

А Бурджалов с Бутовой пропали! Так от Варшавы и не видел их.

Судьбинин пишет из Парижа, что новое изобретение освещения, которое я просил его осмотреть, — изумительно.

131.

1903 июня 21 Венеция.

План был — после Помпей отдохнуть и свести материал в Сорренто. Но в Неаполе такая жара, а неаполитанцы такие противные, что план изменился: мы отдыхаем и сводим материал в излюбленной нами Венеции. Я так и уехал из Неаполя, не понимая, как можно его любить. От одних извозчиков можно наскоро сложить вещи и убежать. Вот пример «денежного завоевания». Гуляющие иностранцы без пролития крови, а одним пролитием денег завоевали всю страну, и она теперь весь режим своей жизни устроила для приезжающих иностранцев. Отвратительное зрелище! Даже Помпея стала игрушкой, развлечением для приезжающих. Кажется, никто, начиная с директора раскопок, которому там поставлен среди развалин памятник, не относится к раскопкам с той серьезностью, какой они заслуживают. Какая невероятная разница с Римом!

А Венеция очаровательна и по тишине и по колориту.

29 июня мы возвращаемся в Москву. 30-го я бы хотел приехать к Вам. Если Вас не будет в Наре¹ — сообщите, пожалуйста, ко мне (Б. Никитская, д. Немчинова), чтобы мне не прокатиться даром.

Может быть, я услышу новую пьесу?

До свиданья.

Вл. Немирович-Данченко.

132.

1903 августа [17].

Дорогой Антон Павлович!

Отчего Вы ничего не пишете, — ни ты, ни Ольга Леонардовна? Мне очень некогда писать самому, а знать о Вас хочется.

Утро и вечер каждый день репетиция¹, — то народ, то персонажи. В самых репетициях есть несколько новая окраска — больше системы и, может быть, неизмеримо против прежнего меньше напрасных проб и шатаний из стороны в сторону.

Есть еще новинка — студенты в народе. С ними легче и приятнее иметь дело, чем с «Соловьевцами»². Репетиции идут успешно, но «монтировочная» сторона хромает. Декорации и гримы задерживаются, а ко-

стюмы хоть не задерживаются, да пока просто скверны — доморощенные, не художественные и не мастерские.

Все работают охотно, даже дружно, хотя и только в народе. Больше одного-двух исключений (N. N.) не насчитаем. Я еще ни разу не портил себе настроения (тьфу! тьфу!), которое бодро и уверенно. С Константином Сергеевичем мы очень дружны и отлично наладили совместную работу.

Экзамены в школу почти окончились. Записалось около 140, из них человек 25 сбежало, испугавшись первых экзаменов. Из остальных приняли пока только 6 человек. Между ними Эберле³. Она понравилась. Сегодня я ее уже ввел в «Цезаря» (плакальщица). Приняли только самых интересных, даже абсолютно, не только относительно.

На днях был Горький, прожил несколько дней.

Скирмунт⁴ выслан с Олонецкую губ. и довольно мерзко. Не дали даже времени привести в порядок дела.

Интересно, что будет, когда Витте стал выше Плеве.

Витте будет диктатором.

Найденов написал пьесу, прислал ее. Увы! Мои предсказания пока сбываются. Эта пьеса еще слабее прошлогодних. Жидко и безвкусно. Мало талантливо даже.⁵ В центре пьесы («Деньги») купец Купоросов (!), живет в старо-дворянском доме, скучает, хочет быть интеллигентным, поэтому учится петь (надевает костюм Фауста), собирает артельщиков для «слияния», но самодурствует. Влюбляется в учительницу сельской школы, но и тут самодурничает. Если бы это было написано очень талантливо, то вышла бы одна из слабых пьес Островского, а пока это ниже пьес покойного Федотова⁶.

И ты можешь думать, что твоя пьеса не нужна!!! Нет хороших пьес! Нету! Нету! А если ты не напишешь, то и не будет! Жду ее с все нарастающим нетерпением. Но, конечно, не насилуй себя во вред здоровью, хотя она нам нужна очень скоро, недели за три до открытия сезона.

Пока держусь крепко, что откроем в двадцатых числах сентября (22-го полная генеральная «Цезаря»). Сегодня 17-е число, мы начали работу 7-го. За 10 дней сделано невероятно много.

До свидания. Будь здоров. Привет Ольге Леонардовне.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Б. Никитская, д. Немчинова.

133.

Телеграмма.

1903 августа 20.

Ялта Чехову Москвы

Пришли мне скоро краткое мнение твое и Ольги Леонардовны о пьесе «Деньги»¹.

Немирович-Данченко.

134.

1903 сентябрь
[дата получения]

Милый Антон Павлович!

Письма Ваши получил¹. Дело в том, что относительно «Денег» мнения в дирекции разошлись. Конст[антин] Серг[еевич] нашел пьесу

совершенно лишенной интереса и не талантливой. Я нашел, что это еще талантливое «искание» пьесы, которую автор отыскал, только окончивши ее, и что поэтому она жидковата и не глубока по намерениям, что ее надо автору «переписать», а Морозов горячо говорил, что эта пьеса бесподобная, заслуживающая полного балла. Лужский поставил ей 3. Тогда мы решили прочесть ее пайщикам, и я запросил ваше мнение. Оно — сравнительно добрее многих, но близко к общему. Крайности были у Н. Г. Александрова, который говорил, что если мы начнем ставить такие пустяки, то лучше поджечь театр, и у Вишневого, весьма отрицавшего достоинства. Остальные находили, что талантливо, но уж очень жидко. И во 2-м действии черезчур сбивает на «Одиноких»...

Так пьеса и не прошла. Впрочем, вообще пайщики долго не могли решить, ставить пьесу или нет.

Ты предлагаешь Найденову слишком капитальную переделку, — сделать из Купоросова что-то вроде Колгуева (из моего «Нового дела»²). Но, сколько я понимаю, ничего подобного не было в замысле Найденова. Совсем наоборот. Купоросов смешон и редко где может быть жалок.

Вряд ли он захочет переделывать пьесу. Вернее, он даст ее Коршу.

Если она будет иметь большой успех (вообще, успех будет иметь) и газеты будут ругать нас (больше всего, значит, меня) за то, что мы не взяли этой пьесы, — то мне лично закрыты двери Худож[ественного] Театра. Тогда я уже не могу дать свою пьесу, т. к. выйдет, что я терплю около себя только Чехова и Горького да знаменитых иностранцев — Ибсена, Гауптмана, Шекспира.

Может быть, и к лучшему. Может быть, в самом деле, достойнее в моем положении отдавать пьесу в Малый Театр. На днях несколько артистов Мал[ого] Т[еатра] с режиссером во главе очень горячо доказывали мне, что я обязан пьесы свои ставить у них. Кажется, они правы.

Сегодня мы попробовали в декорации и костюмах 2-ой акт «Цезаря». Кажется, выходит. Репетиции идут без перерывов. Только на один день я уезжал в Любимовку и там вспоминал вас.

У нас погода — крымская. Тепло, солнечно, лунно, — все, что хотите.

Меня очень огорчает, что ты запаздываешь с пьесой. Ах, как она нам нужна уже через неделю, много — другую!!

Приналяг, Антон Павлович! Потом будет веселее отдыхать.

Зиму ты думаешь жить в самой Москве? Или под Москвой?

До свиданья.

Кланяюсь вам всем

Твой Вл. Немирович-Данченко.

135.

1903 октябрь [3 или 4].

Сейчас получил твою записку с заметкой о «Золоте»¹, милый Антон Павлович!

Я не писал тебе давно, т. к. ты можешь себе представить, сколько я был занят в последнее время. И спектакль, наконец, прошел, но я еще не отоспался.

От «Юлия Цезаря» получилась грандиозная и широкая картина и — не мне говорить — но, кажется, смелой и уверенной кисти. «Тут адом дышет» — сказал рецензент немецкой газеты.² Я этого хотел. Тот подъем духа, какой я испытал в Риме, — я тебе писал оттуда, — я хотел вложить в постановку. Судя по бесчисленным отзывам, это удалось³.

Успех пьесы, или вернее — спектакля, — неровный. Местами грандиозный, — если не в смысле аплодисментов, то по подъему публики и художеств[енному] воздействию.

Местами — меньше, а некоторые лица, — из них первый, к глубочайшему сожалению, Конст[антин] Серг[еевич]⁴ — совсем не нравятся.

В зрителе происходят колебания.

Но во мне есть уверенность, что весь спектакль — есть великолепное громадное создание театра, и многие подробности не нравятся так, как часто бывает и с великолепными картинами, на которых не все прекрасно.

Газеты сегодня полны больших статей в возбужденном тоне. Довольно справедливы. Не все, конечно, достаточно проникновенны.

Настроение в театре бодрое. Ведь мы со времени «Царя Федора» не открывали сезона с успехом [«Грозный», «Снегурочка», «Дикая утка», «Мещане»] и начало у нас всегда проходило в кислом, вялом тоне. Притом же такая колоссальная работа, как «Цезарь», сдана сравнительно быстро.

Наше нетерпение, ожидание твоей пьесы все обостряется. Теперь уже ждем, считая дни... Пока что возобновим «Одиноких», но это недели через две, много три. К этому времени надо, чтоб пьеса твоя была зачитана, роли расписаны, сделана мизансцена... Торопись и главное — не думай, что ты можешь быть неинтересен!

До свиданья!

Обнимаю тебя.

Вл. Немирович-Данченко.

136.

Телеграмма.

1903 октября 18.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Мое личное первое впечатление¹ — как сценическое произведение, может быть, больше пьеса, чем все предыдущие. Сюжет ясен и прочен. В целом пьеса гармонична. Гармонию немного нарушает тягучесть второго акта. Лица новы, чрезвычайно интересны и дают артистам трудное для выполнения, но богатое содержание. Мать великолепна. Аня близка к Ирине², но новое. Варя выросла из Маши³, но оставила ее далеко позади. В Гаеве чувствую превосходный материал, но не улавливаю его образ так же, как графа⁴ в «Иванове». Лопахин прекрасен и взят ново. Все вторые лица, в особенности Шарлотта, особенно удались. Слабее кажется пока Трофимов. Самый замечательный акт по настроению, по драматичности и жестокой смелости последний, по грации и легкости превосходит первый. Новь в твоём творчестве — яркий, сочный и простой драматизм. Прежде был преимущественно лирик, теперь истинная драма, какая чувствовалась разве только в молодых женщинах «Чайки» и «Дяди Вани»; в этом отношении большой шаг вперед. Много вдохновенных мазков. Не очень беспокоит меня, но не нравятся некото-

- ✓ рые грубости деталей, есть излишества в слезах. С общественной точки зрения основная тема не нова, но взята ново, поэтично и оригинально. Подробно напишу после второго чтения; пока благодарю и крепко целую.

Немирович-Данченко.

137.

Телеграмма.

1903 октября 20.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Сейчас прочел пьесу¹ труппе Впечатление громадное Сильнейший трепет и мысли и чувства Возбуждение большое и великолепное Общий голос что творчество ширится и крепнет Подробно напишу

Немирович-Данченко.

138.

Телеграмма.

1903 октября 22.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Глубоко поражен твоей телеграммой¹ Грешно так мало доверять мне Я поступил так же, как с Горьким в прошлом году и как ты сам дал Эфросу² «Три сестры» Газеты бегают за сюжетом, искажают его со слов любого актера Я предпочел чтоб во-время появилась верная передача содержания Считаю свой поступок безупречным и готов всегда отдать отчет Умоляю вдуматься и успокой меня телеграммой, что твоя вспышка прошла От Ольги Леонардовны скрою твою телеграмму

Немирович-Данченко.

139.

Телеграмма срочная.

1903 октября 22.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Забыл добавить что пьесы я не давал, а рассказал содержание.

Немирович-Данченко.

140.

1903 октября [27] Понедельник.

Дорогой Антон Павлович!

Ольга Леонард[овна] говорила третьего дня, что ты не получаешь никаких известий о пьесе и т. д.¹ Ну, теперь это, очевидно, прошло. Тебе писали многие, кроме меня даже.

Но тебе еще кажется, что пьеса не нравится и т. п.²... Как у тебя говорит Лопехин «Всякому безобразию есть приличие», так я скажу «всякой скромности есть самоуверенность».

Ты уж Бог знает до чего скромн!

- ✓ Я уже тебе телеграфировал два раза и оба раза по совести. Может быть, я не так горячо увлекаюсь пьесой, как наприм. Конст[антин] Серг[еевич]. Он говорит, что ничего сильнее и талантливее ты еще никогда не писал³. Но если я с этим и не согласен, то и оспаривать не хочется, потому что в самом деле это очень сильная и талантливая вещь.

Теперь постепенно мысленно вживаемся в пьесу, начали работать с макетами декораций. Постановка задерживается из-за застрявших

«Одиноких» и из-за того, что К[онстантин] С[ергеевич] очень устает от Брута.

Мне все еще хочется написать тебе о твоей пьесе подробно, да все не соберусь.

Теперь — главное — жду твоего мнения о наших распределениях ролей. Это нужно скоро, и как только ты окончательно выскажешься, — раздадим роли.

Репетировать хотим быстро и энергично.

Не волнуйся. Все пойдет по прекрасному и достойному тебе. Не трать нервов на пустяки. Будь здоров и, по возможности, не грусти.

Обнимаю тебя.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

141.

1903 октября 30.

Вот сейчас 11¼ утра. Я в театр хожу пешком. Через ¼ часа у меня класс, а в час репетиция «Одиноких».

Вчера пришел ко мне Эфрос... Одно имя его тебя теперь раздражает?¹ Но, право, милый Антон Павлович, я не могу понять твоей нетерпимости по отношению к появившемуся пересказу содержания. Я об этом тебе еще не писал. Когда увидимся — растолкуй мне. Впрочем, на будущее время я решил быть менее податлив. Пусть достают содержание, откуда хотят, — я давать не буду. И это не только относительно тебя, но и относительно других авторов.

Да, так вчера был Эфрос. Показывает мне телеграмму в «Южном крае»² из Ялты, где говорится, что статья «Новостей дня» — «грубая мистификация, не имеющая ничего общего с действительностью». Эфрос говорит: «Вы понимаете, в какое положение становится газета и дайте мне удостоверение, что это не мистификация».

Я дал удостоверение с оговоркой, что, прочитав пересказ содержания пьесы в «Новостях дня», нашел неточности.

Ночью по телефону Эфрос просил вычеркнуть эту оговорку, я отказал. И вот что-то сегодня он не воспользовался моим письмом.

Сегодня хочу пойти в Малый Театр на пьесу Потапенко (я ее читал раньше)³. Это будет мой второй выезд вечером из Художественного Театра, начиная с 6-го августа. В первый раз я был на «Добрыне Никитиче» Гречанинова⁴. Было скучно.

Потапенко поставил в этом сезоне 3 пьесы!! Одну в Александр[инском] и Малом Московск[ом] театрах, другую у Суворина и третью в Москве у Ковалевского⁵.

Вчера он заходил ко мне. Как опустился! И какой усталый скептицизм!

Ну, вот... Отрывают от письма. У Вас[илия] Вас[ильевича] Лужского вчера вечером умер отец, надо заменить его в делах...

До свиданья.

Хочу тебе писать чаще.

Хочу рассказать еще о моем разрыве с Боборыкиным.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

1903 ноября [до 6-го].

Дорогой Антон Павлович! Я даже не могу найти час, чтобы написать тебе обстоятельное письмо. Имею сейчас 20 минут, попробую сжато:

Теперь я пьесу прочел три раза.

Что Аня похожа на Ирину, — совершенно беру назад. Даже меньше, чем ты на Бурджалова¹.

Есть несколько местечек, слишком напоминающих кое-какие места из старых пьес. Трудно обойти это сходство в монологе Ани в конце 3-го действия. Остальные ты исправишь, не двигаясь с дивана, когда я укажу тебе их, в 10 минут.

Беру назад упрек в «грубостях». Может быть, — два-три слова, которые притом же можно и не исправлять.

Симов уже съездил в Нару и зарисовал мотив.

Мотивы комнат он тоже уже собрал.

Он в бодром, художественном запале и жаждет вложить в декорации весь свой жар.

Для этой пьесы надо бы очень много труда со стороны Конст[антина] Серг[еевича].

Я бы уже приступил к пьесе, если бы меня не замучивали скучные работы, — во-первых, все текущие дела, которые, как никогда еще, навалились на меня, во-вторых, «Одинокие», в-третьих — школа.

Но пьеса должна быть поставлена в половине декабря.

С распределением ролей все еще не решили. Меряем, меряем — никак не можем отрезать. Но, конечно, без твоего утверждения ролей не раздадим.

Раневская — твоя жена. Могла бы и Мария Федоровна², но будет черезчур моложава.

✓ Аня — скорее всего Лилина. Не очень молода, но глаза и тон могут быть молодые. Мария Федоровна — достаточно молода, но глаза и тон не будут молоды. Гельцер — мелка и незначительна. Халютин — недостаточно дворянка. Лучше других подходят — Косминская или Лисенко³, но страшно за недостаточную опытность.

Варя. — Кандидатками выставляют: Лилину (ей не хочется, боится повторить Машу⁴), Савицкую (не встречает единомышленника у Правления), Литовцеву — повидимому, имеет больше шансов. Я рекомендую Андрееву, — но ей не хочется, говорит, что будет слишком аристократична. Вообще с этой ролью происходит что-то странное. Я искренно нахожу, что это чудесный образ и будет производить большое впечатление. Актрис же она не так привлекает, как я ожидал.

Бывает это. От Цезаря все чурались, а я говорил, что это самая эффектная роль и чуть не силой заставил Качалова прославиться.

Я думаю, что я вернее всех угадываю, что выйдет на сцене.

Шарлотта — идеальная — Ольга Леонардовна. Если не она, то, по моему, Муратова. Выставляют еще кандидатку — Помялову. Но это — актриса без художественного аромата. Я ее не люблю.

Лопехин. Все думали Конст[антин] Серг[еевич]. Боюсь. Ему са-

мому, видимо, очень хочется. Но и он сам и его жена говорят, что он простых русских людей никогда не играл удачно.

Впрочем, по первому впечатлению, все находили, что К[онстантин] С[ергеевич] должен играть Гаева. И я тоже.

Он готов играть и то и другое. Так что, может быть, мы так и будем пробовать. Что у него лучше выйдет, то он и будет играть.

Если он — Гаев, то Лопехин лучше всего — Леонидов. Эта комбинация хорошая. Может играть искренно и настоящего русского — Грибунин. Но бояться, что будет бледен.

Если же Лопехин — К[онстантин] С[ергеевич], то Гаев или Вишневский, или Лужский, или Леонидов. Первый будет под Дорна, второй под Сорина.

Вишневскому хочется Лопехина, но это совершенно невозможно!

Пищик — Грибунин. Если же Грибунин — Лопехин, то Пищик — или Лужский, или Вишневский. Лучше последний. Но лучше всех Грибунин.

Епиходов — без сравнений Москвин.

Яша — Леонидов. Хорошо очень и Александров. Очень молит — Андреев.

Трофимов — Качалов без сравнений.

Дуняша — Адурская, Халютин, а если Марья Петровна ни Аня, ни Варя, то, конечно, она — идеально.

Вот все комбинации. Подумай так, как думают, играя в шахматы. До свидания.

Обнимаю тебя

Твой Вл. Немирович-Данченко.

143.

Телеграмма срочная.

1903 ноября 5.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Окончательно распределение Лопехин Леонидов, Гаев Алексеев, Лопехина он боится. Леонидов будет хорошо. Трофимов Качалов, Пищик Грибунин, Фирс Артем, Епиходов Москвин, Яша Александров, прохожий Громов, декламатор Загаров, Раневская Книппер, Дуняша Халютин и Адурская. В остальных ролях голоса разбиваются, реши ты категорически: Аня — Лисенко, Косминская, Андреева, Лилина; Варя — Андреева, Лилина, Литовцева, Савицкая; Шарлотта — Лилина, Муратова, Помялова. Об этих трех ролях пришли свое мнение срочной телеграммой¹.

Немирович-Данченко.

144.

1903 ноября [7]
[Пятница].

Дорогой Антон Павлович!

С распределением у нас возня не потому, что нет Раневской, а потому что хотим получше устроиться, во-первых, а во-вторых, приме-

шались разные закулисные соображения. Только ты напрасно думаешь, что я буду пьесу приносить в жертву закулисных соображений¹.

Мое распределение не совсем соответствует твоему, — вот в чем и почему.

Алексеев Лопихина боится играть и кроме того Гаев не менее важен, чем и Лопихин. Леонидов и Алексеев лучшая комбинация, чем Алексеев и Лужский или Алексеев и Вишневский.

Аня — Андреева, по-моему, совсем ни к чему. Аня — Лилина — лучше, но жаль, потому что талант Лилиной нужнее в Варе или Шарлотте. Поэтому я распределяю Аню, Варю и Шарлотту — ученица, Андреева и Лилина. Лисенко и Косьминская — молодые, хорошенькие, достаточно опытные (третий год учатся и играют на выходе), а это для Ани совершенно достаточно. А Шарлотта — Муратова скучновата.

Но я не протестую и против твоего распределения. Вообще нахожу, что одна роль немного лучше, другая — немного хуже, — все это не изменит успеха и интереса. Выиграет Аня у Лилиной, проиграет Шарлотта у Муратовой, выиграет Шарлотта у Лилиной, проиграет Аня у ученицы — вот и все. Надо еще помнить, что Лилина актриса не надежная и должна иметь дублерку.

Сегодня, наконец, сдаем «Одиноких» и завтра приступаем к «Вишневому саду».

Снега нет, погода пока средняя для тебя, сухой холодный ветер, то гололедица, то оттепель. В Москве инфлюэнца и тиф. Потерпи еще. Наладится погода, пойдем с тобой в Эрмитаж и будем есть стерлядь и пить вино².

Конст[антину] Серг[еевичу], как режиссеру, надо дать в «Вишневом саду» больше воли. Во первых, он уже больше года ничего не ставил, и, стало быть, у него накопилось много и энергии режиссерской и фантазии, во вторых, он великолепно тебя понимает, в третьих, — далеко ушел от своих причуд.

«Морозовщина» за кулисами портит нервы, но надо терпеть. Во всяком театре кто-нибудь должен портить нервы. В казенных — чиновники, министр, здесь — Морозов. Последнего легче обезвредить. Самолюбие иногда больно страдает, но я больше люблю себя, когда сдавливаю свое самолюбие, чем когда даю ему волю и скандалю. К счастью, удовлетворение не заставляет ждать себя. Успех есть, — работать приятно, — чего ж еще?!

Когда я устаю от театральных впечатлений, я на ночь читаю твои сочинения, выпускаемые «Нивой»³... Недавно прочел в первый раз «Душечку»⁴. Какая прекрасная штука! «Душечка» — это не тип, а целый «вид». Все женщины делятся на «душечек» и какой то другой вид, причем первые — 95%, а вторых только 5. Прекрасная вещь. Отчего я о ней не слыхал раньше? И не знаю, где она была напечатана.

Ты думаешь что-нибудь работать теперь?⁵ Вероятно, для январской книги «Русской Мысли»? Или устал после «Вишневого сада»?⁵

Ну, до свиданья. В 12^{1/2} у меня урок. В 2 часа другой урок. В 3 репетиция двух сценок из «Одиноких». В 4 заседание Правления. В то же время надо прослушать задки «Одиноких» и принять человек 10 никому ненужных людей. Вот тебе мое утро.

В школе ставлю 1-й акт «Иванова».

Вот это перл! Лучше всего, кажется, что тобой написано.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

145.

1903 ноября [9] Воскресенье.

Милый Антон Павлович!

Свершилось. Роли розданы. Последняя баллотировка привела, наконец, к окончательному результату благодаря тому, что я присоединился к авторскому распределению.¹ Морозов дуется, но и бог с ним! Подуется — подуется и перестанет.

Вчера же (третьего дня сыграли «Одиноких») приступили к пьесе. Понимается она довольно легко. И правду сказать и мы (режиссеры) и актеры выросли. И выросли в хорошую сторону, в сторону чуткости к простоте и поэзии. Говорили о ролях, — успели только разобрать Раневскую, Аню и Варю. Конст[антин] Серг[еевич] с Симовым сдали две планировки для первого действия и показали их нам всем на выбор. После маленького моего спора с ними остановились на одной из планировок с некоторыми переделками. Задача пьесы была для них трудная. Надо было им дать окна перед зрителем, чтобы вишневый сад лез в комнаты. Затем три двери, причем комната Ани должна чувствоваться. Здесь же и какой-нибудь характер детской, не говоря уж о характере старого большого дома.

Кажется, задача выполнена.

Выписываю кое-какую мебель из деревни.

С большой приятностью прошло возобновление «Одиноких». Качалов еще не тверд и волнуется², мало сравнительно имел репетиций, но уже сам по себе дает совершенно иную окраску всей пьесе. Теперь она — почти идеальна для замысла Гауптмана. Лужский оч[ень] хорош³. Рецензенты в большинстве нашли, что он уступает Санину, но этого не нахожу. Он серьезнее, глубже Санина.

В общем тоне мы идем все вперед. Вырабатывается тот талантливый, культурный полутон, который дороже всяких ярких криков, шумов, излишней горячности, аффектации... Теперь «Одинокие» — одна из самых (если не самая) культурных постановок.

Спектакль имел очень большой успех.

До свиданья. Буду писать часто.

Твой Вл. Немирович-Данченко.

146.

Телеграмма.

1903 ноября 16.

Ялта Чехову Москвы

Веселовский просит прочесть в публичном заседании Словесности¹ 22 ноября один акт твоей пьесы. Читать просит меня. Отвечай, разрешаешь ли² и если да, то какой акт?

Немирович-Данченко.

147.

1904 январь.

Милый Антон Павлович!

По поручению Конст[антина] Серг[еевича] посылаю тебе прилагаемое. Завтра в час репетиция.

Я сегодня в 12 час. уезжаю в П[етер]бург. До 11-ти — в театре.
Твой Вл. Немирович-Данченко.

148.

1904 январь [до 17]

Милый Антон Павлович!

Первый акт прошел сегодня блестяще, без сучка — без задоринки.

Второй еще требует: 1, декорации, которая будет ставиться специально 17-го утром, 2, освещения — тогда же, 3, звука — тогда же и 4, купюры в начале², которая будет сделана завтра утром.

Третий. Вторая половина прошла прекрасно. Леонидов имел огромный, всеобщий успех и эта сложная фигура Лопухина чрезвычайно оценена. Ольга Леонардовна играла отлично. Первая же половина чуть затянута выходами, что будет устранено завтра утром.

Четвертый — великолепен теперь!

Не к чему придраться.

Вот!

Твой Вл. Немирович-Данченко.

Я совершенно покоен.

149.

1904 января [17 Премьера].

Спектакль идет чудесно¹. Сейчас, после 2-го акта вызывали тебя. Пришлось объявить, что тебя нет.

Актеры просят, не приедешь ли к 3-му антракту хотя теперь уж и не будут, вероятно, звать. Но им хочется тебя видеть².

Твой Вл. Немирович-Данченко.

150.

Телеграмма.

1904 апреля 2.

Ялта Чехову Петербурга

С тех пор как занимаюсь театром, не помню, чтобы публика так реагировала¹ на малейшую подробность драмы жанра психологии, как сегодня². Общий тон исполнения великолепен по спокойствию, отчетливости, талантливости. Успех в смысле всеобщего восхищения огромный и больше, чем на какой-нибудь из твоих пьес. Что в этом успехе отнесут автору, что театру, — не разберу еще. Очень звали автора. Общее настроение за кулисами покойное, счастливое и было бы полным, если бы не волнующие всех события на Востоке³. Обнимаю тебя.

Немирович-Данченко.

151.

Телеграмма.

1904 апреля 3.

Ялта Чехову Петербурга

Блестящую статью дал Амфитеатров¹. Не менее восторженную, но бедную по мысли дали «Новости». Остальные мало интересны, но успех и пьесы и исполнителей единодушно. Второе представление успех как и первое. Ольга Леонардовна на высоте первой актрисы труппы. Поздравляю во всех отношениях

Немирович-Данченко.

152.

Телеграмма.

1904 апреля 9.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

Вчера сыграли «Дядю Ваню» с большим подъемом духа и истинным наслаждением. Несмотря на трудность полутонров в огромном театре¹, успех был полный и превосходный. Первом действии очаровательная новая декорация Симова. Весь вечер испытывали истинно художественную радость.

Немирович-Данченко.

Е. Н. Коншина

Примечания к письмам
Вл. И. Немировича-Данченко
к А. П. Чехову

История «Чайки» в творчестве Чехова слишком известна, и я позволю себе напомнить только основные моменты ее. После сценической неудачи в 1889 году «Лешего» Чехов решил отойти от театра. Вл. И. Немирович-Данченко вместе с А. И. Сумбатовым-Южиным долго убеждали его снова взяться за создание пьесы. Уступая им и собственному тяготению внести новые жизненные формы в застывшую рутину театральной литературы, Чехов написал летом 1896 года «Чайку». Принятая в ближайший сезон к постановке в Александринском театре в бенефис комической актрисы Левкеевой, пьеса «провалилась». Присутствовавший на премьере автор никогда не мог забыть пережитого им чувства стыда и унижения.

Из публикуемых 152 писем 125 относятся к периоду Художественного театра, к последним шести годам жизни Чехова, и 27 к предшествующему десятилетию.

152 письма — довольно большое количество, но оно не исчерпывает всей переписки Вл. И. Немировича-Данченко с Чеховым. Чехов хранил очень тщательно письма своих корреспондентов, но все-таки достаточно беглого прочтения этих писем, чтобы убедиться, как многих здесь не хватает.

Еще хуже обстоит дело с письмами А. П. Чехова в архиве Вл. И. Немировича-Данченко, хранящемся при музее МХАТ, — их только 27. Из них опубликовано в издании «Писем А. П. Чехова», подготовленном сестрой писателя М. П. Чеховой, 19. (Москва, Книгоиздательство писателей, 1912—1916, тт. I—VI).

Публикуемые письма Вл. И. Немировича-Данченко хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. Вл. И. Ленина. Они поступили туда вместе со всем архивом писателя. Огромное большинство их публикуется впервые. Только №№ 28, 29, 31, 36, 41, 43 были опубликованы самим Вл. И. Немировичем-Данченко в его книге «Из прошлого» (Academia, 1936 г.) и №№ 29—31, 33—35, 37—38, 41—44 вошли в извлечения во вступительную статью профессора С. Д. Балухатого к изданию режиссерской партитуры К. С. Станиславского «Чайка».

При публикации наибольшую трудность представляла точная датировка писем. Как это ни странно, Вл. И. Немирович-Данченко, упрекавший как-то Чехова в том, что тот в письмах не указывает своего адреса, в огромном большинстве случаев не датирует своих писем или ограничивается «дамской» датировкой: «среда», «суббота». Задача датировки была облегчена манерой Чехова помечать год и месяц получения. Иногда этим и приходилось ограничиваться, но, к счастью, в письмах Вл. И. Немировича-Данченко большею частью имеются упоминания каких-нибудь фактов, даты которых могли быть установлены путем различных разысканий, и применительно к ним датировались письма. Датировка Вл. И. Немировича-Данченко днями, в сочетании с проставленными Чеховым месяцами и годом позволяла часто уточнить дату при помощи вечного календаря. Но осталось несколько случаев, когда письмо получило 4 числа, т. е. числа, которые приходились в данном году и месяце на указанный автором день недели.

Примечания к письмам по необходимости кратки. Упоминаемые в тексте писем имена артистов Художественного театра не имеют (так же как и в других разделах настоящего «Ежегодника») примечаний, поскольку все сведения об их деятельности имеются в книгах «Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах», М., 1938 и 1945 гг. Ряд имен и фактов, упоминаемых эпизодически, остался невыясненным. В примечаниях всегда указывается связь с соответственными письмами Чехова, — имеются они или не сохранились, опубликованы или нет и, в таком случае, где находятся.

ПОЯСНЕНИЕ ПРИЕМОВ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ПРИ ПУБЛИКАЦИИ ПИСЕМ Вл. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО и К. С. СТАНИСЛАВСКОГО к А. П. ЧЕХОВУ

Текст писем печатается по новой орфографии с весьма незначительными пропусками.

Пунктуация соблюдается авторская, за исключением нескольких случаев явной ошибочности. Не соблюдена также особенность К. С. Станиславского, ставившего в конце фраз знак тире вместо точки.

Тире сохранено только в обоснованных случаях.

Абзацы сохранены согласно подлинникам.

Даты писем вынесены к началу текста и даны унифицированно, в такой последовательности: год, месяц, число. День и место написания даются только в тех случаях, если они указаны в подлиннике.

Даты или отдельные части их, установленные редакторами, заключены в квадратные скобки. Обоснования подобной датировки приведены в комментариях.

Кроме авторской даты на подлинниках очень часто имеются даты получения, проставленные А. П. Чеховым. Если письмо датировано только на основании этой даты, она не заключается в квадратные скобки, но обязательно оговорена в примечаниях.

В квадратные скобки заключены также все текстовые добавления — дописанные части неоконченных автором слов, имен, пояснений и т. п.

В угловые скобки заключены вычеркнутые авторами слова.

При библиографических ссылках допущены упрощения часто упоминаемых изданий:

1. Письма А. П. Чехова под ред. М. П. Чеховой М. Кн-во писателей 1912—1916.

Письма, т., стр.

2. Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер т. I—II под ред. А. Б. Дермана М. Кооп. изд-во «Мир» 1934—1936.

Переписка, т., стр.

3. Вл. И. Немирович-Данченко «Из прошлого» 1936.

«Из прошлого», стр.

4. «Чайка» в постановке Московского Художественного театра. Режиссерская партитура К. С. Станиславского. М.—Л. «Искусство» 1938.

«Чайка», режиссерская партитура, стр.

5. Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах 1898—1938. Изд. МХТ. М. 1938.

МХТ. 1898—1938, стр.

Письмо 1.

Датируется на основании формы обращения: «Добрейший». В 1889 г. Вл. И. Немирович-Данченко уже называет А. П. Чехова «милый», «дорогой». Настоящее письмо, очевидно, является ответом на недошедшее до нас, вероятно, письменное извинение Чехова в чем-то. Более точных сведений установить не удалось.

Письмо 2.

Датируется по почтовому штемпелю. Написано на секретке с инициалом «Н».

1. «Написали еще пьеску «Лебединая песня» — под первой пьесой подразумевается водевиль А. П. Чехова «Медведь» (впервые опубликован в «Новом времени» 1888 г. № 4491).

«Лебединая песня» («Калхас») — драматический этюд в одном действии, переделан Чеховым из одноименного рассказа, напечатанного в «Петербургской газете» 1886 г. № 309.

Пьеса была исполнена впервые 19 февраля 1888 г. у Корша и вышла в литографированном издании Рассохина в том же году.

2. «в театре» — Московском Малом театре, где В. И. Немирович-Данченко имел много дружеских связей, ставил много своих пьес.

3. «одобрена комитетом» — Театрально-литературным комитетом, учрежденным при казенных театрах для оценки драматических произведений, допускаемых на казенную сцену. В. И. Немирович-Данченко был членом Театрально-литературного комитета в Москве с 1891 по 1899 г. Из произведений Чехова комитет безусловно одобрял только водевили, другие же пьесы его не встречали единодушного признания (см. прим. к письму 49).

4. Музиль Николай Игнатьевич (1841—1906) — артист Московского Малого театра с 1866 г. до своей смерти; бенефис его предстоял в 1888 г.

5. «Режиссер» — Кондратьев Алексей Михайлович (1846—1913) — режиссер Московского Малого театра.

6. «д. Корнеева или Корнилова». — А. П. Чехов жил в доме Я. А. Корнеева. В. И. Немирович-Данченко не мог запомнить его адреса по причине, о которой говорит в письме 4.

Письмо 3.

Датируется по упоминанию пьесы «Севильский оболститель» (см. ниже примечание 5).

1. Общество драматических писателей [и оперных композиторов] было учреждено в 1874 году при участии А. Н. Островского для защиты авторских прав драматургов и композиторов. Ежегодно Общество выдавало Грибоедовскую премию за лучшую пьесу сезона. В 1896 г. эта премия была присуждена Вл. И. Немировичу-Данченко за драму «Цена жизни», хотя сам он настаивал на большем праве Чехова

получить премию за «Чайку». Чехов получил Грибоедовскую премию за «Три сестры» в 1901 г.

2. «Континенталь» — ресторан в Москве.

3. Сумбатов Александр Иванович (1857—1927), по сцене Южин, артист Московского Малого театра (с 1882 г. до своей смерти), драматург и режиссер, с 1922 г. директор Малого театра. 15 сентября 1922 г. получил звание Народного артиста. Он был другом В. И. Немировича-Данченко с детских лет до конца жизни.

4. «Севильский обольститель» — пьеса А. Н. Бежецкого-Маслова. Написана и прошла через Театрально-литературный комитет в 1887 г. Чехов не раз упоминал о ней в своей переписке 1888—1889 годов, так как он старался устроить ее постановку в театре Корша. Но постановка ее состоялась в Москве только в 1890 г. в Малом театре.

Письмо 4.

Год установлен по упоминанию постановки пьесы Чехова «Иванов» в Александринском театре в Петербурге.

1. «Похороны» — Юрьева Сергея Андреевича (1821—1888), председателя Общества любителей российской словесности, театрального критика, переводчика, редактора журнала «Русская мысль».

2. Савина Мария Гавриловна (1850—1915) — актриса Александринского театра с 1874 г. до своей смерти.

3. Федоров-Юрковский Федор Александрович (1842—1915) — режиссер Александринского театра.

4. «Иванов» — пьеса А. П. Чехова, написана в необыкновенно короткий срок осенью 1887 г. Первая постановка пьесы состоялась в театре Корша в том же сезоне 1887—88 г. 19 ноября в бенефис В. Н. Давыдова.

В сезон 1888—89 г. пьесу принял к постановке Петербургский Александринский театр, где главные роли исполнялись тем же В. Н. Давыдовым, М. Г. Савиной и П. А. Стрепетовой. Премьера состоялась 31 января 1889 г.

Для Александринского театра Чехов сильно переработал пьесу, почти переписал IV акт, он сам был недоволен своим произведением. В письме к А. Н. Плещееву он писал: «Всю неделю я возился над пьесой, строчил варианты, поправки, вставки, сделал новую Сашу (для Савиной), изменил IV акт до неузнаваемости; отшлифовал самого Иванова и так замучился, до такой степени возненавидел свою пьесу, что готов кончить ее словами Кина: «Палками Иванова, палками». — «Чтобы написать для театра хорошую пьесу нужно иметь особый талант, написать же плохую пьесу и потом стараться сделать из нее хорошую, — для этого нужно иметь талант гораздо больший. Это так же трудно, как купить старые солдатские штаны и стараться во что бы то ни стало сделать из них фрак» (Письма А. П. Чехова, т. II, стр. 302).

5. «Дай бог, чтоб Вы ошиблись, называя исправленную пьесу прощенным мошенником» — парафраз поговорки, приводимой Чеховым в пьесе «Иванов»: «вор прощенный, конь леченый — одна цена» (Шабельский, действие I) по поводу исправлений Чеховым своей драмы (см. примечание 4).

6. «Светит, да не греет», драма Н. Я. Соловьева и А. Н. Островского, 1881 г.

7. «Любимое Вами здание в Богословском переулке» — Театр Ф. А. Корша.

8. «Я 2-го еду в П-бург за тем же, за чем и Вы поедете может быть 10-го» — т. е. на премьеру своей пьесы «Последняя воля», которая готовилась к постановке тоже в Александринском театре.

9. «Писатель Карнеев-Кириллов» — уточнить не удалось. На адресе письма 2-го В. И. Немирович-Данченко пишет не «Кириллов», а «Корнилов».

Письмо 5.

1. В. И. Немирович-Данченко получил от А. П. Чехова экземпляр «Иванова».

2. «Иванова» я не буду считать в числе Ваших лучших вещей» — интересно с этим сравнить отзыв В. И. Немировича-Данченко в письме 144 (1903 г.), где он говорит о I акте этой пьесы: «Вот это перл! лучше всего, кажется, что тобою написано». Он называл этот акт «одним из лучших чеховских ноктюрнов». Подводя

итог в своих воспоминаниях, он сознавался: «Очевидно, я недооценил тогда силы поэтического творчества Чехова» (стр. 11).

3. «На пути» — рассказ А. П. Чехова, напечатанный впервые в «Новом времени», 1886 г., № 3889 — святочный рассказ.

4. «Брульончики» — черновики, от французского слова «brouillon».

5. «И то и другое — брульончики, первоначальные наброски прекрасных вещей»; — это мнение В. И. Немировича-Данченко в сущности совпадает с мнением самого Чехова. Его отзыв об «Иванове» приводился выше, а по поводу рассказа «На пути» он писал Суворину: «Если взглянете на рассказ, то поймете потуги, с какими он писан» (21/XII 1886. Письма, т. I, стр. 288) и Н. А. Лейкину: «Три недели я выжимал из себя святочный рассказ для «Нового времени», пять раз начинал, столько же раз зачеркивал, плевал, рвал, метал, бранился и кончил тем, что опоздал и послал Суворину плохую тянучку» (24/XII 1886, Письма, т. I, стр. 289).

Письмо 6.

Датируется по помете А. П. Чехова о дне получения — «9/III 28».

Начиная с этого письма, большинство писем, получаемых Чеховым от В. И. Немировича-Данченко, имеет на себе пометку даты получения, проставленную рукою Чехова.

Письмо написано на секретке, почтового штемпеля и марки не имеет.

1. Упомянутая телеграмма не сохранилась в архиве В. И. Немировича-Данченко.

2. «Поздравляю с выбором в члены комитета Петербургским собранием» — Чехов был избран в марте 1889 года в члены комитета Общества драматических писателей в Петербурге, в апреле он был избран в Москве. В книге «Из прошлого» В. И. Немирович-Данченко вспоминает об этом времени, как о периоде борьбы за новый состав правления Общества драматических писателей, которое мало-по-малу превратилось в чиновничье управление. В новое правление намечались В. И. Немирович-Данченко, А. И. Сумбатов-Южин и А. П. Чехов. Предварительные совещания происходили обычно у В. И. Немировича-Данченко.

Письмо 7.

Датируется по упоминанию о предстоящем собрании у В. И. Немировича-Данченко. Вероятно, это одно из собраний членов Общества драматических писателей, о котором говорилось выше (см. примечание 2 к письму 6).

Письмо 8.

Датируется по помете А. П. Чехова о получении письма: «89, 6/XI».

1. «Леший» — пьеса А. П. Чехова, написанная им в 1889 г. Театрально-литературный комитет забраковал ее для постановки в казенных театрах, и она шла в частном московском театре Абрамовой, но не имела успеха. Премьера состоялась 27 декабря. Впоследствии пьеса была переделана автором и напечатана в сборнике его пьес под заглавием «Дядя Ваня».

2. «Ленский прав» — Ленский Александр Павлович (1847—1908), актер и режиссер Московского Малого театра, друг В. И. Немировича-Данченко и А. П. Чехова. Ознакомившись с пьесой «Леший» по просьбе самого автора, он рекомендовал ему прекратить драматургическую деятельность: «Вы слишком презрительно относитесь к сцене и драматической форме, слишком мало уважаете их, чтобы писать драму» («Записки Отдела рукописей» Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина, вып. 8, стр. 63).

Письмо 9.

Датируется по помете А. П. Чехова о дне получения письма: «89, XI 29».

1. Начало письма является ответом на письмо А. П. Чехова, не сохранившееся в архиве В. И. Немировича-Данченко.

2. Абрамова М. М. — антрепренерша и актриса, в течение сезона 1889—90 г., имевшая свой театр в Москве. Впрочем, с 6 декабря 1889 г. театр, сохранив свое

наименование «Театр М. М. Абрамовой», перешел в руки товарищества артистов с Н. П. Киселевским и В. В. Чарским во главе.

3. Соловцов Николай Николаевич (1856—1902) — актер и антрепренер. См. в настоящем «Ежегоднике» — «Воспоминания» Л. М. Леонидова и примечания к ним.

4. «Новости дня» — московская газета, издававшаяся А. Я. Липскеровым с 1883 года.

5. «Пьеса Ладыженского» — «Ларский», драма в 5 действиях, премьера, откладывавшаяся несколько раз, состоялась в четверг, 7 декабря 1889 года.

6. Чарский Василий Владимирович (ум. 1910 г.) — первоначально провинциальный артист, в Москве артист театра М. Абрамовой, позднее был в Александринском театре.

Письмо 10.

Письмо адресовано на Сахалин, куда А. П. Чехов ездил в 1890 г. Подробности причин, сборов и самой поездки лучше всего освещаются личными письмами писателя, опубликованными в III томе его писем (изд. М. П. Чеховой, Москва, 1913 г.). Поездка заняла 7½ месяцев (с 19 апреля по 9 декабря), пребывание на самом острове Сахалине 3 месяца — с половины июля до половины октября.

Результатом поездки было создание А. П. Чеховым большого научно-публицистического труда «Остров Сахалин», печатавшегося первоначально в «Русской мысли», затем вышедшего отдельным изданием. В архиве А. П. Чехова, хранящемся в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, имеется очень большая черновая рукопись этого произведения с многочисленными вариантами и дополнениями по сравнению с печатным текстом, а также материалы по подготовке ее, — около 10.000 карточек анкет, заполненных А. П. Чеховым на основании устного опроса ссыльно-каторжного населения острова. Подробное описание этих материалов дано в «Записках Отдела рукописей», вып. 8, стр. 98—102.

1. «Я с женой в деревне» — в Екатеринославской губ. у жены В. И. Немировича-Данченко, уржд. Корф, была небольшая усадьба.

2. «Хмурые люди» — сборник рассказов А. П. Чехова, изданный в 1890 г.

3. «В Париже арестовано 15 русских террористов». — В мае 1890 г. в Париже были произведены аресты среди русских эмигрантов после взрыва бомбы в лесу Ренуа. Группа арестованных во главе с польским революционером А. И. Дембским обвинялась в изготовлении разрывных снарядов. Подробности см. «Био-библ. словарь деятелей революционного движения в России», т. III, вып. 2, стр. 117.

4. Петербургская тюремная выставка — была открыта 3 июня 1890 г., в связи с происходившим в Петербурге международным тюремным конгрессом, в котором принимали участие 25 государств.

5. «Северный вестник» издается Глинским — ежемесячный литературно-научный журнал, издававшийся с 1885 года до 1897 г. До 1889 года издательницей была А. В. Сабашникова, редактором А. М. Евреинова. В журнале принимал большое участие А. Н. Плещеев, привлечший туда А. П. Чехова, и ряд других писателей. Здесь печатались первые большие повести А. П. Чехова: «Степь», «Именины», «Огни», пьеса «Иванов». В 1889 г. журнал переживал очень большие затруднения, в 1890 году его издателем сделался Б. Б. Глинский, редактором продолжала оставаться А. М. Евреинова. С 1891 г. издание перешло к Л. Я. Гуревич.

6. Евреинова Анна Михайловна — первая женщина, удостоенная ученой степени доктора прав, писательница, редактор журнала «Северный вестник»; см. прим. 5.

7. «Эрмитаж» — в Москве существовал театр и сад «Эрмитаж» и кроме того первоклассный ресторан с таким же названием. Впоследствии в помещении театра «Эрмитаж» начал свою деятельность Московский Художественный театр и занимал его до сезона 1902 года. Здание театра «Эрмитаж» существует и ныне.

8. Пешков — сотник Д. Н. Пешков, произведший сенсацию своим проездом верхом на одной лошади из Благовещенска на Амуре в Москву и Петербург. До своего отъезда на Сахалин Чехов писал о нем в апреле А. С. Суворину: «Был у меня сегодня известный Вам Гиляровский. Он едет встречать сотника Пешкова и хочет Вам писать об его лошади» (Письма, т. III, стр. 51).

9. «Катя» — Екатерина Николаевна Немирович-Данченко (1858—1938), жена В. И. Немировича-Данченко.

10. «И на Сахалине можно жить?» — ответом на этот вопрос можно считать рассказ А. П. Чехова «В ссылке», где вокруг фразы «И в Сибири люди живут»

рисуются Чеховым три персонажа с различным отношением к своему ссыльному положению, к окружающей жизни. Чехов не высказывается прямо, на чьей он стороне. Но все творчество его и вся его жизнь красноречиво протестуют против утверждения Семена Толкового, что не нужно ничего хотеть, и тогда будешь спокоен. Вместе с косноязычным молодым татаринком он не хочет принять этот мертвый покой души Семена. «Барин хорошо, а ты худо... Барин живой, а ты дохлый». «Бог создал человека, чтобы живой был, чтобы и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь — ничего, значит, ты не живой, а камень, глина. Камню надо ничего, и тебе ничего...» (А. П. Чехов, Сочинения, изд. А. Ф. Маркса, т. V, стр. 221).

Письмо 11.

Датируется по упоминанию о повести Чехова «Дуэль» и его фельетоне в «Новом времени» с подписью «Кисляев», а также по пребыванию А. П. Чехова в Петербурге с конца 1891 г. (с 26 декабря) по начало 1892 г. (до 10 января).

1. «Дуэль» — повесть А. П. Чехова, печаталась фельетонами в «Новом времени», 1891 г. №№ 5621—5657. В тот же год вышла в издании Суворина отдельной книгой, которая, вероятно, и была послана В. И. Немировичу-Данченко.

2. Сопроводительное письмо Чехова при посылке «Дуэли», так же как и визитная карточка не сохранились в архиве В. И. Немировича-Данченко.

3. «Что Вы будете делать в Петербурге». На этот раз Чехов ездил в Петербург со специальной целью: оформить доверенность на имя А. И. Смагина, который был занят принятием хутора на Украине для покупки Чехову. Покупка не состоялась.

4. Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — издатель одной из наиболее реакционных газет «Новое время», писатель-беллетрист, драматург и критик. Вследствие своего бесспорного литературного таланта, он в своей литературной деятельности являлся одним из вреднейших деятелей русской реакции конца XIX и начала XX века. Чехов дружил с ним в течение нескольких лет, ценя в нем ум и литературную страстность. Но мало-помалу он стал отдаляться от Суворина. Поводом к окончательному расхождению Чехова с Сувориным было дело Дрейфуса и отношение к выступлению Зола по этому вопросу. Юдофобская позиция «Нового времени» решительно оттолкнула Чехова от Суворина.

Живая переписка их, тянувшаяся с конца 1886 по 1897 г., стала замирать и почти прекратилась. Письма Чехова к Суворину опубликованы в II—V томах издания М. П. Чеховой, письма же Суворина к Чехову не сохранились. После смерти А. П. Чехова Суворин просил вернуть ему его письма, что и было сделано родными писателя.

5. «Московские фельетоны» — раздел в газете «Новое время», — печатавшиеся раз в неделю с общим заголовком «Московские заметки».

6. Курепин Александр Дмитриевич (1847—1891 г.) — журналист, сотрудник газеты «Новое время», журнала «Будильник» и «Русских ведомостей».

7. «Кисляев» — псевдоним А. П. Чехова. Так был подписан фельетон «В Москве», помещенный в «Новом времени» 1891 г., № 5667 (7 декабря).

8. «Акакий Московский» — псевдоним А. С. Суворина в «Московских фельетонах».

9. Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель. Первый из старшего поколения писателей, который обратил внимание на творчество А. П. Чехова и прислал ему письмо, сыгравшее немалую роль в развитии самосознания А. П. Чехова. Письмо опубликовано в II сборнике «Слово» (М., 1914 г., стр. 199).

10. Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, петрашевец. Дружил с А. П. Чеховым.

11. Гнедич Петр Петрович (1855—1925) — беллетрист и драматург, редактор «Ежегодника императорских театров».

12. Очень характерна для Чехова последняя фраза этого письма Немировича-Данченко. Предельно сдержанный и скромный человек, Чехов недоверчиво относился ко всем проявлениям симпатии своих собеседников и приятелей и не раз вызывал со стороны темпераментного В. И. Немировича-Данченко восклицания возмущения по этому поводу.

Письмо 12.

Датируется по помете А. П. Чехова «92, II».

Письмо 13.

Письмо адресовано в Мелихово (см. примечание 4).

1. «Наконец-то» — относится к получению письма от А. П. Чехова, не сохранившегося, однако, в архиве В. И. Немировича-Данченко.

2. «Вы боретесь с холерой» — А. П. Чехов состоял участковым санитарным врачом Серпуховского земства в течение холерной эпидемии 1892 и 1893 годов.

3. «проскочили и в Петербург и обратно» — А. П. Чехов ездил в Петербург из-за болезни А. С. Суворина и пробыл там около недели с 1 по 6—10 ноября (см. Письма, т. V, стр. 146—147).

4. «в деревне» — в имении Мелихово, Моск. губ., Серпуховского уезда. После долгих поисков Чехов приобрел себе это небольшое имение почти заглазно в начале 1892 г. и перебрался туда в начале марта того же года. Семья Чеховых прожила здесь до 1899 г. После смерти отца писателя — П. Е. Чехова — имение опустело, так как А. П. Чехов уже был «приговорен» жить в Ялте, сестра его — Мария Павловна Чехова — большую часть времени проводила в Москве, и матери Е. Я. Чеховой было томительно и одиноко продолжать жить в деревне. Мелихово продали. Е. Я. Чехова перебралась в Ялту, где А. П. Чехов уже купил себе участок земли и отстроил дом.

В настоящее время в мелиховской усадьбе организован мемориальный музей А. П. Чехова.

5. «быть таким «инвизиблем» — шутливая руссификация французского слова «invisible» — невидимка.

6. Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1920) — беллетрист, драматург и литературовед. Был руководителем театра Горевой в Москве в сезон 1889—90 г.

7. Иванюков Иван Иванович (1844—1912) — писатель, экономист.

8. Тихонравов Николай Саввич (1832—1893) — филолог, профессор Московского университета.

9. Веселовский Алексей Николаевич (1843—1918) — историк литературы, профессор Московских Высших женских курсов. С 1901 по 1904 г. председатель Общества любителей российской словесности.

10. Стороженко Николай Ильич (1836—1906) — историк всеобщей литературы, профессор Московского университета.

11. Иванов Иван Иванович — литературный и театральный критик и историк литературы.

12. «О «Теркине» — «Василий Теркин» — роман П. Д. Боборыкина (1892).

13. Сергеенко Петр Алексеевич (1854—1930) — писатель, был близок с Л. Н. Толстым, автор нескольких книг о нем, земляк А. П. Чехова по Таганрогу. В письме от 5 января 1893 г. он тоже пишет об «обществе XII», перечисляя несколько иных членов его: Киселева, Коровина, Танеева, Боборыкина и не называя Поленова («Записки Отдела рукописей», вып. 8, стр. 60).

14. Маковский Владимир Егорович (1844—1920) — один из трех братьев художников.

15. Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927) — художник.

16. Прянишников Илларион Михайлович — художник.

17. Корсов Богомир Богомирович (1845—1920) — певец-баритон, артист сначала Петербургской оперы, потом Московского Большого театра.

18. Садовский Михаил Провыч (1847—1910) — артист Московского Малого театра с 1870 г. до своей смерти.

19. Речь идет о высказанном А. П. Чеховым мнении, что провинциальные газеты, перепечатывая материалы из столичных, должны спрашивать автора и издателя о согласии. В письме к Л. Я. Гуревич от 10/III 1892 г. он жаловался, что в провинции не имеют представления об авторских правах, вследствие чего «Орловский вестник» сделал бестактность по отношению к «Северному вестнику» (Письма, т. IV, стр. 37).

Письмо 14.

Датируется по помете А. П. Чехова «92, XII» и по упоминанию рассказа «Палата № 6» (см. примечание 3). Число установлено по сопоставлению с письмами 15 и 16.

1. «А вот Вам и доказательство» — см. примечание 12 к письму 11.
2. «У меня заседание Театрально-литературного комитета» — см. примечание 3 к письму 2.
3. «Палата № 6» — рассказ А. П. Чехова, напечатанный впервые в журнале «Русская мысль», 1892, кн. XI.

Письмо 15.

Датируется по помете А. П. Чехова «92, XII». Число устанавливается на основании содержания: письмо написано до вторника 8 декабря, в нем упоминаются предшествующие четверг и суббота, т. е. 3 и 5 декабря, и так как Вл. И. предупреждает о приезде в четверг 3-го, то должен был писать не позже 1-го декабря или даже в последних числах ноября.

1. См. письмо 14.
2. «Общество XII» — см. примечания 13—18 к письму 13.
3. «Кружок референтов» — см. примечания к письму 13.
4. «Московская газета» — издавалась А. и В. Вишняковыми под редакцией А. П. Григорова с 1893 г.

Письмо 16.

Датируется по фразе «завтра 13-е» и по связи с предыдущими письмами 14 и 15.

1. «Мария Шотландская» — [«Мария Стюарт»] — пьеса Бьернстерне-Бьернсона, известного норвежского писателя (1832—1910). В. И. Немирович-Данченко ошибочно называет его датским и путя ломает его фамилию.

2. «...важный класс в Филармонии» — с 1891 по 1900 г. В. И. Немирович-Данченко был профессором в драматическом училище при Московском Филармоническом обществе. Здесь впервые он ввел свои новые приемы режиссуры, по-новому воспитывал актерскую молодежь и из состава своих учеников выбрал ту группу, которая вошла в 1898 г. в первый состав Московского Художественного театра (см. примечание 3 к письму 37).

3. «Сумбатов все играет в театре и в клубе» — т. е. на сцене Малого театра и в карты в Литературно-художественном кружке, одним из создателей которого он был и который посещал очень часто.

4. «Палата № 6 имеет успех огромный» — А. И. Ульянова-Елизарова приводит в своих воспоминаниях слова В. И. Ленина о впечатлении, произведенном на него этим рассказом Чехова: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6» (цитируется по «Запискам Отдела рукописей», вып. 8, стр. 75).

Письмо 17.

1. В. И. Немирович-Данченко сообщал о своем предстоящем визите в имение А. П. Чехова — Мелихово.

2. Мария Павловна Чехова — сестра писателя, в те годы педагог, ныне директор основанного ею мемориального «Дома-музея А. П. Чехова» в Ялте, благополучно сохраненного ею. После смерти А. П. Чехова она всю жизнь посвятила хранению его мемориальных вещей, собиранию его литературных материалов, а также его писем и изданию их («Письма А. П. Чехова под ред. М. П. Чеховой», 6 томов. Книгоиздательство писателей, М., 1912—1916).

На торжественном заседании по поводу 30-летия Дома-музея (10 мая 1934 г.) В. И. Немирович-Данченко так характеризовал деятельность М. П. и ее отношение к брату: «Я не могу вспомнить ни одного куска жизни Антона Павловича, ни одной встречи, кроме разве Ниццы, где бы не было около Марии Павловны... Ее любовь сквозила везде, все время, с этой любовью, совершенно незаметной на первый взгляд, она проводила брата до могилы и затем продолжала свое дело в память его, по той единственной линии, по которой единственно возможно довести до потомства все дорогие черты, характерные для А. П. ... Вся жизнь М. П., вся, вся была отдана созданию его Дома-музея».

Письмо 18.

Датируется по помете А. П. Чехова «94, IV» и по пасхалии: первый день пасхи в 1894 году приходился на 17 апреля.

Письмо 19.

Датируется по почтовому штемпелю. Письмо на секретке. На письме имеется также помета Чехова «94, IV».

1. «На Фоминой» — название «фоминной недели» носит неделя, следующая за ласхальной. В 1894 г. она приходилась на 24—30 апреля.

Письмо 20.

1. «для сборника»: «Почин» — сборник, издававшийся Обществом любителей российской словесности в 1895 и 1896 годах. Стороженко и Веселовский, состоявшие в президиуме общества, хлопотали о собирании материалов. В сборник 1895 г. Чехов дал рассказ «Супруга».

Письмо 21.

Датируется по помете А. П. Чехова «95» и по упоминанию статьи Говорухи-Отрока.

1. «Слезы» — сборник рассказов В. И. Немировича-Данченко; упоминаемое письмо не сохранилось в его архиве.

2. «за книгу» — сборник А. П. Чехова «Рассказы», издание А. С. Суворина, 1895 г.

3. «В усадьбе» — рассказ А. П. Чехова, впервые напечатанный в газете «Русские ведомости», 1894 года, № 237.

4. «Супруга» — см. примечание 1 к письму 20.

5. «Говоруха» — Отрок, Юрий Николаевич (р. в 1850-х годах — умер в 1906 г.) — критик реакционного направления, сотрудник газет «Южный край» и «Московские ведомости», писавший под псевдонимом: «Ю. Николаев». Его статья о рассказе Чехова «Супруга» помещена в «Московских ведомостях» 1895 г. № 114 (27 апреля).

Письмо 22.

Датируется по помете А. П. Чехова «95, V» и по сопоставлению содержания писем 21 и 22: «пробудем в Москве до 10—15 мая», «Завтра уезжаем на юг: «пятница» и по вечному календарю.

1. «спасибо за листовку» — настойку, подаренную Немировичу-Данченко Чеховыми в Мелихове.

Письмо 23.

Датируется по помете А. П. Чехова «95, X», по новому адресу В. И. Немировича-Данченко, который был у него только с осени 1895 года, и по вечному календарю.

1. В этом письме речь идет о рассказе Чехова для второго сборника «Почин» (см. примечание к письму 20); в 1896 г. Чехов рассказа не дал.

2. «На Садовой» — в доме Корнеева Чехов жил с осени 1888 г. до весны 1890 г., здесь впервые В. И. Немирович-Данченко стал бывать у него.

Письмо 24.

Датируется по помете А. П. Чехова «95, XI», по фразам: «В пятницу уезжаем... Вернемся 24-го» и по вечному календарю; в ноябре 1895 г. пятницы приходились на 3, 10, 17, 24.

1. «Касса взаимопомощи ученых и литераторов» — возникла в 1891 г. при «Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым» или в утешении при «Литературном фонде», по инициативе Т. К. Градовского, который был председателем кассы взаимопомощи в течение первых лет.

Письмо 25.

1. Упоминаемое письмо Чехова не сохранилось в архиве В. И. Немировича-Данченко.

2. «о пьесе» — «Цена жизни», драма В. И. Немировича-Данченко, написанная в 1896 г. и исполненная в том же году в Александринском театре в Петербурге с очень большим успехом. Автор подробно останавливается на этом моменте своей литературно-театральной деятельности в книге «Из прошлого», проводя параллель между судьбами «Цены жизни» и «Чайки» Чехова.

3. «Чайка». — После постановки «Чайки» в Александринском театре (17 октября 1896 г.) А. П. Чехов писал В. И. Немировичу-Данченко: «Да, моя «Чайка» имела в Петербурге в первом представлении громадный успех. Театр дышал злобой, воздух сперся от ненависти и я — по законам физики — вылетел из Петербурга, как бомба» (1896 г. 20/XI).

4. Карпов Евтихий Павлович (ум. 1923 г.) — режиссер Александринского театра.

5. В ответном письме В. И. Немировичу-Данченко от 20 ноября 1896 г. Чехов писал: «Твою нарастающую антипатию к Петербургу я понимаю, но все же в нем много хорошего» (Письма, т. IV, стр. 506).

6. На вопрос о настроении Чехов отвечал: «Здоровье мое ничего себе, настроение тоже, но беспокоюсь, что настроение скоро будет опять скверное: Лавров и Гольцев настояли на том, чтобы «Чайка» печаталась в «Русской мысли», и теперь начнет хлестать меня литературная критика» (Письма, т. IV, стр. 506).

Письмо 26.

Датируется по помете А. П. Чехова «96, XI», по сопоставлению с письмами А. П. Чехова, предшествующими ему, от 20 ноября и ответным на него от 26 ноября и по вечному календарю, применительно к указанному дню «пятница».

1. Отвечая на предыдущее письмо, Чехов писал по поводу провала «Чайки»: «Во всем этом виноваты ты и Сумбатов, так как это вы подбили меня писать пьесу» (Письма, т. IV, стр. 505).

2. «Чайка» опубликована впервые в «Русской мысли» 1896 г., кн. XII.

3. Это место письма В. И. Немировича-Данченко является предвестием тех нововведений в театральном искусстве, которые он осуществлял сначала в своих занятиях в драматической школе при Филармоническом обществе, а позднее в Художественном театре.

4. Гольцев Виктор Александрович (1850—1906) — писатель, публицист, редактор журнала «Русская мысль», профессор-юрист, приятель А. П. Чехова.

5. Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — критик, публицист «народнического» направления.

6. «бенефис Ленского» — в Московском Малом театре.

Письмо 27.

Датируется по помете А. П. Чехова: «97, V», число по фразе: «уезжаем 7-го».

1. Вероятно, за письмо от А. П. Чехова и за присланный им только что вышедший его сборник «Пьесы».

2. 20-го марта А. П. Чехов, собираясь ехать в Петербург, внезапно заболел в Москве сильным кровохарканьем. Первую помощь ему оказал его давнишний приятель — врач Н. Н. Оболонский, затем Чехов был помещен в Остроумовскую клинику, где провел около двух недель. Этот приступ был первым серьезным проявлением легочного туберкулеза, через 7 лет сведшего его в могилу. В более слабой степени кровохарканье наблюдалось у Чехова еще с 1885 года, но он не придавал ему значения, утверждая, что у него нет совокупности болезненных признаков, типичных для чахотки.

3. «Цена жизни».

4. Перевод: «Делайте то, что я говорю, но не делайте того, что я делаю».

5. Рассказ А. П. Чехова «Мужики» был напечатан в журнале «Русская мысль», 1897 г., кн. IV.

Письмо 28.

Письмо опубликовано полностью в книге В. И. Немировича-Данченко «Из прошлого», стр. 145—147.

1. «Я поплыл в театральное дело» — начало создания Московского Художественно-Общедоступного театра.

2. «Царь Федор Иоаннович» — средняя часть трилогии А. К. Толстого. Этим спектаклем открылся Художественный театр 14 октября 1898 г. В следующем сезоне 29 сент. 1889 г. была поставлена первая часть трилогии: «Смерть Иоанна Грозного».

3. «Шейлок» («Венецианский купец») поставлен в Художественном театре в 1898 г. — премьера 21 октября, «Юлий Цезарь» поставлен в 1903 г. — премьера 2 октября.

4. «Ганнеле» — пьеса Г. Гауптмана.

5. «Общество искусства и литературы» — организовано в Москве в 1888 году К. С. Станиславским, А. Ф. Федотовым и художником Ф. Л. Сологубом. Деятельность общества подробно описана К. С. Станиславским в книге «Моя жизнь в искусстве» и в его дневниках 1877—1892 гг.: «Художественные записи». Изд. «Искусство», М., 1939 г.

6. Шпажинский Ипполит Васильевич (1844—1917) — драматург.

7. Невежин Павел Михайлович — драматург.

8. «императорского» — Московского Малого театра.

Письмо 29.

Датируется по помете А. П. Чехова: «98, V».

1. «С половины июня будем репетировать» — репетиции начались с 16 июня 1898 г. в подмосковной дачной местности «Пушкино» (по Ярославской, ныне Северной жел. дор.). Первым репетировался «Царь Федор». Работа над «Чайкой» началась только в августе.

2. В ответ на предложение В. И. Немировича-Данченко приехать до репетиций в Мелихово и поговорить о постановке, Чехов писал: «...ловлю тебя на слове... Так вот приезжай, пожалуйста... За удовольствие повидаться с тобой и потолковать я готов отдать тебе все мои пьесы» (Письма, т. V, стр. 193).

3. «Conférence» — в данном случае — вступительная беседа.

4. «Антигона» — трагедия Софокла.

5. Бомарше — из комедий Бомарше в Художественном театре поставлена только «Свадьба Фигаро» впервые в 1927 г. — премьера 27 апреля.

6. Гольдони — в репертуаре Художественного театра была его комедия «Хозяйка гостиницы» («Трактирщица»), поставленная трижды, с разными исполнительницами главной роли: О. Л. Книппер (2 дек. 1898 г.), О. В. Гзовской (3 марта 1914 г.) и К. Н. Еланской (25 апр. 1933 г.). Во время гастрольной поездки МХАТ в Америку (1922—24 гг.) роль Мирандолины исполняла О. И. Пыжова.

7. «Уриэль» — «Уриэль Акоста» — трагедия Гуцкова была поставлена К. С. Станиславским в Обществе искусства и литературы (9 янв. 1895 г.). В Художественном театре не шла.

Письмо 30.

Датируется по помете А. П. Чехова «98, V», число по сопоставлению первой фразы с предыдущим письмом.

1. Упоминаемое письмо не сохранилось.

2. «На сцене Товарищества для учреждения Общедоступного театра» — так называлась первоначальная группа лиц, давшая нужную сумму для открытия Художественного театра.

Письмо 31.

Датируется по помете А. П. Чехова «98, V».

1. Письмо А. П. Чехова опубликовано в т. V, стр. 193.

2. «Я к тебе непременно приеду» — см. примечание 2 к письму 29.

3. «Таратаек я не боюсь...» и след. — ответ на слова в письме Чехова от 16/V: «Тебе придется взять ямщика за целковый и потом, после езды на тарантасе по нашей дороге, дня три поглаживать себе низ спины» (Письма, т. V, стр. 193).

Письмо 32.

Год установлен по помете А. П. Чехова «98».

1. Роман «Пекло» закончен В. И. Немировичем-Данченко в 1898 г. Это было его последнее повествовательное произведение. После публикации в «Одесских новостях» вышло отдельным изданием, в том же году.

2. «Одесские новости» — газета либерального направления, издававшаяся в 1883 г. М. Г. Тульчинским и А. И. Черепанниковым. В 1890 годах редактором ее был А. Старков

3. «Русская мысль» — ежемесячный литературный журнал. Издателем его был В. М. Лавров, редактором В. А. Гольцев.

Письмо 33.

Датируется по помете А. П. Чехова «98, VIII», число по фразе «сегодня 5-го...».

1. Пушкино — см. примечание 1 к письму 29.

2. «погостить у него» — (Алексеева-Станиславского) — в имении Любимовка близ ст. Тарасовка Сев. жел. дор. Чехов воспользовался приглашением Станиславского несколько лет спустя, в 1902 г., см. примечание 1 к письму 114.

Письмо 34.

Датируется по помете А. П. Чехова «98, VIII» и по сопоставлению упоминаемых чисел с вечным календарем.

1. «Охотничий клуб» — занимал большое здание на углу б. Воздвиженки и Шереметьевского пер. (ныне ул. Коминтерна и Грановского). При клубе был театр. Здесь до 1898 г. шли спектакли Общества искусства и литературы. Здесь, действительно, и состоялась первая встреча А. П. Чехова с артистами нового театра. О ней рассказывает О. Л. Книппер-Чехова в своей статье, помещенной в 1 томе ее «Переписки» с А. П. Чеховым (стр. 27) и, цитируя ее, дополняет подробностями В. И. Немирович-Данченко в книге «Из прошлого» (стр. 172—174).

2. «Федора» — «Царя Федора Иоанновича».

3. Мизансцена — планировка.

4. Ежов Николай Михайлович (1852—1920) — беллетрист, критик, сотрудник «Нового времени». В начале своей литературной деятельности он был многим обязан Чехову, после же смерти Чехова появились его клеветнические статьи об умершем писателе («Исторический вестник», 1909 г., кн. 8 и 11) и возбудили справедливое возмущение и возражения со стороны лиц, знавших Чехова и взаимоотношения его с Ежовым.

Письмо 35.

Год установлен по помете А. П. Чехова «98».

1. «Нет обязательства твоего на Москву» — о предоставлении пьесы в распоряжение казенных театров.

2. В своей книге «Из прошлого» В. И. Немирович-Данченко рассказывает этот эпизод (стр. 155).

3. Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — судебный деятель. Большую известность получили 4 тома его сочинений «На жизненном пути». В письме к А. П. Чехову от 7/XI 1896 г., после провала «Чайки» в Александринском театре, А. П. Кони восторженно отзывался о пьесе (Письмо хранится в Гос. литературном архиве.)

4. «много говорил о «Чайке» — о первом представлении в Александринском театре.

Письмо 36.

Год установлен по помете А. П. Чехова «98». Опубликовано в книге «Из прошлого» (стр. 167—168).

1. «Дядя Ваня» — пьеса А. П. Чехова, переделанная из «Лешего» в период 1891—97 гг. В письмах нигде нет указаний о производимой работе, и пьеса появилась сразу в сборнике «Пьесы», изданном в 1897 г. В Художественном театре была поставлена в сезон 1899—1900 года. Премьера состоялась 26 октября. С тех пор почти не сходила со сцены до 1920-х годов.

Письмо 37.

Датируется по помете А. П. Чехова «98, IX», число устанавливается на основании воспоминаний О. Л. Книппер-Чеховой, которая говорит о первой встрече артистов с писателем 9 сентября 1898 года (Переписка, т. I, стр. 27).

1. Перечислены все исполнители пьесы Александринского театра в 1896 г.: Давыдов Владимир Николаевич (1849—1925) — Сорин. Сазонов Николай Федорович (1843—1902) — Тригорин. Варламов Константин Александрович (1848—1915) — Шамраев. Комиссаржевская Вера Федоровна (1864—1910) — Нина Заречная. Дюжикова Антонина Михайловна — Аркадина. Аполлоиский Роман Борисович (1865—1928) — Треплев.
2. При окончательном распределении ролей К. С. Станиславский исполнял роль Тригорина, роль Дорна с большим успехом играл А. Л. Вишневский.
3. «только 8 человек (из 70)» — О. Л. Книшпер, Н. Н. Литовцева, [...], И. М. Москвин, Е. П. Муратова, М. Л. Роксанова, М. Г. Савицкая, Е. М. Мунт.
4. «6 человек» — (Из Общества искусства и литературы) в действительности больше: К. С. Алексеев-Станиславский, М. П. Алексеева-Лилина, М. Ф. Желябужская-Андреева, А. Р. Артем, В. В. Лужский, Е. М. Раевская, М. А. Самарова, А. А. Санин, Г. С. Бурджалов, Н. Г. Александров.
5. Дузе Элеонора (1859—1924) — знаменитая итальянская драматическая актриса.
6. Незлобин Константин Николаевич — антрепрениер, первоначально провинциальный, позднее, с 1909 по 1918 гг., имевший театр в Москве.
7. «Даровитый провинциальный актер» — Дарский Михаил Егорович.
8. Училище — драматическое, при Московском Филармоническом обществе, В. И. Немирович-Данченко чаще называет его «школой».

Письмо 38.

- Год установлен по помете А. П. Чехова «98».
1. Упомянутое письмо не сохранилось в архиве В. И. Немировича-Данченко.
 2. Изменение ролей в «Чайке» состояло в передаче роли Тригорина — Станиславскому, Дорна — Вишневскому, Шамраева — Артему, Маши — Лилиной.
 3. «Суворин, как ты и предсказывал, оказался... Сувориным... махнул подлую заметку» — по поводу этой заметки А. П. Чехов писал 8 октября А. С. Суворину: «Я прочел в «Новом времени» заметку насчет театра Немировича и Станиславского и насчет «Федора Иоанновича» и не понял ее психологии. Вам там так нравилось и Вас так сердечно принимали, что поводом к подобной заметке могло послужить какое-нибудь крупное недоразумение, о котором я ничего не знаю. Что произошло?» (Письма, т. V, стр. 229).
 4. «О любви», «Крыжовник» — рассказы А. П. Чехова, опубликованные в «Русской мысли», 1899 г., кн. VIII.
 5. «Книжка с «Ионичем» — рассказом А. П. Чехова, опубликованным в «Ежемесячных приложениях» к журналу «Нива» за 1898 г., кн. 9.

39

Телеграмма.

1. Смерть отца писателя — Павла Егоровича Чехова.

Письмо 40.

Письмо на бланке Товарищества для учреждения в Москве Общедоступного театра.

1. Упомянутое письмо от 25 октября в ответ на сочувственную телеграмму опубликовано — Письма, т. V, стр. 239—241.
2. Газетные заметки, вызвавшие такое резкое определение В. И. Немировича-Данченко, в самом деле заслуживают его. Это — нападки на мелочи нововведений молодого театра: темноту перед открытием занавеса, раздвижение занавеса (или как газета пишет «полога»), а не традиционный подъем его, черная одежда капельдинеров, некоторые длинноты при перемене картин, настоящие старинные вещи и потому некоторая археологичность в «Царе Федоре» и т. п.
3. Мелихово было продано через год после смерти П. Е. Чехова (см. примечание 4 к письму 12).

Письмо 41.

Телеграмма после первого спектакля «Чайки», подана в 0 ч. 50 мин. ночи с 17 на 18 декабря.

1. Артем Александр Родионович — исполнял роль Шамраева в «Чайке».
2. Тихомиров Иоасаф Александрович — исполнял роль Медведенко.
3. Фессинг Александр Леонидович — по сцене Загаров — исполнял роль повара в «Чайке».
4. Николаева Мария Петровна (1869—1941) — артистка Художественного театра, исполняла роль горничной в «Чайке».

Письмо 42.

Телеграмма подана в 11 час. 10 мин. утра.

1. 18-го декабря в газетах были помещены только краткие заметки о прошедшем спектакле. Большинство их в виде газетных вырезок имеются в Музее МХАТ.

Письмо 43.

Датируется по помете А. П. Чехова «98, XII». Дни — по фразе письма: «начал письмо в пятницу и до понедельника не мог урвать», числа — по вечному календарю, на основании фразы: «23-го удеру». Письмо на бланке Художественно-общедоступного театра.

1. «интерсценированы» — так в оригинале.
2. Алексей Толстой — Алексей Константинович Толстой (1817—1875).

Письмо 46.

Датируется по помете А. П. Чехова «99, II»; число — по упоминанию об 11-м спектакле «Чайки», который шел 4 февраля.

1. отмена целого спектакля — отмена 2-го и 3-го спектаклей «Чайки» была вызвана болезнью О. Л. Кинппер.
2. Шаврова-Юст Елена Михайловна — писательница и одна из интересных корреспонденток А. П. Чехова. В своем письме она сообщала: «идет «Чайка» еще глаже и лучше, чем во второе представление». Цитата из ее письма приводится в издании режиссерской партитуры «Чайки», стр. 62.

Письмо 48.

Датируется по помете А. П. Чехова «99, IV».

1. Художественный театр хотел поставить «Чайку» на сцене «Охотничьего клуба» специально для А. П. Чехова.
2. «Театр Парадиз» или «Никитский театр» — так назывался театр, находящийся на углу ул. Герцена и Собиновского переулка (бывш. Больш. Никитской и Малого Кисловского пер.), теперь «Московский театр драмы». Здесь и состоялся показ Чехову спектакля «Чайка». 15-го мая он сообщал об этом П. Ф. Иорданову: «В Москве для меня играли мою «Чайку» в Художественном театре. Постановка изумительная» (Письма, т. V, стр. 390).

Письмо 49.

Датируется по помете А. П. Чехова «99, V».

1. Кондратьев Алексей Михайлович (см. письмо 2). Извещение, вероятно, касалось передачи А. П. Чеховым права распоряжения его пьесой «Дядя Ваня» Художественному театру.

В «Чеховском сборнике», изданном «Обществом А. П. Чехова и его эпохи», опубликовано письмо А. П. Чехова к А. М. Кондратьеву от 20 февраля 1899 г. противоположного содержания, т. е. с предоставлением пьесы Малому театру. Но так как постановление Театрально-литературного комитета гласило: «Признать пьесу достойной к постановке при условии изменений и вторичного представления в Комитет», то Малый театр не поставил ее, и автор передал ее Художественному театру.

2. Пьеса Стриндберга — «Графиня Юлия». — Внимание А. П. Чехова было обращено на эту пьесу переводчицей Е. М. Шавровой-Юст (см. примечание 2 к письму 46). Пьеса не вошла в репертуар Художественного театра.

Стриндберг Август (1840—1912) — датский писатель.

3. Гославский Евгений Петрович — писатель-драматург. В Художественном театре его пьеса не пошла.

4. Речь идет о приезде Чехова в Москву из Мелихова, так как из Ялты он приехал в середине апреля и жил то в усадьбе, то в Москве, где шли репетиции «Дяди Вани».

Письмо 50.

Эта записка является не письмом, а вопросником, для уяснения отдельных мест «Дяди Вани».

Датируется на основании пометы А. П. Чехова «99, V».

1. Относительно «Рассвело» — уточнить не удалось.

Письмо 51.

Год установлен по помете А. П. Чехова «99».

1. «успел задумать пьесу» — «В мечтах» — закончена, однако, эта пьеса была только в конце 1901 г., премьера в Художественном театре состоялась 21 декабря 1901 года.

2. «Теперь занят пьесой иного рода» — переделкой своей повести «Губернаторская ревизия» (1895) в драму — осталась незаконченной.

3. Это место письма от слов: «Алексееву можешь писать» и до «он [А. Ф. Маркс] должен будет платить» является ответом на письмо А. П. Чехова, от 16 июня 1899 г., где он сообщает, что Маркс был рад предложению издавать пьесы с мизансценами, нужно только изобрести форму этого издания. Чехов просил написать об этом и Станиславскому и привлечь его к обдумыванию подобного издания (Письма, т. V, стр. 402—403).

4. Чеховым — матери Евгении Яковлевне и братьям Ивану и Михаилу Павловичам.

5. Павловский Иван Яковлевич, псевдоним «И. Яковлев» — корреспондент «Нового времени», уроженец Таганрога.

Письмо 52.

Датируется на основании пометы А. П. Чехова «99, VII».

1. Письмо А. П. Чехова, ответное на предыдущее № 51, не сохранилось в архиве В. И. Немировича-Данченко.

Письмо 54.

Датируется по упоминанию возобновления «Чайки» 1 октября и невозможности подготовить «Дядю Ваню» к 14 октября. Письмо на бланке Художественно-общедоступного театра.

1. «Грозный» — «Смерть Иоанна Грозного» — первая трагедия из трилогии А. К. Толстого.

2. Симов Виктор Андреевич (1858—1935) — художник-декоратор Художественного театра. Работал с К. С. Станиславским еще до возникновения Художественного театра и вошел в театр с самого его основания. В приветствии В. А. Симову в день пятидесятилетия его деятельности (20 февр. 1933 г.) К. С. Станиславский характеризовал его, как «создателя новой эры в области художественного оформления, родоначальника нового типа сценических художников-режиссеров...» В приветственном письме юбиляру Вл. И. Немирович-Данченко писал: «Симов — это целая полоса Художественного театра — широкая, яркая, почвенная, в истории Художественного театра неизгладимая».

Часть «Воспоминаний В. А. Симова» напечатана в «Ежегоднике МХТ за 1943 г.»

3. гатоі — расслабленный.

4. «Налим» — один из ранних рассказов А. П. Чехова.

5. «Дочь Альбиона» — рассказ А. П. Чехова 1883 г.

6. «Разговор на большой дороге» — рассказ и сценка А. П. Чехова 1884 г.

7. Вечер миниатюр А. П. Чехова был осуществлен в 1904/1905 годах. Шли инсценировки рассказов «Злоумышленник», «Хирургия» и «Унтер Пришибеев», режиссура К. С. Станиславского, — премьера состоялась 21 декабря 1904 г.

Письмо 55.

Датируется по помете А. П. Чехова «99, X», число — по вечному календарю с уточнением по фразам письма: «20-го играли»... «Во вторник (26) играем»...

1. Упомянутые письма не сохранились в архиве В. И. Немировича-Данченко.
2. Геннерт Иван Иванович — заведующий бутафорской частью Художественного театра с 1898 по 1905 год.
3. Алексеева-Лилина, исполнявшая роль Сони.
4. Эта фраза письма является откликом на разъяснение Чехова, данное им в письме к О. Л. Книппер от 30 сентября 1899 г., в ответ на ее замечание о последней сцене Астрова с Еленой Андреевной в письме от 26 сентября (см. Переписку А. П. Чехова с О. Л. Книппер-Чеховой, т. 1, стр. 82 и 87).
5. Исполняли роли: Артем — Телегина («Вафля»), Самарова — няни, Раевская — Марии Васильевны Войницкой.
6. «сам дядя Ваня» — А. Л. Вишиевский.

Письмо 56.

Датируется по помете А. П. Чехова «99, X», число и день по содержанию — писано на следующий день после премьеры «Дяди Вани», состоявшейся во вторник 26 октября 1899 г.

1. В своем письме к А. П. Чехову от 27/X 1899 г. О. Л. Книппер выясняет причины этих неровностей игры: «Дело, по-моему, вот в чем: меня заставили позабыть мой образ Елены, который режиссерам показался скучным, но который я целиком не играла... Я долго боролась и до конца не соглашалась. На генеральных я была покойна и потому играла, может быть, мягко и ровно. На спектакле же я адски волновалась, прямо трусила, чего со мной еще не случалось, и потому было трудно играть навязанный образ» (Переписка, т. 1, стр. 98).

57.

Телеграмма.

1. Второе представление — «Дяди Вани».

Письмо 58.

Год установлен по помете А. П. Чехова «99». На это письмо есть опубликованный ответ А. П. Чехова от 24 ноября 1899 г. (Письма, т. V, стр. 454—456).

1. В архиве Чехова имеется только телеграмма 57.
2. «Одинокие» — Г. Гауптмана. Премьера состоялась 16 декабря 1899 г.
3. «Ваня» — «Дядя Ваня».
4. «Эдда Габлер» — Г. Ибсена. Премьера состоялась 19 февраля 1899 г.
5. «Пьеса Гославского» — название невыяснено, не была поставлена в Художественном театре.
6. «О другом театре» — о другом помещении — здании — для Художественного театра.
7. На этот отрывок со слов «иногда находит апатия» Чехов ответил: «В твоём письме звучит какая-то едва слышная дребезжащая нота, как в старом колоколе — это там, где ты пишешь о театре, о том, как тебя утомили мелочи театральной жизни. Ой, не утомляйся, не охлаждавай. Художественный театр — это лучшие страницы той книги, которая будет когда-либо написана о современном русском театре. Этот театр — твоя гордость и это единственный театр, который я люблю, хотя ни разу еще в нем не был. Если бы я жил в Москве, то постарался бы войти к Вам в администрацию хотя бы в качестве сторожа, чтобы помочь хоть немножко, и, если можно, помешать тебе охладеть к сему милому учреждению» (Письма, т. I, стр. 455—456).
8. На это Чехов ответил: «пьесы не пишу. У меня есть сюжет «Три сестры», но прежде чем не кончу тех повестей, которые давно у меня на совести, за пьесу не сяду» (там же, стр. 455).
9. Толстой Алексей Константинович.
10. Чехов отвечал: «Конечно, я здесь скучаю отчаянно» (там же).

Телеграмма.

1. По этой просьбе А. П. Чехов написал, очевидно, в Александринский театр (письмо не дошло до нас) и 3 декабря сообщал В. И. Немировичу-Данченко: «пришел ответ от Карпова. Он соглашается на то, чтобы отложить постановку «Д[яди] В[ани]» до будущего года (или вернее сезона)» (Письма, т. V, стр. 462). Продолжение переписки о постановке «Дяди Вани» в Александринском театре см. ниже в письме 67 и примечаниях к нему.

2. Поездка Художественного театра в Петербург в сезон 1899—1900 г. не состоялась. Театр поехал туда впервые весной 1901 года.

Письмо 60.

Датируется на основании пометы А. П. Чехова о получении письма «99, XII» и его ответа на это письмо от 3 декабря (Письма, т. V, стр. 462—464). Ближайшее воскресенье к 3/XII было 28 ноября.

1. В. И. Немирович-Данченко этим письмом отвечает на чеховское от 24 ноября (Письма, т. V, стр. 454—456).

2. Письмо О. Л. Кинппер опубликовано в т. I «Переписки», стр. 98—100.

3. «Театр и искусство» — воскресенье 31/X, статья «Из Москвы», подпись «Старик».

4. «Семья Обломовых» — «Русские ведомости» № 298 от 28/X и № 325 от 24/XI.

5. Шенберг Александр Акимович, по сцене Санин — актер и режиссер Художественного театра с 1898 по 1902 и с 1917 по 1919 г.

6. «Московские ведомости» — № 301 от 1/XI — Статья «Художественно-общедоступный театр: «Дядя Ваня», подпись «С. Васильев», псевдоним Флерова Сергея Васильевича (1841—1901).

7. «Новости» — петербургская газета № 306 от 6/XI, статья «Из Москвы — Очерки и снимки», подпись «Н. Рок» (Рокшанин).

8. «Курьер» — № 299 от 29/X статья: «Дядя Ваня». Сцены из деревенской жизни. «Художественно-общедоступный театр», подпись: «— ин» (Фейгин).

9. «Русская мысль» — кн. XI — «Письма о современном искусстве» подпись «— ин» (Фейгин).

10. Среди писем Н. И. Стороженко к В. И. Немировичу-Данченко, хранящихся в его архиве, это письмо отсутствует.

11. Кугель Александр Рафаилович (1863—1928) — известный публицист и театральный критик, писавший под псевдонимом «Ното Novus». В своих статьях резко высказывался по поводу направления Художественного театра.

12. Веселовская Александра Адольфовна (1840—1910) — жена Ал. Н. Веселовского, переводчица.

13. «Великий князь с великой княгиней» — Романовы — московский ген.-губернатор Сергей Александрович с женой Елизаветой Федоровной.

14. Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Синода, крайний реакционер.

15. «Геншель» — «Извозчик Геншель» — пьеса Г. Гауптмана, премьера в Художественном театре состоялась 5 октября 1899 года.

16. «12-я ночь» — комедия Шекспира, премьера состоялась 3 октября 1899 г.

17. Желябужская Мария Федоровна, по сцене Андреева — была артисткой Художественного театра с 1898 по 1906 г., затем работала в других театрах. Видная общественная деятельница. В настоящее время директор Дома ученых в Москве.

18. См. примечание 7 к письму 58.

19. Перевод (с латинского): «Я сделал все, что мог».

61 — 62.

Телеграммы.

В этих телеграммах речь идет об изыскании способов показать А. П. Чехову спектакли Художественного театра в Москве после окончания театрального сезона. Вместо этого театр ездил весной в Севастополь и Ялту.

Письмо 63.

Датируется по помете А. П. Чехова «900, II». Письмо на бланке «Художественно-общедоступного театра».

1. Расчеты по выплате Чехову авторского гонорара.

2. Морозов Савва Тимофеевич (1862—1905) — крупный фабрикант. Поверив в театральное начинание В. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского, он пришел им на помощь своим капиталом.

3. В. И. Немирович-Данченко в это время был полон мыслей о задуманной им еще в предшествующем году пьесе (см. письмо 51) «В мечтах», в первых вариантах носившей название «Красота» и «Кантата».

Небольшое количество черновых рукописей пьесы сохранилось в архиве В. И. Немировича-Данченко в Музее МХТ.

4. Из приводимого плана осуществилась только поездка театра в Севастополь и Ялту, состоявшаяся, однако, не в мае, а на пасхальной неделе. Сам В. И. Немирович-Данченко для устройства гастролей приезжал в Крым раньше.

5. «Снегурочка» — А. Н. Островского, премьера состоялась 24 сентября 1900 г.

6. «Посадник» — неоконченная пьеса А. К. Толстого, постановка не осуществилась.

7. «Доктор Штокман» — Г. Ибсена, премьера состоялась 24 октября 1901 г.

8. Пьесой А. П. Чехова были «Три сестры», премьера состоялась 31 января 1901 г.

9. Пьесы В. И. Немировича-Данченко и Гославского не были поставлены в сезон 1900/1901 года.

10. «еще одна» — кроме перечисленных пьес была еще поставлена пьеса Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», — премьера состоялась 28 ноября 1900 г.

11. «Колокол» — «Потонувший колокол» — Г. Гауптмана был поставлен в Художественном театре. Премьера состоялась 19 октября 1898 г.

12. «Сердце не камень» — А. Н. Островского.

13. «На юбилей был» — вероятно, Вукола Михайловича Лаврова (1852—1912), справлявшего двадцатилетие своей литературной деятельности.

14. «Травиата» — опера Д. Верди.

15. Л. Н. Толстой был на спектакле «Дядя Ваня» 24 января 1900 года.

Письмо 64.

Датируется по помете А. П. Чехова «1900, II».

1. Постановка пьесы «Иванов» в Художественном театре состоялась только после смерти Чехова. Премьера была 19 октября 1904 года.

2. Кондратьев Иван Максимович — чиновник, служивший в канцелярии Московского ген.-губернатора.

3. Кроме «Чайки» и «Дяди Вани» Художественный театр возил в Крым спектакли «Одинокое» и «Гедда Габлер».

65.

Телеграмма.

1. Билеты на все объявленные первоначально спектакли были раскуплены в один день, несмотря на повышенные цены (А. П. Чехов. Письма, т. VI, стр. 65).

Письмо 66.

Год установлен по помете А. П. Чехова «1900». Письмо на бланке Художественно-общедоступного театра.

1. Все приводимые имена вымышленные, «примерные».

Письмо 67.

Датируется по помете А. П. Чехова «1900, IV». Число и день установлены по фразе письма: «Во вторник, т. е. после-завтра» и по вечному календарю.

1. В ответ на сообщение А. П. Чехова о своем отказе Е. П. Карпову, режиссеру Александринского театра, которому он писал 20 апреля 1900 г.: «Я говорил с В. И. Немировичем-Данченко о «Дяде Ване», и он уверяет меня, что эта пьеса была отдана ему мною больше двух лет назад не для одной Москвы, а вообще» (Чеховский сборник. Об-во А. П. Чехова и его эпохи. М., 1929, стр. 71); на ту же тему о постановке «Дяди Вани» он писал раньше, 10 марта, В. И. Немировичу-Данченко, сообщая об отказе Гореву, артисту Московского Малого театра,

в постановке «Дяди Вани» в его бенефис, и о невозможности ставить эту пьесу на казенной сцене в течение ближайших сезонов, так как она принадлежит Художественному театру.

2. Панаевский театр — один из больших театров по количеству мест, находился на Адмиралтейской набережной.

3. Каубиш — владелец гостиницы «Россия» в Ялте.

4. Вербное воскресенье — воскресенье, предшествующее пасхальному, в 1900 году приходилось на 2-е апреля.

Письмо 68.

Датируется по помете А. П. Чехова «1900, VI».

1. Упомянутая записка А. П. Чехова не сохранилась.

2. Мамин — Мамин-Сибиряк Дм. Наркисович (1852—1912 гг.) — писатель. Какую пьесу должен был выслать он В. И. Немировичу-Данченко — не установлено.

69.

Телеграмма.

1. Вероятно, подразумевается телеграмма, посланная Чеховым на имя О. Л. Книппер от 28 сентября о том, что он приедет в октябре (Переписка, т. 1, стр. 200). Если же и была телеграмма самому В. И. Немировичу-Данченко, то она не сохранилась в его архиве.

2. «Три сестры». Чехов приехал в Москву только 23 октября с не совсем законченной пьесой и дорабатывал ее, уже живя в Москве.

Письмо 70.

Датируется по помете А. П. Чехова «1900, X», число устанавливается на основании его приезда в Москву 23 октября. Письмо на бланке Художественно-общедоступного театра.

Письмо 71.

Датируется по помете А. П. Чехова «1900»; день — по фразе «Завтра суббота», число и месяц — предположительно. Письмо на бланке Художественно-общедоступного театра.

1. «Заезжал в Дегтярный переулок» — на квартиру М. П. Чеховой, где жил А. П. Чехов в течение этого пребывания в Москве.

2. «Трех сестер» — А. П. Чехов исправлял и переписывал свою пьесу, живя в Москве, и передавал ее в театр по частям. III и IV акты были присланы им только из Ниццы.

3. «Дрезден» — меблированные комнаты на Тверской ул. (ныне ул. Горького). Для большего удобства при доработке пьесы Чехов занимал номер в «Дрездене», помимо комнаты, имевшейся для него в квартире М. П. Чеховой, где его одолевали посетители.

4. «Ведь завтра суббота» — вероятно, указание на последний день перед отъездом А. П. Чехова за границу. Чехов выехал из Москвы 10-го декабря в воскресенье.

72.

Телеграмма.

Датирована новым стилем. Для унификации даем и старый стиль. Перевод: «Ницца, Антону Чехову из Ментоны. Мои деньги высланы на твое имя. Приеду завтра утром Немирович-Данченко».

Эта телеграмма и две следующих корреспонденции относятся ко времени пребывания А. П. Чехова и В. И. Немировича-Данченко на юге Франции. Чехов был послан врачами в Ниццу на всю зиму для лечения. В. И. Немирович-Данченко уехал из Москвы в разгар сезона и подготовки спектакля «Три сестры», вызванный к своей больной туберкулезом умирающей сестре, жившей в Ментоне. Он прожил здесь только около трех недель и вернулся в Москву к 11 января 1901 г.

Письмо 73.

Датируется по помете А. П. Чехова «1900 декабря 27». Записка написана на бланке пансиона с его адресом: Pension Russe rue Gounod 9 Nice.

Письмо 74.

Датируется по помете А. П. Чехова «1901, I». День и число установлены по фразе письма: «завтра в среду» и по вечному календарю.

1. «route de la corniche» — «дорога карниза».

2. «Seul avant midi» — перевод: «один около полудня». Так было дано в телеграмме Чехова к Немировичу-Данченко, о которой он пишет О. Л. Книппер 2 января 1901 г. (Переписка, т. I, стр. 264). Телеграмма не сохранилась в архиве В. И. Немировича-Данченко.

3. Тюрби — местечко на южном берегу Франции в 18 км от Ниццы.

4. Funiculaire — фуникулер — горная подъемная железная дорога.

75.

Телеграмма.

Перевод: «Ницца, Антону Чехову Москвы. Лучшие искренние пожелания хорошего года, нового века.

Дирекция и артисты Художественного театра».

В архиве А. П. Чехова, тщательно подбиравшемся самим писателем по корреспондентам, она хранится среди писем В. И. Немировича-Данченко, но правильнее было бы ей находиться среди писем К. С. Станиславского, так как в собирательной подписи «Дирекция» В. И. Немирович-Данченко не мог участвовать. В то время он был еще во Франции и, как сказано, вернулся только 11 января ст. ст.

Письмо 76.

Датируется по помете А. П. Чехова: «1901, I» и по связи с телеграммой 77 от 22 января. В письме фраза: «сейчас пошлю тебе телеграмму о купюрах».

1. «Сестрах» — «Трех сестрах».

2. Алексеева Ольга Павловна, ур. Полянская — жена брата К. С. Станиславского, Б. С. Алексеева.

3. Судьбинин Серафим Николаевич — артист МХТ, впоследствии скульптор. Готовил роль Вершинина и исполнял ее, как дублер.

77.

Телеграмма.

Перевод: «Ницца Антону Чехову. Москвы. Написал большое письмо. Драма идет очень хорошо. Дайте разрешение сделать купюры в монологах трех сестер в конце пьесы».

78 и 79.

Телеграммы.

О премьере пьесы «Три сестры». Перевод 78 <Алжир. До востребования> Чехову Ялта (Крым). Европейская Россия. Москвы.

«Первый акт успех громадный. Вызовы энтузиазм десять раз. Второй акт показался длинным. Третий лучший в драме большой успех. После конца вызовы превратились в настоящую овацию. Публика потребовала телеграфировать тебе. Все артисты играли исключительно, особенно дамы. Привет от всего театра. Немирович-Данченко».

Перевод 79: «Неаполь. До востребования Антону Чехову. Москвы.

«Первый акт громадные вызовы, энтузиазм, 10 раз. Второй акт показался длинным. Третий большой успех. После окончания вызовы превратились в настоящую овацию. Публика потребовала телеграфировать тебе. Артисты играли исключительно хорошо, особенно дамы. Привет от всего театра. Немирович-Данченко».

Две почти идентичные телеграммы, посланные по разным адресам, объясняются тем, что А. П. Чехов сам колебался, не решив еще, куда он поедет — в Африку или в Италию. В. И. Немирович-Данченко в книге «Из прошлого» толкует эти два одновременно данные Чеховым адреса, как проявление его волнения перед премьерой «Трех сестер» и желание отодвинуть от себя минуту возможного известия о неудаче (стр. 218).

Чехов получил телеграмму неапольскую, алжирская была переслана в Ялту.

80.

Телеграмма.

№№ 80—93 являются корреспонденциями из первой петербургской гастрольной поездки театра.

1. «Невский, 11» — петербургский адрес самого В. И. Немировича-Данченко.

81.

Телеграмма.

Подана 20/II 12 ч. 50 м. пополуночи.

82.

Телеграмма.

Подана 20/II 1 ч. 40 м. пополудни.

1. «Новое время» — № 8975, от 21 февраля, статья Юр. Беляева: «Художественный театр», «Дядя Ваня» А. П. Чехова.
2. «Петербургская газета» — № 49 от 20 февраля статья «Ното Novus» (А. Р. Кугеля): «Спектакли Московского Художественно-общедоступного театра». «Дядя Ваня» и № 50 от 21 февраля, его же статья об «Одиноких».
3. «Новости» — № 51 от 21 февраля статья «Импрессиониста»: «Московские гастролеры».
4. «Россия» дала статью Old. Gentleman'a (А. В. Амфитеатрова) о «Дяде Ване» только 24 февраля. Непонятно, о какой статье говорит в этой телеграмме В. И. Немирович-Данченко.

85.

Телеграмма.

Подана 9 час. 50 м.

1. Вейнберг Петр Исаевич (1830—1908) — поэт и переводчик, председатель Литературного фонда. Отзывы Кони и Вейнберга, вероятно, были устные и не сохранились.

86.

Телеграмма.

Подана в 11 час. 20 м.

87.

Телеграмма.

1. «Петербургская газета» № 58 от 1 марта «Театральное эхо» и № 59 от 2 марта «Ното Novus»: «Три сестры».
2. «Биржевые ведомости» — № 58 от 1 марта; С[моленский]: «Три сестры» — заметка; № 59 от 2 марта: Смоленский — «Три сестры» — подробная рецензия.
3. «Новости» № 59 от 2 марта «Импрессионист»: «Московские гастролеры» — «Три сестры».

88.

Телеграмма.

1. «Новое время» № 8984 от 3 марта, Юр. Беляев: «Художественно-общедоступный театр» — «Три сестры».
2. «Кюба» — ресторан в Петербурге.
3. «Россия» — 1-го марта. Статья без подписи: «Сектанты», 3 марта, «Московский Художественно-общедоступный театр» (подпись: О. Л.).
4. «Четвертая неделя — перерыв» — в течение 1-й, 4-й и 7-й недель Великого поста (перед Пасхой) театры не функционировали.

Письмо 89.

Датируется по помете А. П. Чехова «1901, III». Письмо на бланке Художественно-общедоступного театра.

1. «на твой санаторий» — вероятно, подразумевается «Попечительство о приезжих больных», о которых всегда очень хлопотал А. П. Чехов. Весной 1900 г., во время гастролей театра в Ялте он просил, если они найдут возможным, играть в пользу этого попечительства, а никак не санатория, находившегося под попечительством кн. Барятинской: «У Барятинской много денег, ей помогают и правительство и аристократы, у Попечительства же пока нет ничего и никого, кроме меня и еще двух-трех человек» (Письма, т. VI, стр. 72), — писал он А. Л. Вишневному.

90.

Телеграмма.

1. «Союз писателей» — это был «Союз взаимопомощи русских писателей», организованный в 1891 году.

2. Подробности этого обеда были описаны А. П. Чехову в письме О. Л. Книппер от 5 марта 1901 года (Переписка, т. I, стр. 345—347).

3. Карабчевский Николай Платонович (1851—1925) — известный адвокат, выступавший и по политическим делам.

4. Калмыкова Александра Михайловна, урожденная Чернова — общественная деятельница в области народного образования.

5. Витмер Александр Николаевич (1839—1916) — военный профессор и писатель-драматург.

6. Богданович Ангел Иванович (1860—1907) — критик, редактор журнала «Мир божий».

7. Поссе Владимир Александрович (р. 1864) — журналист, редактор журнала «Жизнь».

8. Чюмина Ольга Николаевна (1862—1909) — поэтесса-переводчица, писавшая также под псевдонимом «Бой-Кот».

9. Галина (Эйперлинг) Глафира Адольфовна (род. в 1873 г.) — поэтесса.

10. Жданов (Гельман) Лев Григорьевич (род. в 1864 г.) — писатель.

11. Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — беллетрист и драматург.

91.

Телеграмма.

1. Крюковский Аркадий Федорович — чиновник Главного управления по делам печати.

2. Константин Константинович Романов, великий князь (1858—1915) — поэт, писавший под псевдонимом «К. Р.», президент Академии Наук.

3. Кист — владелец гостиницы в Севастополе, где обычно останавливался В. И. Немирович-Данченко.

Письмо 92.

Датируется по помете А. П. Чехова «1901, III», число — по вечному календарю и сопоставлению с предыдущей телеграммой.

Письмо 93.

Датируется по помете А. П. Чехова «1901, IV», число — по вечному календарю и сопоставлению с предыдущими сообщениями о пребывании В. И. Немировича-Данченко в Крыму.

1. Фельетон Ченко в «Новом времени» — № 8968 от 14 февраля. Театральная распря в Москве, Ченко (Одарченко).

2. Перцов Петр Петрович — литературный критик. В начале своей деятельности (1892—1893 гг.) сотрудник журнала «Русское Богатство», где и появилась его первая статья о Чехове. В 1901 г. Перцов уже порвал с «народническим» направлением Н. К. Михайловского и А. И. Иванчина-Писарева и всецело примкнул к символистам. См. его «Литературные воспоминания». Изд. Academia, 1933.

13* «Сатира или драма?» П. Перцов. «Новое время» 29 марта 1901. № 9010

Телеграмма.

Приветствие Чеховым А. П. и О. Л. после их свадьбы. Телеграмма послана с расчетом, чтобы она пришла к приезду Чеховых в Аксеново Уфимской губ., куда А. П. был направлен лечиться кумысом. Этим и объясняется такое усиленное пожелание здоровья.

Письмо 95.

Датируется по пребыванию А. П. Чехова на кумысе. Число устанавливается по фразе в письме: «Вчера 31-го».

1. Гриневский Федор Александрович — врач в Художественном театре.
2. Остроумов Алексей Александрович (1844—1908) — профессор, терапевт, лечивший А. П. Чехова в 1897 г. в своей клинике (см. примечание к письму 27).
3. Шуровский Владимир Андреевич (род. 1852 г.) — врач, впоследствии профессор, терапевт.
4. Художественный театр мечтал о постройке собственного здания, но в ближайший сезон 1901—1902 г. ничего еще не удалось осуществить. Только в 1902 г., сняв помещение театра в Газетном, или Камергерском переулке (ныне проезд Художественного театра), удалось перестроить здание, соответственно требованиям театра.

Письмо 96.

Год установлен по помете А. П. Чехова «1901».

1. Упоминаемое письмо Чехова от 6 июня не сохранилось в архиве Немировича-Данченко.
2. Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929) — беллетрист и драматург. В Художественном театре не ставилось ни одной его пьесы.
3. Какую пьесу написал Боборыкин для Художественного театра — не удалось установить.
4. Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906) — московский обер-полицеймейстер.
5. Чеховы обвенчались в присутствии только необходимых свидетелей. После венчания они заехали к матери О. Л. Книппер и затем прямо поехали на вокзал, отправляясь в Аксеново.
6. «Утка» — «Дикая утка» — Г. Ибсена. Премьера состоялась 19 сентября 1901 г.
7. «Крамер» — «Микаэль Крамер» — Г. Гауптмана, премьера состоялась 27 октября 1901 года.

Письмо 97.

Датируется по помете А. П. Чехова «1901, X».

Записка передана, вероятно, с посланным во время пребывания Чехова в Москве. Уточнить, о каких билетах идет речь, не удалось.

98.

Телеграмма.

Год и месяц не выставлены на бланке. Датируется по пребыванию А. П. Чехова в Москве осенью 1901 года.

1. В. И. Немирович-Данченко ездил к Горькому в Нижний-Новгород, чтобы ознакомиться с пьесой «Мещане». Горький был в это время под надзором полиции и не имел права въезда в столицу.
2. В подлиннике: «достигай».

Письмо 99.

Датируется по помете А. П. Чехова «1901, XII» и по фразе «Моя пьеса налаживается. Через неделю играем» (см. ниже примечание 4).

1. Сообщение о начале работы Чехова над новой пьесой было ошибочным.
2. «театр Омона (в Газетном)» — то самое здание, которое и до сих пор занимает МХАТ.

3. «архитектором» — Шехтель Федор (Франц) Осипович (1859—1926) — перестроил здание для Художественного театра, оформлял по своим эскизам зрительный зал и фойе. Ему же принадлежит тот рисунок чайки, который принят как эмблема-значок Художественного театра.

4. Премьера пьесы В. И. Немировича-Данченко состоялась 21 декабря 1901 г.

5. Баранов исполнял роль Тетерева в пьесе Горького «Мещане».

6. Тихомиров исполнял роль студента Шишкина в пьесе «Мещане».

7. Савинов — в состав артистов Художественного театра не вошел.

100.

Телеграмма.

О премьере пьесы «В мечтах».

Письмо 101.

Датируется по помете А. П. Чехова «1902, 1».

Письмо на бланке «Московский Художественный театр».

1. «часто вспоминал тебя» — так как год назад В. И. Немирович-Данченко и А. П. Чехов были в этот же период времени на юге Франции и встречались там.

2. «Petit Niçois» — газета, издававшаяся в Ницце.

3. Перевод: «Его величество Карнавал и т. д. и т. д.». В Ницце устраивались на масленице шумные уличные маскарадные процессии.

4. Перевод: «битва цветов».

5. О. Л. Книппер удалось съездить в Крым с 20 февраля по 2 марта. В Ялте она провела только 5—6 дней.

102.

Телеграмма.

1. «Радуюсь, что ты согласился» — стать пайщиком в создавшемся новом «Товариществе на-паях» Московского Художественного театра. 2-го февраля А. П. Чехов, дав свое согласие телеграммой на вступление в пайщики, отправил еще подробное письмо на имя С. Т. Морозова о размере возможного для него паевого взноса и условиях его выплаты (см. Письма, т. VI, стр. 196—197).

Письмо 103.

Датируется по помете А. П. Чехова «1902, II».

Число на основании фактического отъезда О. Л. Книппер в Крым (Переписка, том II, стр. 332).

1. «днем раньше» — т. е. 20 февраля (см. предшествующее письмо).

2. Письмо А. П. Чехова с таким утверждением не сохранилось в архиве В. И. Немировича-Данченко.

3. «сосыетеры» — члены учреждаемого товарищества Московского Художественного театра (от французского «société»).

4. Санин и несколько других артистов, не приглашенных стать пайщиками, действительно ушли в 1902 г. из Художественного театра.

5. Проект условия, о котором пишет В. И. Немирович-Данченко, опубликован в книге «Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах» (1893—1938). Изд. МХАТ. М. 1938, стр. 705—708.

Бероятно, экземпляры этого условия рассылались членам предполагаемого товарищества. Чехов знал их и сообщал О. Л. Книппер: «Немировичу я писал, что театр на-паях это хорошо, но устав их ни к чорту не годится: нужны не имена, а правила. иначе все полетит» (Переписка, т. II, стр. 318, от 10/II 1902 г.).

6. Текст § 17 таков: «Порядок и распределение занятий среди членов Правления и равно управление хозяйственной частью могут быть изменены только по постановлению собрания большинством голосов, но с неперменного согласия на сей предмет С. Т. Морозова. Если же С. Т. Морозов не найдет возможным изменить существующего порядка, то таковой должен оставаться в силе даже вопреки постановлению собрания» (МХАТ, 1893—1938, стр. 705).

7. Перевод: «обязательным», «безусловным».

Письмо 104.

Циркулярное письмо, отпечатанное на стеклографе, с вписанными от руки обращением и датой и с подписью-автографом В. И. Немировича-Данченко.

Очевидно, большинство лиц, получивших этот запрос, не ответило репертуарному совету театра и потому в следующем году В. И. Немирович-Данченко присоединил к подобному же письму длинный список пьес.

Среди материалов по репертуарной работе в архиве В. И. Немировича-Данченко уцелели ответы Чехова, Станиславского, Качалова, Симова и Стаховича.

Список предложенных пьес почти совпадает с названиями, перечисленными В. И. Немировичем-Данченко в письме к А. П. Чехову от 26 декабря 1902 г. (см. ниже письмо 118).

105.

Телеграмма.

1. Этот спектакль был премьерой «Мещан». В Москве пьеса была показана только в следующем сезоне. Ею открылся сезон 1902—1903 года.

107.

Телеграмма.

1. О. Л. Книппер тяжело заболела еще в Петербурге и последних гастрольных спектаклей не играла. В Петербурге она пролежала около двух недель в лечебнице. В середине апреля ей разрешили ехать в Крым. Дорога вредно отразилась на ее здоровье, об этом и сообщает настоящая телеграмма.

Эта длительная тяжелая болезнь имела несколько рецидивов, перешла в воспаление брюшины и держала О. Л. Книппер в опасном положении почти до конца июня. Она-то и является основной темой переписки В. И. Немировича и А. П. Чехова в это время.

2. Альтшулер Исаак Наумович — врач, лечивший А. П. Чехова в Ялте.

Письмо 108.

Датируется по помете А. П. Чехова «1902, IV». Число — по сопоставлению с возможным отъездом В. И. Немировича-Данченко в Москву, 20-го или 27-го апреля.

1. «моим должником» — за хлопоты и заботы о больной О. Л. Книппер-Чеховой во время ее проезда через Севастополь.

2. «отсюда» — из Севастополя.

3. «роль Лоны (или пьесу)» — «Столпы общества» комедия Г. Ибсена. Премьера спектакля состоялась 24 февраля 1903 года.

109.

Телеграмма.

1. О. Л. Книппер-Чеховой.

Письмо 110.

Датируется по помете А. П. Чехова «1902, VI». Написано на листке блокнота карандашом. Было прислано без конверта, с рассыльным. Квартира Чеховых в Неглинном проезде находилась почти рядом с рестораном «Эрмитаж».

Письмо 111.

1. У О. Л. Книппер-Чеховой.

2. Штраух Максим Августович (ум. в 1904 г.) — известный московский врач-гинеколог.

3. Таубе Роберт Юльевич — известный московский врач-терапевт.

112.

Телеграмма.

1. Несколько иной адрес, чем на письме 110, объясняется тем, что дом, в котором жили Чеховы, был угловой и выходил на Неглинный проезд и в Звонарский пер.

Письмо 113.

Датируется по помете А. П. Чехова «1902, VIII».

Этот перечень адресов не является письмом, но хранится в архиве А. П. Чехова вместе с письмами В. И. Немировича-Данченко, поэтому публикуется здесь.

Письмо 114.

Датируется по помете А. П. Чехова «1902, VIII».

1. Любимовка — имение Алексеевых близ ст. Тарасовка, Сев. жел. дор. (см. примечание 2 к письму 33). В 1902, после перенесенной болезни, О. Л. Книппер-Чехова не могла ехать на отдых в Ялту, и Чеховы воспользовались предложением К. С. Станиславского пожить в Любимовке. Они прожили здесь вместе с первых чисел июля до 14 августа, когда А. П. Чехов поехал в Ялту, О. Л. Книппер продолжала еще некоторое время жить в Любимовке. Здесь ее навещали многие друзья и товарищи по театру. Приезжал и В. И. Немирович-Данченко (см. Переписка, т. II, стр. 440).

2. Найденов (Алексеев) Сергей Александрович (1869—1922) — писатель-драматург. Наиболее известная его пьеса «Дети Ванюшина» шла в театре Корша. В Художественном театре в сезон 1904/1905 года была поставлена его пьеса «Блудный сын», премьера 28/I и в сезон 1906/1907 года «Стены», премьера 2/IV. В этом письме речь идет о пьесе «Жильцы».

3. «это опять подонки» — на сезон 1902/1903 г. была принята пьеса Горького «На дне».

4. А. П. Чехов нередко жаловался своим друзьям, что в Ялте к нему ходит так много получужих или вовсе чужих людей и так задерживают его пустыми разговорами, что часто он не имеет возможности работать.

5. Горькому был разрешен въезд в столицы.

6. Несмотря на все просьбы В. И. Немировича-Данченко чеховской новой пьесы в сезон 1902/1903 года не было в Художественном театре.

115.

Телеграмма.

Подана в 12 час. 50 мин. пополудни.

Письмо 116.

Датируется по помете А. П. Чехова «1902, XII». Число и день установлены по фразе: «Две среды прошло, вдруг в пятницу вспомнил, что обещал тебе писать по средам».

1. «Дно» — «На дне».

Письмо 117.

Датируется по помете А. П. Чехова «1902, XII».

1. «Сегодня» — премьера «На дне».

2. Проводить «Столпы общества» через цензуру.

3. «Французская комедия» — театр в Париже «Comédie Française» — один из старейших французских театров.

4. Скиталец — литературный псевдоним Петрова Степана Гавриловича (род. в 1868 г.) — писатель, поэт, бывший певчий.

5. Ученикам нашим — с 1900 г. при Московском Художественном театре была организована школа для подготовки молодых кадров, главным образом, для своей же сцены. Органическая связь драматической школы с театром была давнишней мыслью В. И. Немировича-Данченко.

Письмо 118.

Год установлен по помете А. П. Чехова «1902». Письмо написано карандашом на бланке Московского Художественного театра с эмблемой «Чайки».

1. «Гефсимаинский скит. Пещерная гостиница» — гостиница при мужском монастыре недалеко от Троице-Сергиевой Лавры.

2. Официальное приглашение — см. письмо 104 от 5 марта.

3. Желание В. И. Немировича-Данченко не исполнилось — следующая пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад» была доставлена автором в театр только в октябре 1903 года.

4. К сезону 1903/1904 года Горький не написал новой пьесы.

5. «Чайка» была возобновлена только в сезон 1905/1906 года с Лилиной — Заречной, Качаловым — Тригориным и Максимовым — Трепловым.

6. Суреньяни В. В. — художник. В его декорациях шли в Художественном театре миниатюры Метерлинка в сезон 1904/1905 года.

7. Шалапин Федор Иванович (1873—1938) — в опере «Фауст» пел партию Мефистофеля.

8. Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — в опере «Фауст» пел партию Фауста.

9. «Ревизор» — поставлен впервые в МХАТ в сезон 1908/1909 года, а затем в 1921/1922 году.

10. «Месяц в деревне» — поставлен в 1912/1913 году.

11. «Плоды просвещения» — Л. Н. Толстого, шли в Обществе литературы и искусства, в Художественном театре не ставились.

12. «На всякого мудреца [довольно простоты]» — А. Н. Островского, доставлена в 1909/1910 году.

13. «Эллида», «Росмерсхольм», «Призраки» — драмы Г. Ибсена. «Росмерсхольм» поставлен в театре в 1907/1908 году и в 1-й Студии в 1918/1919 году.

14. «Торжество примирения» — «Праздник мира» — в Художественном театре не шла; в 1-й Студии Художественного театра поставлена в сезон 1913/1914 гг.

15. «Новая Мирбо» — вероятно, пьеса «Дурные пастыри», Октава Мирбо.

16. Миниатюры (Метерлинка) «Слепые», «Там внутри», «Непрощенная» — поставлены в 1904/1905 году. Постановка миниатюр прельщала А. П. Чехова еще в 1897 году, когда он писал А. С. Суворину: «Читаю Метерлинка. Прочел «Les aveugles, L'intruse» [«Слепые», «Непрощенная»]. Все это странные чудные штуки, но впечатление громадное, и если бы у меня был театр, то я непременно бы поставил «Les aveugles» («Слепые») (Письма, т. V, стр. 65).

119.

Телеграмма.

Подана 1-го января в 11 час. 20 мин., принята 3 января.

Письмо 120.

Письмо на бланке Московского Художественного театра.

1. А. Л. Вишневский принимал участие в заведывании хозяйственной частью Художественного театра.

2. Тихомиров Дмитрий Иванович (1844—1917) — известный московский педагог и деятель в области народного образования.

3. Ярцев П. М. — писатель, беллетрист и критик, сотрудник журнала «Театр и искусство». В 1904/1905 году в Художественном театре исполнялась его пьеса «У монастыря».

4. «Уехать недели на три в Рим» — для подготовки постановки «Юлия Цезаря».

Письмо 121.

Год установлен по помете А. П. Чехова «1903, I». Письмо на бланке Московского Художественного театра.

1. Письмо является ответом на несохранившиеся замечания А. П. Чехова по поводу предлагаемого В. И. Немировичем-Данченко в письме 118 репертуара театра. Судить об этих замечаниях можно на основании возражений В. И. Немировича-Данченко и на основании упомянутого уже официального ответа Чехова на запрос от 7 января 1904 года о репертуаре, хранящегося в архиве В. И. Немировича-Данченко. В обоих случаях Чехов рекомендует комедии Гоголя, причем в официальном ответе он приписывает от руки заглавие «Женитьба», не включенное в список пьес, предлагаемых репертуарной комиссией.

2. Черневский Сергей Антипович — с 1852 г. до своей смерти (1901 г.) главный режиссер Московского Малого театра.

3. Постановка этой пьесы Ибсена сильно привлекала В. И. Немировича-Данченко. По матерналам его архива можно видеть, что он несколько раз включал ее в проекты репертуара, но она так и не была поставлена.

4. Горький быстро решил этот вопрос сам, по крайней мере по отношению к театру Суворина (см. ниже письмо 123).

5. Алексин — врач, знакомый А. П. Чехова, ездивший с ним летом 1899 года в Батум, упоминается в воспоминаниях О. Л. Книппер (Переписка, т. I, стр. 37).

122.

Телеграмма.

1. «День ангела» А. П. Чехова совпадал с днем его рождения 17-е января. В. И. Немирович-Данченко написал ему в этот день письмо, но поздравить забыл.

Письмо 123.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, II». Число — по сведениям письма: «9-го сдал генеральную, вечером уехал в Петербург, пробыл там 3 дня [10, 11, 12], вернулся третьего дня [13 или 14], был на бенефисе Гельцер», стало быть, самое раннее 15-го февраля. Ответ на несохранившееся письмо А. П. Чехова.

1. «Вечно я без почтовой бумаги» — письмо написано на оторванном листе писчей плотной бумаги в клетку.

2. Гельцер Екатерина Васильевна — с 1894 г. балерина Московского Большого театра, ныне Народная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии.

3. Остроумов А. А. — см. примечание 2 к письму 95.

4. Ивановское (за Всехсвятским) — подмосковное на Москва-реке. Всехсвятское — когда-то подмосковное село, давно уже вошло в черту города.

5. Эрисман Федор Федорович (род. в 1842 г.) — врач, гигиенист.

6. «И рыбы много» — А. П. Чехов был страстный рыболов.

7. Тихонов Владимир Алексеевич (1857—1914) — писатель, редактор журнала «Север», давний друг А. П. Чехова. Подчеркнуто «Владимир» для противопоставления Тихонову Алексею Алексеевичу, писавшему под псевдонимом «Луговой».

8. Суворины отец и сын — Алексей Сергеевич и Алексей Алексеевич.

9. Потоцкая Мария Александровна — артистка Александринского театра.

10. «Местъ» — рассказ А. П. Чехова, впервые опубликованный в журнале «Осколки», 1886 г., № 41.

Письмо 124.

Год устанавливается по помете А. П. Чехова «1903».

1. «Колокол» — «Потонувший колокол» — Г. Гауптмана.

2. Плющик — Плющик-Плющевский Яков Алексеевич — директор Литературно-художественного общества в Петербурге, чиновник министерства внутренних дел.

Письмо 125.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, III». Письмо на бланке Московского Художественного театра.

1. Август Шольц — переводчик Чехова и Горького на немецкий язык.

Письмо 126.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, III». Письмо на бланке Московского Художественного театра.

1. В. И. Немирович-Данченко снова (см. письмо 123) ездил в Петербург для приискания театрального помещения для весенних гастролей Художественного театра.

2. «добывал школы при театре» — о своих мечтах и планах до Художественного театра В. И. Немирович-Данченко много рассказывает в книге «Из прошлого» («Чехов», гл. III).

3. «Переходим к Тургеневскому спектаклю» — «Месяц в деревне». Постановка его состоялась только в 1909/1910 году. А. П. Чехову пьеса не нравилась. Он писал О. Л. Книппер: «Месяц в деревне» мне весьма не понравился. Пьеса устарела, если у вас она не понравится, то скажут, что виновата не пьеса, а вы» (19/III 1903 г.).

4. «В Петербурге идет безумная продажа билетов» — на гастрольные спектакли Художественного театра.

5. «получил его подарок» — «надпись сделана со свойственной ему расточительностью». — Горький подарил В. И. Немировичу-Данченко экземпляр своей пьесы «На дне» в переплете с серебряной крышкой. Надпись такова: «Половиною успеха я обязан вашему уму и сердцу товарищей. А. Пешков».

«А что переплет скверно сделал, — тому я не причинен. Сдерите с него серебро и сделайте себе кастет, — наверное вокруг вас есть черепа, нуждающиеся в этом орудии, как воспитательном средстве. Я же всем сердцем желаю Вам бодрости духа.

М. Горький.

Спб. 1903».

Книга эта хранится в Музее МХАТ.

6. В оригинале ошибочно написано: «ему».

Письмо 127.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, IV».

1. Кружок — Русское литературное общество в Петербурге, основанное в 1886 году. Оно имело ввиду изучение литературных вопросов, теоретических и практических, и с этой целью устраивались собрания с чтением докладов и художественных произведений.

2. Андреев Леонид Николаевич (1874—1919) — писатель. В последующие годы Художественный театр ставил его пьесы: «Жизнь человека» (1907/1908), «Анатэма» (1909/1910), «Екатерина Ивановна» (1912/1913), «Мысль» (1913/1914).

128.

Телеграмма.

1. Отрывки из пьесы «Чайка».

2. «Ванька» — рассказ А. П. Чехова, 1886 г.

Письмо 129.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, V». Число — по вечному календарю.

1. «Уезжаете из Москвы» — на дачу. Лето 1903 года Чеховы проводили в имении М. Ф. Якунчиковой «Спасское» под Наро-Фоминском, недалеко от Москвы.

2. «Коровинский дом» — дом Коровина на Петровке, где была весной 1903 года квартира М. П. и О. Л. Чеховых.

3. Иван Павлович Чехов (1861—1922) — брат писателя, педагог.

4. «Я уезжаю 31-го прямо в Венецию, Рим и Неаполь» — собирать материалы к постановке трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

Письмо 130.

1. Эрмитаж, Мавритания, Мюр и Мерилиз — перечисляются рестораны и крупнейший универсальный магазин дореволюционной Москвы, «гостинично-трактирные места», как определяет сам В. И. Немирович-Данченко.

2. Marco Praga — Прага, Марко (1862—1929) — итальянский писатель, драматург.

3. Gramatica — Граматика — итальянская драматическая актриса. Были две сестры: Граматика Ирма (рожд. 1873 г.) и Эмма (рожд. 1876 г.). По приводимому В. И. Немировичем-Данченко сравнению видений им актрисы с Заньковецкой можно думать, что речь идет об Ирме (см. ниже примечание 4).

4. Заньковецкая (Адамовская) Мария Константиновна — украинская актриса; см. в настоящем «Ежегоднике» «Воспоминания» Л. М. Леонидова.

5. Бург-театр — театр в Берлине.

6. «На вызовы артисты никогда не выходят» — с 1906/7 года такое же правило было введено и в Художественном театре, начиная с постановки «Борис Годунов» Пушкина. В книге «МХАТ в иллюстрациях и документах 1898—1938 г.» в главе «Актеры и вызовы» (стр. 691—692) приведены подробно все обоснования В. И. Немировича-Данченко этого нововведения. С 1924 года были установлены выходы артистов по окончании спектакля.

7. Сорренто — приморский итальянский городок близ Неаполя.

Письмо 131.

Год установлен по помете А. П. Чехова «1903».

Письмо 132.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, VIII», число по фразе: «Сегодня 17-е».

1. «Юлия Цезаря».

2 «с Соловьевцами» — так называли в Художественном театре разовых артистов, потому что все дела по их найму вел сотрудник театра Соловьев Алексей Степанович, работавший в Художественном театре с 1898 по 1903 год.

3. Эберле Варвара Аполлоновна, по мужу Мамонтова — певица, старинная приятельница Мар. П. Чеховой. А. П. Чехов интересовался результатами ее экзаменов в Художественный театр.

4. Сирмунт Сергей Аполлонович (1863—1932 г.) — книгоиздатель, принимал участие в революционном движении.

5. Отзыв А. П. Чехова о пьесе Найденова «Деньги» имеется в письмах к В. И. Немировичу-Данченко от 22 августа 1903 года (Письма, т. VI, стр. 311). Он высказывался за пьесу Найденова главным образом по следующим соображениям: «Важно, чтобы была пьеса и чтобы в ней чувствовался автор. В нынешних пьесах, которые приходится читать, автора нет, точно все они изготовляются на одной и той же фабрике одной машиной, в найденовских же пьесах автор есть» (2/IX 1903 года, Письма, т. VI, стр. 313—314).

6. Федотов Александр Филиппович (1841—1895 г.) — драматург, актер, режиссер и педагог сценического искусства. Работал с К. С. Станиславским в Обществе искусства и литературы, одним из создателей которого он был.

133.

Телеграмма.

1. Ответ на этот запрос см. в примечании 8 к письму 132.

Письмо 134.

Датируется на основании ответа А. П. Чехова от 2-го сентября. Помета А. П. Чехова, имеющаяся на письме «1903, IX» обозначает дату получения. Дата отправления должна быть не позже последних чисел августа.

1. Письма Ваши получил — от 2 сентября 1903 г.

2. «Новое дело» — пьеса В. И. Немировича-Данченко 1889 г.

Письмо 135.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, X» и по упоминанию о премьере «Юлия Цезаря» (см. примечание 2).

1. «Золото» — пьеса В. И. Немировича-Данченко 1894 г.

Упоминаемая записка А. П. Чехова не сохранилась в архиве В. И. Немировича-Данченко.

2. Moskauer Deutsche Zeitung — 1903 г. октября 3 в статье «Künstlerische Theater»: «An dem Einzelheite liesse sich hier und da etwas aussetzen aber die Hauptsache bleibt: man atmete Höhenluft, und das tut wohl».

(Перевод: «В мелочах можно было кое за что упрекнуть, но главное остается: дышалось воздухом высот. И это — хорошо». В. И. Немирович-Данченко неправильно перевел предпоследнюю фразу «тут адом дышит», спутав немецкие слова «Höhe» —

высота «Наше» — ад. Эта ошибка не изменила высокой оценки рецензии по существу.

3. На том, что постановка «Юлия Цезаря» в Художественном театре стремилась главным образом отразить жизнь Рима, сходится большинство рецензий.

4. Сам Станиславский был недоволен своим исполнением роли Брута (см. «Моя жизнь в искусстве», а также в настоящем «Ежегоднике» письма К. С. Станиславского к А. П. Чехову №№ 20, 24, 29). Мнения же критиков не были единодушны (см., напр., статью Л. Гуревич — «Возвращение театра» в журн. «Образование» 1904 г. № 4 и статью Амфитеатрова в газ. «Русь» 31/III 1904 г., а также в настоящем «Ежегоднике» Раздел VI).

5. «Не думай, что ты можешь быть не интересен» — между тем еще в марте 1903 г. А. П. Чехов писал к О. Л. Книппер следующее: «Я ничего не пишу тебе о рассказах своих и вообще о своих писаниях. Но, дуся моя, мне до такой степени надоело все это, что кажется, что и тебе и всем это уже надоело и что ты только из деликатности говоришь об этом. Кажется, но что же я поделаю, если кажется» (Письмо от 1/III 1903 г.).

136.

Телеграмма.

1. О только что присланной пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад».
2. Младшая из «Трех сестер».
3. Маша — персонаж из «Чайки».
4. Граф — Шабельский.

137.

Телеграмма.

1. Пьесу «Вишневый сад».

138—139.

Телеграммы.

По поводу не совсем точной передачи содержания «Вишневого сада» Н. Е. Эфросом в газете «Новости дня». Время подачи 4 час. 50 мин. и 7 час. 50 мин.

1. Упомянутая телеграмма А. П. Чехова не сохранилась в архиве В. И. Немировича-Данченко. Содержание и тон ее понятны по публикуемым телеграммам В. И. Немировича-Данченко. В более сдержанном тоне А. П. Чехов пишет об этом взволновавшем его эпизоде в письме от 23 октября (Письма, т. VI, стр. 323—324) и заканчивает речь о нем словами: «мог ли я заподозреть твое вмешательство? Я в телеграмме имел ввиду только Эфроса, и мне было даже странно, и я глазам не верил, когда читал твою телеграмму, в которой ты сваливал всю вину на себя. Извини меня, буде я пересоллил в телеграмме, — и basta!»

2. Эфрос Николай Ефимович (1867—1923) — театальный критик. Сотрудничал в «Речи», «Русских ведомостях», «Новостях дня» и многих других периодических изданиях. Искреннейший почитатель Художественного театра и в последующие годы один из ближайших его друзей. Автор большого труда «Московский Художественный театр 1898—1923», монографий: «К. С. Станиславский», «В. И. Качалов», «Три сестры», «Горе от ума», «На дне» и друг.

В Музее МХАТ хранится черновик статьи В. И. Немировича-Данченко об Эфросе (1923 г), в которой он пишет: «Все у этого человека было для того, чтобы стать великолепным театральным критиком: 1) громадная любовь к театру, 2) исключительная интуиция..., 3) страстная натура, 4) глубокая честность... и, наконец, 5) талантливая форма изложения.

Письмо 140.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, X», число по вечному календарю.

Письмо — на бланке Московского Художественного театра.

1. А. П. Чехов жаловался в письмах к О. Л. Книппер от 24 и 25 октября, что от В. И. Немировича-Данченко нет обещанного письма.

2. «тебе еще кажется, что пьеса не нравится» — вероятно на основании писем к О. Л. Книппер, где Чехов не раз пишет, что он готов исправлять и переделывать пьесу, как нужно.

3. Отзыв К. С. Станиславского о «Вишневом саде» см. ниже в публикуемых письмах.

Письмо 141.

Год установлен по помете А. П. Чехова «1903». Письмо — на бланке Московского Художественного театра.

1. Раздражение А. П. Чехова на Н. Е. Эфроса было действительно очень сильно. Во многих письмах этого времени к О. Л. Книппер он пишет о своей досаде, то-и-дело возбуждаемой перепечатками в различных провинциальных газетах неправильной информации Эфроса о «Вишневом саде».

2. «Южный край» — харьковская реакционная газета, издававшаяся с 1888 г. и руководимая Ю. Н. Говорухой-Отроком (см. примечание 5 к письму 21).

3. Пьеса Потапенко — «Высшая школа». В этот день 30 октября 1903 года состоялась премьера этого спектакля в Московском Малом театре.

4. «Добрыня Никитич» Гречанинова — опера, исполнявшаяся в Московском Малом театре.

Гречанинов Александр Тимофеевич (р. 1864 г.) — композитор, близкий к Художественному театру. Он писал музыку к постановкам «Царь Федор Иоаннович», «Смерть Иоанна Грозного», «Снегурочка», «В мечтах».

5. Потапенко поставил в этом сезоне три пьесы: 1. «Высшая школа» — в Петербургском Александринском и Московском Малом театрах, 2. «Искупление» — в Петербургском Суворинском театре, 3. «Каменный век» — в театре Е. Е. Ковалевского («Интернациональный театр» на Б. Никитской).

Письмо 142.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, XI» и по соотношению с телеграммой 143.

1. «Меньше, чем ты на Бурджалова» — в ответ на фразу самого А. П. Чехова в письме к О. Л. Книппер от 21 октября: «Аня так же похожа на Ирину, как я на Бурджалова».

2. Мария Федоровна — Андреева.

3. Лисенко Наталия Андреевна — ученица школы Художественного театра с 1901 по 1904 год, в состав труппы не вошла.

4. «Машу» — из «Чайки».

143.

Телеграмма.

1. Ответной телеграммы нет в архиве В. И. Немировича-Данченко.

Письмо 144.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, XI» и по упоминанию о премьере возобновления «Одиноких»: «Сегодня, наконец, сдаем «Одиноких» — 7/XI.

1. «Только ты напрасно думаешь» и т. д. — в ответ на фразу из письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер от 30/X: «Подумаю немножко и, пожалуй, приеду в Москву, а то как бы Немирович не роздал ролей из политических соображений».

2. В ответ на фразу из письма А. П. Чехова от 2/XI: «Очень бы мне теперь хотелось пойти в Эрмитаж, съесть там стерлядь и выпить бутылку вина» (Письма, т. VI, стр. 323).

3. «Твои сочинения, выпускаемые «Нивой» — собрание сочинений, подготовленное и отредактированное самим А. П. Чеховым по договору с книгоиздателем А. Ф. Марксом.

4. «Душечка» — рассказ А. П. Чехова 1899 г., опубликован впервые в журнале «Семья».

5. «Ты думаешь что-нибудь работать теперь» — «Вишневый сад» был последним законченным произведением А. П. Чехова. Хотя в его письме к О. Л. Книппер от 26 марта 1904 г. мы читаем: «Я работаю, но не совсем удачно. Мешает война», однако никаких начатых произведений не осталось после его смерти. Рукописи рассказов, опубликованных в 1905 году, по почерку должны быть отнесены к 1890-м годам.

Письмо 145.

Датируется по помете А. П. Чехова «1903, XI». Число — по упоминанию о возобновлении «Одиноких»: «Третьего дня сыграли «Одиноких» — 9/XI.

1. «Авторское распределение» — дано в письме А. П. Чехова к В. И. Немировичу-Данченко от 2 ноября (Письма, т. VI, стр. 227—229).
2. «Качалов еще не тверд и волнуется» — при исполнении роли Иоганнеса.
3. «Лужский очень хорош» — в роли отца Фокерата.

146.

Телеграмма.

1. Заседание Словесности — Общества любителей российской словесности.
2. Ответ А. П. Чехова был отрицательный; в архиве В. И. Немировича-Данченко не сохранился.

Письмо 147.

Датируется по помете А. П. Чехова «1904, 1».

Письмо 148.

Датируется по помете А. П. Чехова «1904, 1». Число — по предстоящей премьере «Вишневого сада», бывшей 17 января.

1. «Первый акт прошел сегодня» — на одной из генеральных репетиций «Вишневого сада».

2. «Купюры в начале» — в рукописи II акт «Вишневого сада» начинается разговором Ани и Трофимова о ее поездке к ярославской бабушке. В спектакле это место было опущено. В окончательную редакцию пьесы оно тоже не вошло.

Письмо 149.

Датируется по помете А. П. Чехова «1904, 1». Число — на основании премьеры «Вишневого сада».

1. Записка написана во время III акта, так как говорится о прошедшем 2-м и предстоящем 3-м антракте. Она написана синим карандашом на листке из блокнота.

2. Второй абзац — уловка, чтобы уговорить А. П. Чехова приехать в театр, так как готовилось чествование писателя.

150.

Телеграмма.

После премьеры «Вишневого сада» в Петербурге.

1. В оригинале написано «реализировала».
2. На премьере «Вишневого сада».
3. «События на Востоке» — начавшаяся война с Японией.

151.

Телеграмма.

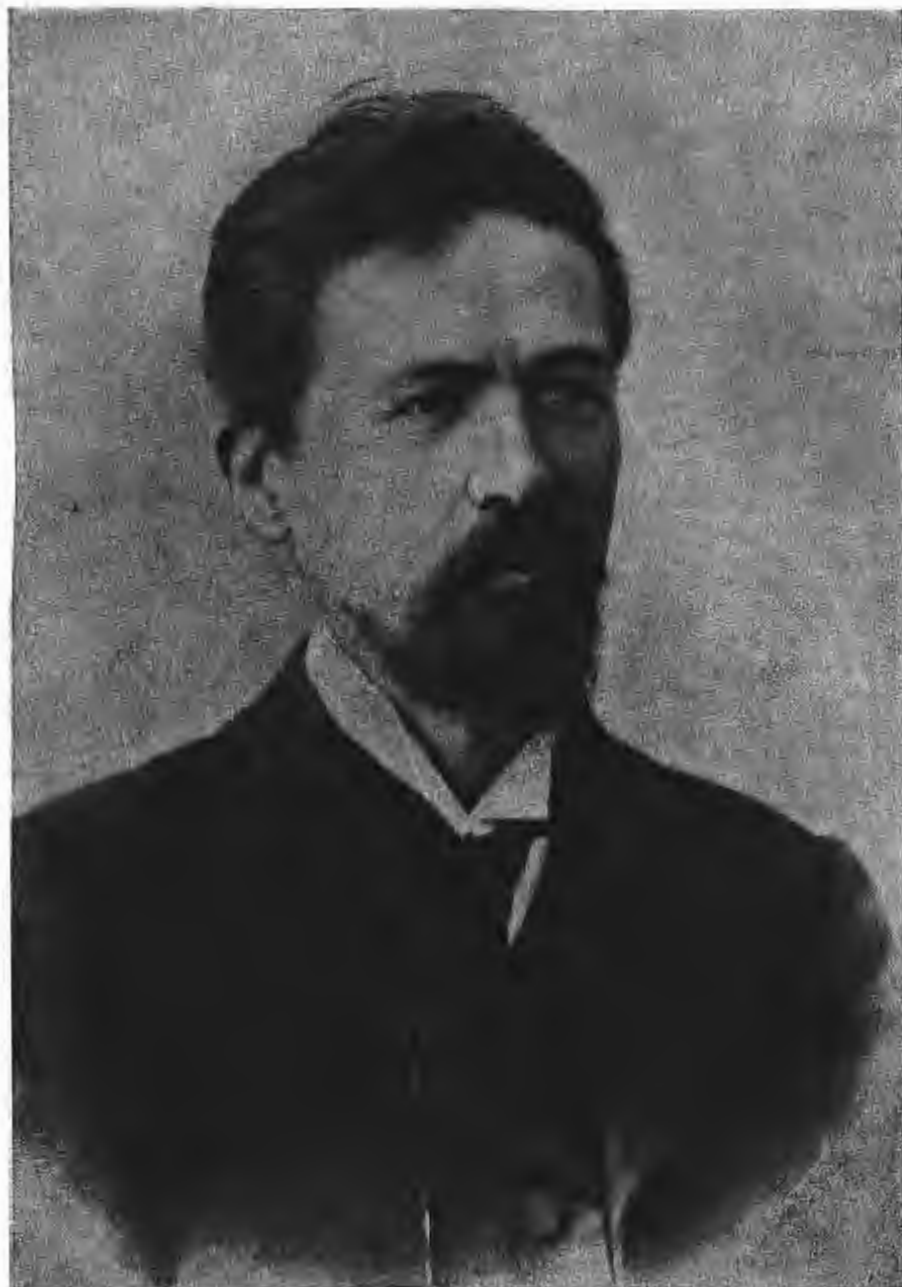
✓ 1. Статья А. В. Амфитеатрова была напечатана в газете «Русь» 3 апреля 1904 г. Она очень понравилась А. П. Чехову, и в письме от 13 апреля он выражает автору свою благодарность (Письма, т. VI, стр. 371).

152.

Телеграмма.

1. В 1904 г. Художественный театр гастролировал в «Малом театре Литературно-художественного общества», так называемом Суворинском.

Письма
К. С. Станиславского и М. П. Лилиной
к А. П. Чехову

А. П. Чехов
1904 г.

1.

[18]99, 13 июня.

Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Пытался узнать Ваш деревенский адрес¹, но не мог, так как все разъехались и не у кого спросить. Пишу на Вашу Московскую квартиру и потому заранее извиняюсь в том, что письмо мое запоздает.

Приношу Вам искреннюю благодарность за присылку книг Ваших повестей и романов. Я зачитываюсь ими теперь на свободе и уже проглотил добрую половину, остальная часть заготовлена для Волги².

Предполагаю, что Мария Павловна³ хлопотала по пересылке означенных книг, а потому очень прошу Вас передать ей мою сердечную благодарность и извинение за доставленные хлопоты; прошу Вас также передать ей и Вашей матушке⁴ мое почтение и принять таковое как от меня, так и от жены⁵.

Готовый к услугам и глубоко уважающий Вас

К. Алексеев.

2.

1900, 2 декабря.

Завтра в 1 час будет стоять на сцене вагон [?]¹.

К. Алексеев

3.

1900, декабрь.

Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Княгиня Соф[ья] Андр[еевна] Толстая¹, поощряемая мужем, устраивает благотворительный концерт, в котором просит меня прочесть только что написанную Л. Н. Толстым повесть «Кто прав?»² Не допуская в этом концерте чтения произведений современных авторов, кроме Ваших, княгиня,* конечно, мечтает о сценах из «3-х сестер».

* Описка К. С.—вместо: графиня—И. Ф.

Покаюсь, я оробел в присутствии Льва Николаевича³, и не решился отказать ей в этой просьбе. Я сказал только, что не имею права, без Вашего разрешения, допустить чтение отрывков еще не исполненной на сцене пьесы.

Теперь вся надежда на Вас: не разрешайте!.. Или дайте что-нибудь вместо «3-х сестер»⁴. Ваша пьеса, в которую я с каждой репетицией все больше и больше влюбляюсь, до того цельна, что я бы не мог выбрать отдельной сцены для чтения на концертных подмостках в Благородном Собрании⁵. Представьте себе простые, жизненные разговоры 2-х, 3-х чтецов, одетых во фраки, среди громадной залы и перед декольтированной, светской публикой. Первое впечатление от пьесы, при такой обстановке, будет невыгодно и, конечно, такого чтения допускать нельзя, пока пьеса не оценена публикой и печатью. Итак, ради бога, не разрешайте и найдите какой-нибудь другой выход, Меня же простите за то, что я поступил так неловко... Оробел! Графиня ждет скорого ответа или даже телеграммы.

23-го декабря у нас состоится генеральная, очень черновая репетиция первых 2-х актов. Кажется, бог даст, пьеса пойдет недурно. Думаю, что будут хороши: Лужский, Вишневский, Артем, Грибунин, Москвин, жена, Мар[ия] Фед[оровна].— Савицкая еще не отучилась от нытья. Ольга Леон[ардовна] нашла прекрасный тон. Если займется им, будет играть прекрасно, если будет надеяться на вдохновение—? [...] еще не нашел настоящего тона и работает усиленно. Безусловно, не подходят Громов и Судьбинин (даже, как дублер). Шенберг юлит и понял, что он просмотрел клад, т. к. роль Соленого это, действительно, клад для актера. Вероятно, он будет играть его. Дублером же вместо Судьбинина разрешите попробовать Качалова. Он будет приятен и благороден, Судьбинин же не годится даже в денщики к Вершинину.

Актеры пьесой увлеклись, т. к. только теперь, придя на сцену, поняли ее. Сегодня получили 3-й акт, и я приступаю к планировке. С нетерпением ждем 4-го акта. Не теряю надежды, что пьеса пойдет около 15 января, если не задержат инфлуэнцы, кот[орые] тормозят нам дело ужасно.

Декорация 1-го акта готова и, по-моему, удалась. На-днях Симов кончает и 4-й акт; кажется, будет удачна. Об Вас знаем только, что Вы в Ницце⁶ и, слава богу, здоровы. Скучаете Вы или нет — неизвестно. Мы часто вспоминаем о Вас и удивляемся Вашей чуткости и знанию сцены (той, новой сцены, об которой мы мечтаем).

Когда Наташа заговорила по-французски, Калужский несколько минут валялся по полу от смеха (успокойтесь, жена не шаржирует этого места). При обходе дома, ночью, Наташа тушит огни и ищет жуликов под мебелью — ничего?

Уважающий, любящий и преданный Вам

К. Алексеев

Поздравляем с наступающим праздником и желаем провести его весело. — Будьте здоровы.

[illegible]

Дружеские (некоторые из них в будущем
могут стать врагами), Симпатичные
Соседские (некоторые), Простые (некоторые)
(некоторые), Родные (некоторые, не некоторые)
Семейные (некоторые), Материнские (некоторые)
(некоторые) Материнские (некоторые)
Коллективные (некоторые) Коллективные
(некоторые или другие)

Материнские (некоторые) Материнские
Материнские (некоторые) - Материнские
(некоторые, не некоторые) -

Они не являются, не являются
со своим собственным

Всем, всем, всем

2. не является, не является
порадавшись. Но все же

судя по всем судя по
и, не судя по - Материнские,

непредвзятые, не являются
абсолютно не являются

1. не является, не является -

2. не является, не является

3. - Судя по не является, Судя по
идет из не является и не является

1901, январь.

Многоуважаемый Антон Павлович!

Конечно, я напутал. Наташа ищет жуликов не в 3-м, а во втором акте. Концерт Толстой не состоится. Вы напрасно взволновались, т. к. я и писал то письмо для того, чтобы найти более удобный способ отказать княгине* в ее просьбе. Репетиции «3-х сестер» шли бы совсем успешно, если бы не инфлуэнцы и не мое сильное утомление или, вернее, переутомление. Могу с уверенностью сказать, что пьеса на сцене очень выигрывает, и если мы не добьемся для нее большого успеха, тогда нас надо сечь. Сегодня показана и прочитана планировка последнего, 4-го, акта, и я сажусь за роль Вершинина. Если, бог даст, Ольге Леонард[овне] удастся 4 акт, он будет очень силен. Декорация вся готова, удалась. Судьбинин окончательно устранен, даже как дублер, т. к. у Качалова гораздо более данных. Соленого играет Шенберг. До сегод[нешнего] дня упрямылся и пытался вести его в тоне какого-то калабрийского разбойника. Теперь я его убедил, и он на правильной дороге. Что сказать об исполнителях? Калужский (двигается, как всегда медленно, но верно. Поспееет приготовить роль). [...] работает, но жесток по данным. Артем (немного туго двигается, но найдет тон, близок). Самарова (тоже), Грибунин (идеален), Роде (весел, но играет самого себя), Тихомиров (тоже), Шенберг (рано говорить), Качалов (очень мил), Вишневский (идеален и не утрирует), Маруся¹ (будет хорошо играть), Мария Федоровна (оч[ень] хороша), Савицкая (хороша, играет себя), Ольга Леон[ардовна] (хворала, не видел со времени болезни).

Была генераль[ная] репетиция 2-х первых актов и порадовала. Во всяком случае пьеса чудесная и оч[ень] сценичная. — Темпы распределяются или, вернее, выясняются так:

1 акт — весел, бодр,

2 » — чеховское настроен[ие],

3 » — страшно нервен, быстро идет на темпе и нервах. К концу силы надрываются, и темп опускается.

4-й еще недостаточно определился.

Ол[ьга] Леон[ардовна] обещалась подробно написать Вам о конце. Скажу в 2-х словах. Монологи финальные сестер, после всего предыдущего, оч[ень] захватывают и умиротворяют. Если после них сделать вынос тела², получится конец совсем не умиротворяющий. — У Вас написано: «вдали проносят тело», но у нас нет дали в нашем театре, и сестры должны увидеть мертвеца. Что им делать? Как ни нравится мне тот пронос, но при репетиции начинаю думать, что для пьесы выгоднее закончить акт монологом. Может быть Вы боитесь, что это слишком напомнит конец «Дяди Вани»? Разрешите этот вопрос: как поступить?

Ваш К. Алексеев.

5.

1902, января 14.

Добрейший и многоуважаемый Антон Павлович!

Я Вас очень благодарю за Ваше чудесное, простое и сердечное

* Описка К. С. — вместо: графиня — И. Ф.

письмо. Оно меня растрогало, а жену заставило прослезиться. Она сама будет писать Вам, как только справится со своими нервами, которые у нее за последнее время расшатались. Как досадно и больно, что Вы хворали... Весть об этом дошла до нас, и мы все волновались, но потихоньку, чтобы еще больше не расстраивать Ольгу Леонардовну. Должно быть, весна будет ранняя, и мы скоро увидим Вас среди нас... Это для нас большой праздник, в этом Вы не должны сомневаться; да и на душе как-то спокойнее, когда сам близко.

Я сконфужен и польщен тем, что Таганрогская библиотека¹ желает иметь мою карточку. Не сочтите это за наивничанье, но я совсем не знаю, как поступить в данном случае. Допустим, я вышло простую, кабинетную карточку, без рамки. Скажут: «Ишь, жадный, не мог разориться на рамку и большой портрет!..»

Вышлешь большую карточку в рамке... Скажут: «Обрадовался, что в музей попал!» Как быть? — Не откажитесь в одном из писем к Ольге Леонардовне посоветовать мне: какую карточку выслать — кабинетную или немного побольше? В рамке или без нее? Не откажитесь поблагодарить кого следует за честь, кот[орую] мне оказывают. По получении от Вас ответа чер[ез] Ольгу Леонардовну, — не затяну отправкой. Ваши слова о том, что Нила должен играть я², давно уже не оставляют меня в покое. Теперь, когда начались репетиции, и я занят *mise en scène*, я особенно слежу за этой ролью. Я понимаю, что Нил важен для пьесы, понимаю, что трудно играть положительное лицо, но я не вижу, как я без внешнего перевоплощения, без резких линий, без яркой характерности, почти со своим лицом и данными превращусь в бытовое лицо. У меня нет этого тона. Правда, я играл разных мужичков в пьесах Шпагинского³, но ведь это было представление, а не жизнь. У Горького нельзя представлять, надо жить... Сохранив черточки своего быта, Нил в то же время умен, многое знает, многое читал, он силен и убежден. Боюсь, что он выйдет у меня переодетым Конст[антином] Сергеев[ичем], а не Нилом. Певчего Тетерева⁴ мне играть гораздо легче, так как его характерность ярче, грубее; тут мне легче отойти от самого себя. — Пока я нахожусь в запасе и буду играть в том случае, если роли Нила или Тетерева не удадутся одному из их теперешних исполнителей и, конечно, если одна из этих ролей удастся и мне.

Вообще предстоит много волнений с пьесой Алек[сея] Максим[овича]. Всем хочется играть в ней, и публика ждет и требует, чтобы мы обставили ее лучшими силами. Между тем, не все актеры, к кот[орым] публика привыкла и которым доверяет, могут играть в этой пьесе. Может случиться, что Баранов⁵ в роли певчего, например, забьет всех нас. Вот почему мы устроили двойной состав исполнителей⁶. Оба состава репетируют по одной и той же *mise en scène*. Один состав работает <при> под руководством Калужского, другой — Тихомирова. На-днях будем смотреть оба состава, выберем лучшее и тогда окончательно определим основной состав. И тут могут быть замены отдельных ролей. Жена жаждет играть Полю, но, боюсь, не стара ли она для нее, а кроме того, она занята во всех пьесах и ей не хватит сил на репетиции. То же и со мной. Если бы дело не обошлось без старых исполнителей, я буду умолять задержать пьесу до будущ[его] года, но не показывать

ее публике с каким-нибудь изъяном в исполнении. По-моему — это было бы преступлением перед Алекс[еем] Макс[имовичем], кот[орый] доверил нам свой первый опыт.

Пока все репетируют с большой охотой и нервностью. Один состав щеголяет перед другим. Что-то будет?..

Вероятно, Вы уже знаете о том, что нам поднесли доктора Ваш портрет⁷ (фотография с портрета из Третьяковск[ой] галлерей. Не очень похожа) с надписью на золотой доске: Артистам — врачи, собравшиеся на Пироговский съезд. Спектакль был интересный и, кажется, произвел большое впечатление. Мы надеялись встретиться с самой образованной публикой, но, очевидно, было много таких людей, кот[орые] редко или давно не бывали в театре. Помню, напри[мер], одного лохматого старичка, кот[орый] все сидел на кончике стула с очень удивленным лицом. В первых актах, при вызовах, он вставал, широко улыбался и кланялся актерам. Во втором антракте он улыбался и махал шляпой. В третьем антракте он начал пробовать хлопать, но никак не мог извлечь звука из своих ладоней. Только по окончании спектакля у него начало что-то выходить, и он увлекся так, что последним вышел из театра. После спектакля все участники в «Д[яде] Ване» кутили в Эрмитаже и у Омона⁸. У нас, в ложе, было очень весело, а на сцене очень скучно, т. к. было недостаточно неприлично. Интереснее всего было видеть, как папа Омон ходил по коридорам артистических уборных и уговаривал актрис: *Mesdames ne vous décoletez pas trop*. Это было умилительно... Подробности этого вечера Вы, вероятно, знаете.

Однако, я Вам надоел! Еще раз спасибо за Ваше письмо. Жена шлет Вам свой привет, поклон и благодарность, а сынишка⁹ просит кланяться тому, кто написал Чебутыкина. Это — его любимец.

Крепко жму Вашу руку.

Желаю скорого возвращения в Москву.

Уважающий и преданный Вам

К. Алексеев.

6.

Телеграмма.

1902, апреля 5.

Ялта Чехову из Петербурга

Ольга Леонардовна поправляется. Клянусь, ничего опасного. Ради полной безопасности в будущем, важно вылежать должное время. Она торопится выездом, скучая по Вас, а также боясь, что Вы выедете за ней на север. Остановите ее телеграммой. Кланяюсь.

Алексеев.

7.

Телеграмма

1902, апреля 6.

Ялта Чехову из Петербурга

Христос воскрес! Поздравляем Вас, мамашу, Марию Павловну. Радуюсь скорому свиданию, Ольга Леонардовна здорова.

Алексеев.

1902, май.

Многоуважаемый Антон Павлович!

Посылаю Вам и Ольге Леон[ардовне] нижеследующие пьесы: ¹

1. Во тьме, 5 д. Булыгина.
2. Помпей.
3. Певец. Яковл[ев] — Павлов.
4. Лили, Савинкова [2 тетрадки].
5. Похожден[ия] М-ра Пикквика Нотович.
6. В часы досуга, 4 сц. [Автор неизвестен] 2 тетради.
7. Смерть Коркуэлло... 2 д. Якунина.
8. С богатой женой — его же.
9. Случай, 1 д. Е. Д.
10. Герг. Грим. Тоже Гедберг пер. А. Ганзен.
11. Щеглов — 1 том.
12. К просвету, 4 д. ком. Кравченко. Хмельницк[ий].
13. Кн. Тенев, его же.
14. Комета, 4. Вл. О. Трахтенберга.
15. Половинчатые души, 4 д. И. А. Дмитриева.
16. Ченчи, пер. Бальмонта.
17. Герострат, Фульда (Кожевников).
18. Спартак, пер. Годмер.
19. Иван Иванович. Псевдоним Сарыз.
20. Мученик, 4 д. Головачевск[ого].
21. Паоло и Франческа Филиппс.
22. Анна Ярославна. Воротников.
23. Карл XII.

Для Ольги Леонардовны.

1. Lebenshunger
2. Der Schleier der Beatrice.
3. Bar. Borken.
4. Der Weg zum Licht.
5. Drei Bühnendichtungen.

По прочтении не откажите передать все посылаемые пьесы
Тихомирову.

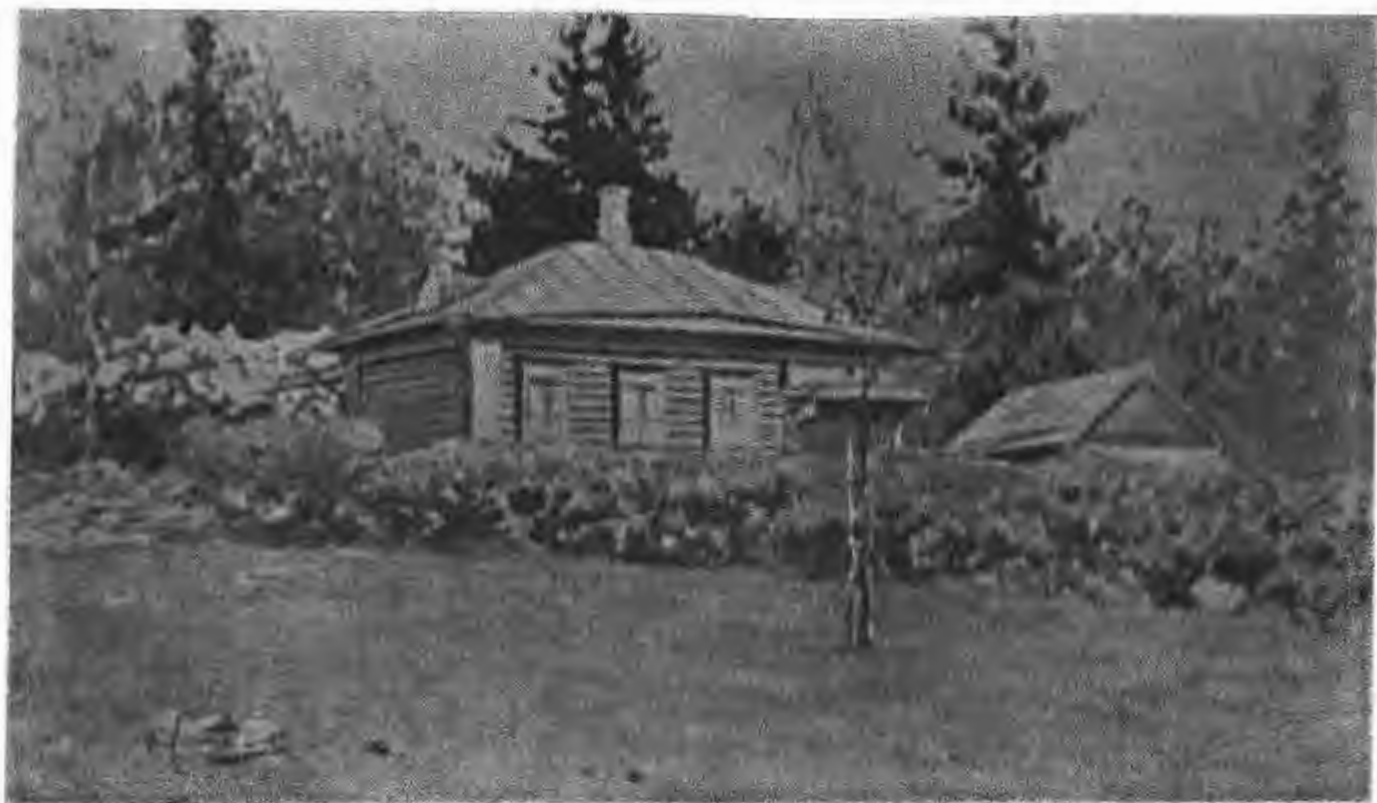
С почтением К. Алексеев.

1902, май.

Многоуважаемый Антон Павлович!

Только сейчас я отыскал и собрал все рецепты доктора Durand-
Fardel — от гемороя и переписываю их:

1. Antipyrine — 2 gr.
pour un paquet, le mettre.
dans un lavement froid
pris chaque matin
Faire 5 paquets.
- II. Ergot de Seigle — 0.10 centigram.
Extrait de belladone — 0.05 centigr.
Beure de Cacao — quantite suffisante
Pour 6 suppositaires

Дом в Якутчикове, Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, в котором А. П. Чехов жил летом 1901 г.
Рис. художника В. А. Симова

Это средство доктор назвал le grand moyen.

Конечно, Вы поговорите с доктором, прежде чем употреблять эти средства, или сами рассудите: безопасны они или нет. Я ничего не понимаю в этом.

С большим нетерпением ждем Вас в Москву с Ольг[ой] Леонард[овной]. Вчера я писал ей большое письмо, с кот[орым] Вы, вероятно, познакомитесь.—Погода у нас приятная—свежая, но не холодно. Часто выпадают дожди. Теперь, например, 12 час. ночи, и градусник по Реомюру показывает 10 градусов. Днем—14 град[усов] в тени и тепло на солнце. Снег стоял. На-днях я пошлю на Ваше имя 4 акт «Власти тьмы»¹, в том виде, как бы хотелось его играть на нашей сцене. Если бы представился случай, хорошо бы показать переделку—(нет, это опасное слово; приспособление...)—Льву Николаевичу. Если он согласится, хорошо бы, если бы он написал слово «Разрешаю. Л. Толстой». Без его согласия едва ли можно будет хлопотать в цензуре. Простите, что беспокою Вас, но не знаю, к кому обратиться. Быть может, доктор Альтшуллер² выберет удобную минуту, чтобы, не в з в о л н о в а в графа, переговорить об этом, очень важном для нас деле. Он интересовался москов[скими] театрами, функционирующими летом в Москве. Скажите, что в театре Эрмитаж—играет полный состав Суворин[ского] театра из Спб.—В Аквариуме—опера (харьковская) с гастролерами: Тартаков, Фигнеры³, Давыдов⁴ и проч. Итак, до скорого свидания. Поцелуйте ручку Ольге Леон[ардовне] и Вашей матушке.

Мария Павлов[на] стремится в Ялту.

В труппу принят молодой и очень симпатичный доктор с хорошими сценическими данными (фамилию забыл—Рязанцев?!..)⁵ Стены старого Омоневск[ого] театра сломаны и стены нового здания сложены до 1/2.

Искренно уважающий и любящий Вас К. Алексеев.

10.

1902, июнь. Воскресенье.

Дорогой Антон Павлович!

Я получил Ваше грустное письмо, как раз в тот день, когда начал длиннейшее письмо Ольге Леон[ардовне] со всеми отчетами по Франценсбаду. Я уже подыскал ей квартиру (комнату)—... Тем неожиданнее и больнее было получить Ваше письмо. Бедная, бедная Ольга Леонардовна, она до сих пор страдает, а Вы, бедный Ант[он] Павл[ович], прикованы к Москве. Как бы помочь Вам? Нет ли поблизости сада... Там все-таки свободнее дышать! Ушков¹. Это недалеко! У него должен быть хороший сад, а его самого, вероятно, нет в Москве.—Наш московский сад, конечно, в Вашем распоряжении, но увы,—это далеко... Я и жена—очень счастливы, что Любимовка Вам понравилась². Мечтая о Вашем скором переезде туда, жена пишет Вам обстоятельное письмо. Быть может, ей удастся лучше меня убедить Вас: распоряжаться домом и Любимовкой по Вашему усмотрению. Если б мы почувствовали, что Вы не церемонитесь и хозяйничаете, как у себя дома,—мы бы были спокойны и счастливы. Теперь приходится забыть о Франценсб[аде] и мечтать о том, чтобы Ол[ьга] Леон[ардовна] скорее переехала

в Любим[овку]. Если тамошний воздух восстановит ее, — мы будем горды. Вы могли бы поместиться с ней и не мешать др[уг] др[угу]. Она — внизу, в нашей спальне. Это во всяком случае, т. к. наверх ей ходить нельзя. Наверху поместитесь Вы (если только Вы любите жару). Взобравшись наверх, Вам никто не будет мешать. Прикажите Егору³ в разных уединенных уголках сада и парка поставить столы и стулья. Со свойств[енной] ему привычкой, он будет говорить, что это очень трудно сделать... что нет столов... Но Вы настойте, потому что столы есть, и это не трудно. Во время Вашего пребывания я больше всего боюсь Егора. У него плохая школа и много пафоса. Если он задекламирует, гоните его и позовите Дуняшу⁴ — горничную, она поосновательнее. Словом, я жду, как праздника, того времени, когда не Вы, а сама Ол[ьга] Леон[ардовна] напишет мне, что Вы водворились в Любим[овке] и чувствуете себя, как дома. Мы посылаем распоряжение, чтоб прислуга сейчас же убирала и переезж[ала] на дачу. Они с нетерпением ждут этого письма, т. к. сами рвутся на чистый воздух. Когда дом будет готов (а может Егор приготовил его уже теперь) хорошо бы если бы не только Вы, но и милый Алекс[андр] Леон[идович]⁵ наезжали туда отдыхать от Москвы, пока дело с Ол[ьгой] Леон[ардовной] не наладилось совсем. Я не пишу ему об этом и предоставляю Вам передать ему приглашение потому, что боюсь, как бы он не испортил Вам одиночества в Любимовке. Какая операция предстоит еще? С нетерпением ждем ответа на посланную Вишневному телеграмму. Бог даст, получим лучшие известия. Утешаю себя мыслью, что теперь все наладится в Москве, и операция не понадобится. Крепко жму Вашу руку и мысленно целую ручку Ол[ьге] Леон[ардовне]. От всего сердца ее жалею. Жена, дети и мадемуазель Ernestine шлют свой привет.

Любящий Вас и преданный К. Алексеев.

11.

Телеграмма.

Moscou Neglinnay maison Gonetsky Tchekoff Franzensbad.

Telegrafiez santé. Saluons.

Alexeef.

12.

1902, июля 10 н/ст.

Msc Serge pour Tchekoff Franzensbad.

Красные ворота д. Алексеева.

Soyez les bienvenus Souhaitons sante repos inspiration Saluons tous Vichnevsky-Alexeef.

13.

1902. августа 11.

Мы счастливы, дорогой Антон Павлович, что Любимовка Вам нравится, что Вы нашли в ней ту реку, которую искали, и покой, кот[орый] был Вам так необходим. Но почему Вы так скоро уезжаете? ¹ Если Вы думаете, что Вы нам помешаете — это заблуждение. — Я один пользуюсь верхней комнатой, но в нынешнем году мне не придется жить

в Любимо[вке]. Если Вам необходимо по хозяйству ехать в Ялту, или для того, чтобы писать пьесу, — это другое дело. Я должен умолкнуть, т. к. с приездом детей и проч. обитателей Любимовки, — я уже не могу поручиться за полный покой. Повторяю еще раз, что Вы нам несколько не помешаете, напротив, было бы приятно жене пожить с Вами, а мне сознать Вас своим гостем. Не помешаем ли мы Вам?..

Ради Бога убедите Ол[ьгу] Леонар[довну] не двигаться с места. Ей мы несколько не помешаем, а она нам еще менее. Стоит ей тронуться теперь в Москву, и болезнь может ухудшиться. Она успела только наладиться, но не окрепнуть. Сейчас и до 15 сент[ября], я почти уверен, ей не придется репетировать. Зачем же жить в Москве? Умоляю ее остаться. Она сделает вторую ошибку, если и на этот раз не уважит моей просьбы. Жена писала ей о том же. Не следует ей также в наступающем сезоне жадничать (простите, это актерское выражение) ролями. Если она будет играть и у Горького и у Вас — она изведется.

Что сказать о себе?

Не люблю я заграницы². Неуютно, деланно, а здесь, на горах холодно — сыро. Жена чувствует себя плохо, а дети хворают поочередно[...]. Нет, — в России лучше, — хотя тяжелые вести доходят до нас оттуда. С нетерпением ждем возвращения домой и надеемся на свидание с Вами. Целую ручку Ольге Леонардовне, Вишневск[ого] обнимаю, а Вам крепко жму руку.

Преданный и любящий Вас К. Алексеев.

14.

1902, сентября 28.

Дорогой Антон Павлович!

Не сердитесь на меня: я не могу отказать себе в потребности высказать то, что меня мучит и волнует все это время. Мне с женой представилось, что Вы нехорошо себя чувствуете, что Вы удалились от нас или разлюбили наш театр. Говорят даже, что Вы выходите из состава пайщиков¹. Когда я думаю о возможности такого ухода, — у меня пропадает энергия для дальнейшей работы. Я отказываюсь верить тому, что материальная сторона может играть какую-нибудь роль в слиянии лучшего русского писателя с тем художественным учреждением, которое создано и упрочено его произведениями.

Секрет кроется в чем-нибудь другом, и Вы должны нам объяснить, за что Вы хотите нас так жестоко обидеть и дискредитировать своим уходом. Должна быть важная причина для того, чтобы создатель дела, главный виновник его успеха, вышел из состава его участников. Деньги, больший или меньший размер взноса и друг[ие] причины чисто коммерческого свойства — не могут быть основанием <причиной>. Я знаю, что я касаюсь вопроса слишком прямо и смело, — но я не могу иначе поступить, т. к. он меня изволновал за это время. Я знаю, что я не решусь послать это письмо, если перечту его, и я решил запечатать его не перечитывая. Вы поймете мое состояние и не рассердитесь за то, что я хочу удержать наши добрые, сердечные отношения и пре-

дупредить какое-то недоразумение. Напишите 2 слова: «я остаюсь», и Вы вернете мне прежнюю энергию. Не сердитесь за этот порыв, может быть нужно было поступить иначе, — деликатнее, но я не могу примириться с Вашим уходом.

Посылаю письмо не перечитывая и начинаю другое — более спокойное.

Уважающий, преданный и любящий Вас. К. Алексеев.

15.

[Визитная карточка].

1902, ноябрь.

Константин Сергеевич Алексеев. У Красных ворот по Садовой, д. Е. В. Алексеевой.

Дорогой Антон Павлович, меня требуют на фабрику и потому я не могу еще раз повидаться с Вами перед отъездом. Счастливого пути!

За себя и за жену К. Алексеев.

16.

Телеграмма.

1902, декабря 19.

Ялта Антону Павловичу Чехову из Москвы.

Пьеса Горький¹ и театр имели большой успех. Ольга Леонардовна прошла для тонкой публики первым номером. Кланяемся.

Алексеев.

17.

1902, декабря 19.

Дорогой Антон Павлович!

Не писал Вам до сих пор потому, что был (как и все товарищи) — очень занят и взволнован предстоявшим спектаклем. Казалось, что вторичный провал пьесы Горького — погубит все дело. Теперь, как Вам уже известно, — победа на нашей стороне, и главное, — Горький доволен. Первый спектакль был мучительный для артистов, и если бы не шумный прием первого акта, не знаю, хватило ли бы у нас нерв, чтоб довести его до конца. Вл[адимир] Ив[анович] нашел настоящую манеру играть <произведения> пьесы Горького. Оказывается, надо легко и просто докладывать роли. Быть характерным при таких условиях трудно, и все оставались самими собой, стараясь внятно подносить публике удачные фразы роли. Тем более чести Ол[ьге] Леон[ардовне], которая — одна перевоплотилась. Этого, конечно, не оценят Эфросы, но среди артистов она имела большой успех и, как говорят в труппе: «это был номер!!!» Я не удовлетворен собой, хотя меня хвалят. — Горький присутствовал на 2-х спектаклях и имел очень большой успех. Все это время был мил и весел, каким я его узнал впервые 4 года назад, в Ялте. — Уехал довольный и с желанием писать для театра. Повторяю, — это самая главная часть нашего успеха.

Сейчас поручил Егору купить все газеты и pošлю Вам, на всякий случай, вырезки (но сам их читать не буду). Присутствие Горького на спектакле превратило его в бурные овации и потому трудно разобрать, на сколько имели успех пьеса и актеры. Печать, кажется, хвалит.

Теперь наступает тяжелое время: вместо большого наслаждения <приступить к> начинать репетиции <ям> пьесы Чехова, — приходится нести тяжелую обязанность: разучивать Ибсена. — Особенно пожалейте двух артистов: Книппер и Станиславского. На их долю выпадает наиболее тяжелая работа.

Кто виноват?.. Паулина! Бум!.. После спектакля у нас у всех болели губы от восторженных поцелуев Алекс[андра] Леонид[овича]. Кажется, он уже заприходовал в своем воображении тысяч 150. Он, бедный, изнервничался за это время и перестал спать. Целую ручку Вашей мамаше и Марии Павловне. Жена собирается ей писать. Оль[га] Леонар[довна] здорова. После спектакля Горький давал ужин актерам. Торжество кончилось очень печальным скандалом Баранова. Не хочется писать. Ол[ьга] Леон[ардовна] сообщит подробности.

Любящий и преданный К. Алексеев.

Жена просит пожать руки Вам, Марии Павловне и Ваш[ей] матушке.

18.

[1] 903, февраля 21.

Дорогой и многоуважаемый Антон Павлович!

Пишу Вам коротенькую записку только для того, чтобы Вы не думали, что я молчу, потому что забыл о Вас... Мы часто вспоминаем и ежедневно говорим о Вас с женой и Ольгой Леонардовной. Теперь времени мало. Идут генеральные «Столпов общ[ества]»¹. — Боже мой, если бы $\frac{1}{4}$ тех сил, котор[ые] употреблены на эту отвратительную пьесу, были отданы Вашему «Вишневному саду», — театр бы рухнул от аплодисментов, и мы бы имели впереди отрадную перспективу: играть Вашу пьесу несколько лет под ряд*. Теперь же, думая о непрочности «Столпов общества», мы повторяем Вашу полюбившуюся нам фразу: «Никому ж это не нужно!!!»

Я играю иностранца в английском сюртуке и играю довольно скверно. У Ольги Леонардов[ны] долго не шла роль, и вдруг, на первой генеральной репетиции, она нас поразила. Талант сказался. Она нашла интересный тон и... успокоилась. Теперь немного роль остановилась, тем не менее, не теряем надежды, что она будет играть хорошо. Боймся верить счастью, что 20 марта Ваша пьеса будет у нас в руках... Если нет, — придется репетировать Эллиду², хотя знаем, что «никому ж это не нужно». 2 дня были у Черниговск[ой] у Троицы³. Там есть хорошая гостиница, с хорошим столом, — в сосновом лесу. Уж не там ли Вам <временно> приютиться на время осенней сырости и первых холодов? При первом случае, мы едем туда с Ольгой Леонардов[ной]. Будьте здоровы. Жена, дети и мать кланяются Вам. Жму Вашу руку. Получили ли Вы послан[ную] мною карточку «На дне» и потом коллекции открытых писем: «На дне» и «Мещане»?

Преданный и уважающий Вас К. Алексеев.

Очень благодарим за Ваши письма.

* Выходит так, что нам пришлось бы играть на развалинах! [Примечание К. С.]

1903, июля 22.

Ессентуки, Новая казен[ная] гостин[ица].

Дорогой Антон Павлович!

Перед самым отъездом на Кавказ я успел поговорить с Вишневским. Он передал мне, что Вы просите меня вернуться домой, из Ессентуков, — через Крым. Кажется, Вы собирались прочесть пьесу... я был очень рад такому предложению и очень мечтал о нашей встрече, о пьесе, о море... Приехав сюда, я прежде всего — простудился, пролежал в кровати 2—3 дня и потерял неделю лечения. Далее, я получил сплин и только теперь начинаю приходить в себя... Осталась неделя до отъезда в Москву, но доктор меня не пускает. Я попил воды только 1 неделю, а минимальный курс лечения равняется месяцу, 6 недель. Таким образом мои планы рушатся, мне не удастся вернуться через Крым. Тем не менее, я не могу отказать себе в удовольствии повидать Вас и Ол[ьгу] Леонардовну и послушать пьесу... Мне необходимо поскорее познакомиться с нею. Влад[имир] Иванович обещал мне освободить меня на неделю, во время репетиций «Цезаря». Я воспользуюсь этим временем, чтобы съездить в Ялту. Итак, до скорого и очень приятного для меня свидания.

Ничего не знаю ни о Вас, ни об Ольге Леонардов[не], Марии Павловне. Как Вы живете, как чувствуете себя? Я просил И. А. Тихомирова написать мне словечко об этом.

Здесь невозможная скука. Спасибо А. М. Горькому и его спутникам¹. Они оживили наше скучное существование, но они также неожиданно скрылись, как и появились. Ал[ексей] Макс[имович] приехал сюда бодрым, а уехал больным. Дело в том, что он простудился на Бермамуте и, несмотря на простуду, — взял нарзановую ванну, в день отъезда. Разговаривая с ним перед 3 звонком, я вижу, что он бледнеет и опускается на диван. Это был маленький обморок. К счастью, в том же вагоне ехал знакомый доктор, и я успел предупредить его о болезни Горького. Он поможет им в дороге. Поезд тронулся, а Ал[ексей] Макс[имович] сидел, охватив голову руками, бледный, как полотно. Вчера послал телеграмму, чтобы узнать о его здоровье, но, пока, никакого ответа не имею. О себе могу рассказать в 2-х словах. Встаю, пью воды, хожу, завтракаю, принимаю солнечную ванну, хожу, принимаю щелочную ванну, еду в Кисловодск и там до ночи болтаю глупости с Форкати² и В. Н. Давыдовым. Так каждый день. Игорь, который болел тифом, — поправился. Жена, кажется, чувствует себя недурно. Как чувствует себя Ол[ьга] Леон[ардовна], Мария Павловна? Очень хочется повидать Вас всех поскорее. У меня уже началась сезонная лихорадка. Хочется поскорее закончить с «Цезарем» и приняться за Чехова. Имейте в виду, что я, на всякий случай, — записал в фонограф свирель пастуха³. Выходит чудесно...

Крепко жму Вашу руку, целую ручки Ол[ьге] Леонард[овне], Марии Павловне и Вашей матушке.

Искренно преданный и любящий Вас К. Алексеев.
Уезжаю отсюда 1 августа в Москву.

1903, октябрь. Понедельник.

Дорогой Антон Павлович!

Я сержусь на Вас? Какое же я имею на это право? Не вижу и оснований. — Очевидно, Вы не знаете, на сколько я Вас чту. — Если б я услышал, что Вы сделали преступление, я бы ни на секунду не усумнился в Вашей правоте.

Разве я не понимаю, что Вы не можете писать пьесу к сроку и по заказу. Для этого нужно быть бездарным Крыловым¹, а не гениальным Чеховым. Я не могу умерить своего нетерпения прочесть пьесу и начать ее репетировать... Это правда.

Меня тревожит боязнь, что Ваша пьеса появится на сцене в конце сезона и не успеет на шуметь настолько, чтоб публика, проглотив все глупости, кот[орые] о ней будут писать, — составила бы себе надлежащее о ней представление... Правда и то, что со вчерашнего дня мы все затосковали о Вашей пьесе. — Вчера был радостный день. Мы все ожили после «Цезаря»... Мы играли после долгого перерыва «3 сестер». Повторилась прошлогодняя история на репетиции. — Сошлись, чтобы проговорить пьесу, увлеклись и сыграли ее для себя во весь тон. Вчера играли вторично перед публикой.

Давно я не играл с таким удовольствием.

Прием восторженный, и, по окончании пьесы, овации у подъезда. Кажется, мы вчера играли хорошо.

Один из самых неприятных для меня людей на свете г. Любошиц² (Бо — из «Новостей дня») был в театре. Он не видал пьесы с первого спектакля и вчера пришел в неописан[ный] восторг. Я не сомневаюсь в том, что только вчера он ее понял, хотя неоднократно писал о ней глупости. Зин[аида] Григ[орьевна] Морозова³ с компанией была также в театре. Она редко приезжает к нам, и потому ее выезд на старую пьесу — меня удивил. Оказывается, она соскучилась по Ант[ону] Павлов[ичу]. Восхищалась пьесой и целый антракт вспоминала о Вашем визите к ней. Говорила умно и тонко. — Покаюсь Вам, что я недавно только пришел в себя, после моего жестокого провала в Бруте. Он меня до такой степени ошеломил и спутал, что я перестал понимать: что хорошо и что дурно на сцене. В день спектакля, ночью, я написал Вам отчет об первом представлении, но должен был разорвать его, до такой степени он был написан в мрачных тонах. Теперь настроение изменилось, хотя я не выяснил себе: в чем моя ошибка в исполнении Брута. Жизнь создавалась каторжная, т. к. приходится играть 5 раз в неделю неудавшуюся и утомительную роль — в одной рубашке и в трико. Тяжело, холодно и чувствуешь, что «никому ж это не нужно!» Жду пьесу с большим нетерпением. Преданный и любящий Вас К. Алексеев.

Телеграмма.

1903, октября [20].

Ялта Москвы

Сейчас только прочел пьесу. Потрясен не могу опомниться. Нахожусь в небывалом восторге. Считаю пьесу лучшей из всего прекрасного

Вами написанного. Сердечно поздравляю гениального автора ¹. Чувствую, ценю каждое слово. Благодарю за доставленное уже и предстоящее большое наслаждение. Будьте здоровы.

Алексеев.

22.

1903, октябрь [20].

Дорогой Антон Павлович!

✓ По-моему, «Вишневый сад» — это лучшая Ваша пьеса. Я полюбил ее даже больше милой «Чайки». Это не комедия, не фарс, как Вы писали, — это трагедия, какой бы исход к лучшей жизни Вы ни открывали в последнем акте. Впечатление огромно, и это достигнуто полутонами, нежными акварельными красками. В ней больше поэзии и лирики, сценичности; все роли, не исключая прохожего — блестящи. Если бы мне предложили выбрать себе роль по вкусу, — я бы запутался, до такой степени каждая из них манит к себе. Боюсь, что все это слишком тонко для публики. Она не скоро поймет всех тонкостей. Увы, сколько глупостей придется читать и слышать об пьесе. Тем не менее успех будет огромный, так как пьеса забирает. Она до такой степени цельна, что из нее нельзя вычеркнуть слова. — Может быть, я пристрастен, но я не нахожу никакого недостатка в пьесе. Есть один: она требует слишком больших и тонких актеров, чтоб обнаружить все ее красоты. Мы не сможем этого сделать. При первом чтении меня смутило одно обстоятельство: я сразу был захвачен и зажил пьесой. Этого не было ни с «Чайкой», ни с «Тремя сестрами». Я привык к смутным впечатлениям от первого чтения Ваших пьес. Вот почему я боялся, что при вторичном чтении пьеса не захватит меня. Куда тут!!! Я плакал, как женщина, хотел, но не мог сдержаться. Слышу, как Вы говорите: «Позвольте, да ведь это же фарс»... Нет, для простого человека это трагедия. Я ощущаю к этой пьесе особую нежность и любовь. Я почти не слышу критики, хотя актеры любят критиковать. На этот раз, как-то все сразу подчинились. Если же и раздается голос критика, я улыбаюсь и не даю себе труда спорить. Я жалею критикующего. Кто-то сказал: самый лучший акт 4-й, а наименее удачный это 2-й. — Мне смешно, и я не спорю. Начинаю только припоминать сцену за сценой 2-го акта, и уже это лицо сбито с толка. 4-й акт хорош именно потому, что 2-й акт великолепен и наоборот. Я объявляю эту пьесу вне конкурса и не подлежащей критике. Кто ее не понимает, тот дурак. Это — мое искреннее убеждение. Играть в ней я буду с восхищением все и если было бы возможно — хотел бы переиграть все роли, не исключая милой Шарлоты. Спасибо Вам, дорогой Антон Павлович, за большое наслаждение, уже испытанное и предстоящее. — Как бы я хотел бросить все, освободиться от ярма Брута — и целый день жить и заниматься «Вишневым садом». Противный Брут давит меня и высасывает из меня соки. Я его еще более возненавидел после милого «Вишневого сада». Крепко жму Вашу руку и прошу не принимать меня за психопатку.

Любящий и преданный К. Алексеев.

Телеграмма

1903, октября 21.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Чтение пьесы труппе состоялось. Исключительный блестящий успех. Слушатели захвачены с первого акта. Каждая тонкость оценена. Плакали в последнем акте. Жена в большом восторге как и все. Ни одна пьеса еще не была принята так единодушно восторженно.

Алексеев.

[1]903, октября 31.

Дорогой Антон Павлович!

Сейчас 1½ часа ночи, все спят, а я вернулся домой после 18-го спектакля ненавистного мне «Цезаря». Захотелось написать Вам, но нашелся только этот листок бумаги. Простите, пишу на нем, чтобы не будить жену розысками бумаги. Наконец, с завтрашнего дня приступаем к Вашей пьесе. Мы и то непростительно потеряли целую неделю. До сих пор путаются в ролях. Сам я решил сделать так: учу и готовлю 2 роли: Лопахина и Гаева. Не могу сказать: какую роль хочу больше. И та и другая чудесны и по душе. Правда, Лопахина боюсь. Говорят, что [у] меня не выходят купцы, или вернее, выходят театральными, придуманными... Лопахин, не правда[ли], хороший малый — добродушный, но сильный. Он и Вишн[евый] сад купил как-то случайно и даже сконфузился потом. Пожалуй, он и напился поэтому. Гаев, по-моему, должен быть легкий, как и его сестра. Он даже не замечает, как говорит. Понимает это, когда уже все сказано. Для Гаева, кажется, нашел тон. Он выходит у меня даже аристократом, но немного чудаком. — Мы живем на новой квартире¹, чудесной, даже слишком хорошей и роскошной. Очень жаль мать², которую пришлось оставить у Красн[ых] вор[от] с сестрой³. Мы, да и она сама думала, что ей будет удобнее, а оказалось нет. 2 раза в нед[елю] бывают сборища детей — 1 раз ради танцев [Манохин]⁴, в другой раз — лекция по естествен[ной] истории⁵ тоже для детей. Это их оч[ень] забавляет. Жму Вашу руку и иду спать.

Ваш К. Алексеев.

1903, ноября 1.

Дорогой Антон Павлович!

Сейчас Ол[ьга] Леон[ардовна] говорит, что Вы не получаете от нас никаких писем. Между тем я послал Вам 2 больших письма (в одном из них излагал мои безумные восторги о «Вишне[вом] саде»). Я считаю эту пьесу лучшей из всех. Люблю в ней каждое слово, каждую ремарку, каждую запятую. Кроме того, вчера я послал записочку. Неужели и Вы можете еще сомневаться в своем гении? — Тогда нам — скромным труженикам — это простительно. Я переживал и переживаю такие тяжелые минуты.

Я сел писать Вам о пьесе после первого с ней знакомства. Хотел подробно разбираться в впечатлениях и кончил тем, что стал огулом хвалить все. А заключение было таково: если кто не поймет пьесу, значит тот — идиот. В этом мнении я укореняюсь все больше и больше.

Сегодня, наконец, Симов спихнул «Одиноких»¹ (они нужны нам для того, чтобы освободить некоторых, в том числе и меня, для репетиций «Вишневого сада»). Сегодня мы засели за макеты. 1-й акт труден. Ол[ьга] Лео[нардовна] говорит, что должны быть следы прежней широкой барской жизни. Но не должен ли быть дом довольно или даже очень ветх? Лопахин говорит, что он снесет его. Значит, он действительно никуда не годится. Иначе он применил бы его к даче и сдал бы на следующее лето. Или починил бы его и продал.

Дом деревянный или каменный?² Мож[ет] быть середина каменная, а бока деревянные? Мож[ет] быть низ камен[ный], а верх деревян[ный]. Еще одно недоразумение. <В этом доме>. В третьем акте виден зал, а в 4 — сказано: зал в нижн[ем] этаже. Итак их два?

Летом я записал фонографом рожок пастуха. Того самого, которого Вы любили в Любимовке. Было чудесно, и теперь этот валик оч[ень] пригодится.

Завтра, надеюсь, напишу еще, а пока до свидания. Начинаем 3 действие «Трех сестер». — Звонят. Играем сегодня хорошо, с увлечением.

Любящий К. Алексеев.

26.

Вчера и третьего дня посылал такие же записочки.

1903, ноября 2.
Воскресенье.

Дорогой Антон Павлович!

Кажется только сейчас нашел декорацию первого акта. Она очень трудна. Окна должны быть близко к ав[ан]сцене, чтобы всей зале и внизу и наверху был виден вишневый сад; 3 двери; хочется, чтоб был виден хоть уголок комнаты Ани, светлой, девственной. Комната проходная, но надо, чтоб чувствовалось, что здесь (т. е. в детской) уютно, тепло и светло; комната заброшена, и чувствуется легкое опустошение. Кроме того, надо, чтоб декорация была удобна и с многими планировочными местами. Кажется, теперь удастся выразить все это. Помните, в прошлом году Симов показывал Вам макет, выработанный для тургеневской «Где тонко, там и рвется». Тогда мы решили, с Вашего одобрения, сохранить декорацию для последн[его] акта Вашей пьесы. Я смотрю на макет теперь и нахожу, что с некотор[ыми] изменениями он очень подходящ (для 4 акта). Если вы помните макет, — нет ли у Вас каких возражений? Сейчас начался 3 акт «Дяди Вани». Прием восторженный, 89-й спектакль и сбор 1 400 рублей, не смотря на то, что вчера шли «3 сестры» (тоже Чехова). Итак 140 р. Вы сегодня нажили. Это не важно. А знаете, что важно: только в нынешнем году публика Вас раскусила. Никогда не слушали так Ваши пьесы, как в этом году. Гробовая тишина. Ни одного кашля, несмотря на ужасную погоду. Бедный Вас[илий] [Вас[ильевич]]

Калужский. Сегодня похоронил отца и вечером принужден играть. Пока он бодр и крепится. Жму Вашу руку. Завтра постараюсь написать, если не оч[ень] измучаюсь после «Цезаря». Сегодня играю 7 день сряду. «Устал, Федор Ильич!»¹.

Любящий и преданный К. Алексеев.

Сегодня в театре С. И. Мамонтов² и Суллержицкий (опять вынырнул и появился)³, похудел, но бодр.

27.

1903, ноября [3].

Дорогой Антон Павлович!

Сегодня получил Ваше письмо по театральн[ому] адресу. Спасибо за него. На всякий случай, сообщаю Вам, что мы живем теперь в Каретном ряду, против театра Эрмитаж, в доме Маркова. Помните желтый 2-х этажн[ый] камен[ный] дом казен[ного] типа.

Прежде всего отвечаю Вам на письмо по пунктам. Не пойму, что делается с почтой. Вот как было дело: в субботу (допустим) получили Вашу пьесу в театре, во время репетиции «Одиноких», меня не было. — Влад[имир] Ив[анович] не мог удержаться, бросил репетицию и стал читать пьесу. — Я пришел, когда пьеса была прочтена. В тот же день он послал телеграмму. На следующий день утром, я читал пьесу и в тот же день послал телеграмму. На следующий день, т. е. в понедельник, читали пьесу актерам, вечером я послал другую телеграмму (кажется, Владимир Иванович сделал то же). Во вторник я написал Вам письмо. Потом был перерыв в моих письмах, т. к. я очень устал и чувствовал себя плохо; 5 дн[ей] тому назад я возобновил посылку таких записок. 5 дней посылал их без пропуска.

Даю Вам клятву, что я люблю все роли в пьесе и держусь исключительно одной точки зрения при распределении ролей: «как будет выгоднее для пьесы, как показать публике прелесть каждой роли». Лопехин мне очень нравится, я буду играть его с восхищением, но я боюсь: пока не нахожу в себе нужного тона. Ищу же я его упорно и с большим интересом. В том-то и трудность, что Лопехин не простой купец, с резкими и характерными его очертаниями. Я его вижу именно таким, как Вы его характеризуете в своем письме. Надо очень владеть тоном, чтобы слегка окрасить лицо бытовым тоном. У меня же пока выходит Конст[антин] Серг[еевич], старающийся быть добродушным. Из письма Вашего я чувствую¹, что Вам хочется, чтоб эту роль играл я. Очень горжусь этим и буду искать в себе Лопехина с удвоенной энергией. Вот Лопехина — Вишневого — никак не представляю. Так, как он есть, — он ни с какой стороны не подходит.

1903. Ноября 3
понедельник.

Когда же Вишневский пытается быть характерным, — это ужасное ломание. Я чувствую, как он будет пользоваться[ся] не мягкими чертами Лопехина, а грубыми, — но эффектными для публики. Об Вишневск[ом] был разговор и раньше, но я до сих пор не представляю себе такого Лопехина. Леонидова представляю; он сам мягкий и нежный по

природе, крупная фигура, хороший темперамент. Казалось бы все данные. Одно страшно, он не всегда бывает прост на сцене. Иногда скаывается актерщина в тоне. Против Вишневого говорит еще одно обстоятельство. Ему надо много работать над ролью, а он, бедный, измучен очень сильно. Утром занят хозяйственной частью, а по вечерам — каждый день играет. С тех пор как начался сезон, он ни одного вечера не отдыхал. Сейчас он нервничает, хандрит и опять стал похож на женщину. Вот что сильно огорчает нас всех, — это то, что Вы не можете совсем оправиться. До слез обидно и очень скучно без Вас. Мы все мечтаем, что Вы будете приходить в нашу квартиру и греться на солнышке, у нас его так много.

Ну, бог даст, Вам станет лучше, и Вы скоро будете среди нас, на большую радость всех любящих Вас. На Пасхе мы едем в Одессу на 20 спект[аклей]. Пора итти играть, тороплюсь.

Любящий и преданный К. Алексеев.

28.

1903, ноября 5 среда.

Дорогой Антон Павлович!

Вчера не писал Вам — по Вашей же вине. Я был свободен, ко мне приехал по делу Серг[ей] Саввич Мамонтов¹. Он уезжает на-днях в Японию специальным корреспондентом от «Русск[ого] Листка». Свою службу у Сапожникова² он бросил и делается газетным работником. Он так умолял меня прочесть ему Вашу пьесу, что я не выдержал, и мы засели за чтение. Вы простите мне мою слабость, принимая во внимание его любовь к Вам, его мольбу и продолжительную отлучку, благодаря которой он не увидит и не скоро будет иметь возможность прочесть пьесу. Впечатление огромное. Я зачитался и отмахал всю пьесу. По окончании мне пришлось уйти от него, и он, кажется, вторично прочел пьесу без меня. Он согласен со мной, что ничего подобного Вы еще не писали. Есть одно дело по режис[серской] части. Не знаю почему, мне очень хочется видеть 3 и 4 акты в одной декорации³. В последн[ем] акте разрушенной и приготовленной к отъезду. Это, право, не из дурной сентиментальности. Мне чувствуется, что так пьеса будет уютнее, что публика сроднится с домом. Вторая зала вносит какую-то путаницу. Может быть она нужна Вам, чтобы еще больше оттенить бывшее богатство, но это выразится, мне кажется, и так. При одной декорации для 2-х актов — однообразия не будет, т. к. опустошение дома изменит совершенно настроение 3 акта. Мы будем продолжать вырабатывать макет, а тем временем, м[ожет] б[ыть], Вы напишите 2 слова... Еще вопрос: что Епиходов, Дуня — могут сидеть при Лопяхине? ⁴ По-моему, да.

Сейчас играем «Цезаря». Начинается форум. В театре сидят предводители 15 губерний. Ради «Цезаря» они отменили заседание. Сегодня ждали в театре и вел[икого] князя⁵, но у него умерла племянница, и они изволили отбыть из Москвы. До завтра, дорогой Антон Павлович, будьте здоровы.

Преданный и любящий К. Алексеев.

1903, ноябрь [7].

Дорогой Антон Павлович!

Перечитывал Ваши письма и исправляю в них одно недоразумение: Серг[ей] Саввич поехал в Японию не от «Русского Листка», а от «Русск[ого] Слова», по просьбе Дорошевича¹. Теперь я покоен: я восстановил честь милого Сережи. Он намеревается издать книгу, если поездка его удастся. Репетиции идут каждый день. Работают энергично². Некоторые находят интересн[ые] тона. У Ол[ьги] Леон[ардовны] есть интересные намеки. Кажется, я нашел что-то подходящее для Гаева³. Жена играет Аню, а нашла прекрасный тон для Шарлоты. Надо будет привить его Муратовой. Каждый день мысленно благодарю Вас за пьесу: такое наслаждение работать над ней. Одно горе — это «Цезарь». Хочется бросить все и только думать об «Вишн[евом] саде». — Только разоидешься во всю, только взойдешь в настроение, а тут Брут с тяжелым, жарким плащом, голыми ногами, холодными латами и длиннейшими монологами. Играешь и чувствуешь, что никому это не нужно.

Сегодня, слава богу, — 4 град[уса] мороза, но снега мало и потому дорога — невозможная. Может быть, скоро увидимся. Вчера опять не писал Вам. Шли «Столпы общ[ества]». Я не схожу со сцены, а антракты — маленькие. — Утром была репетиция. У «Цезаря» есть только одна хорошая сторона. Есть время писать Вам эти записки, которые доставляют мне удовольствие, но едва ли очень развлекают Вас. Нет интересных тем. Жизнь однообразна. Сегодня в театре М. Е. Дарский и художник Богданов-Бельский⁴. Он жертвует нам в фойе свою картину.

Любящий и преданный К. Алексеев.

30.

Телеграмма

1903, ноября 11.

Ялта Крым Антону Павловичу Чехову Москвы

Всем ясно, что действие происходит гостиной, а не гостинице. Описки нет, не волнуйтесь. Кланяемся.

Алексеев.

31.

1903, н[оября] 13 четверг.

Дорогой Антон Павлович!

Безобразие! .. Вот уже 5 дней, как я не писал Вам. В субботу — первый спектакль возобновленных «Одиноких». — Участие Качалова (за [...]) оживило весь спектакль. Да и старые исполнители и исполнительницы выросли, как актеры. Может быть, кто знает, публика стала лучше понимать. По той или иной причине, спектакль имел оч[ень] большой успех как художествен[ный], так и материальный. Итак волнения первого спектакля лишили меня возможности писать. В воскресенье — первая беседа «Вишнев[ого] сада», а в 4 часа свадьба дочери того директора, который заменяет меня на фабрике. Пришлось быть и сидеть до конца, чтоб не обидеть. В понедельник и вторник

утро планировка <репетиция> — [зачеркнуто К. С. — И. Ф.] макетов на сцене и составление новых макетов, проба и т. д. на сцене. Это очень утомительная вещь, когда надо торопиться и напрягать фантазию. По вечерам «Цезарь», а после него — почти безжизнен[ный] труп. Вчера весь день был свободен от театра. Я должен был в один день написать планировку 1-го акта. Был в духе и потому удалось. Писал не разгибаясь, и, с непривычки, так устала рука, что едва дописал спешное. Сегодня утром читалась планировка актерам, а меня услали домой, чтобы продолжать 2 акт. Только что я расположился с удовольствием, меня зовут в переднюю. Оказы[вается] учительница детей¹, придя давать им уроки, упала на пол, и с ней приключился удар. Поднялся Содом. — К обеду ждали гостей. Все стали собираться, доктора гости... Конечно, всем отказали, кроме близких, в числе которых остались Ол[ьга], Леон[ардовна] и Мар[ия] Павл[овна]. Больная в тяжелом положении лежит у нас, а я должен был ехать на «Цезаря». В антракт[е] пишу Вам. Вот мой дневник этих дней. Репетиции начались и очень дружно. Я по-прежнему играю Гаева². Леонидов пробует Лопух[ина]. Это произошло отчасти потому, что я боюсь играть купцов, отчасти потому, что при Гаеве мне возможно участвовать в постановке. При Лопухине — (кот[орым] пришлось бы оч[ень] много заниматься) — трудно. Ол[ьга] Л[ео]нардовна и М[ария] П[авл]овна здоровы. Очень соскучились по Вас. Будьте здоровы. Жена шлет в хлопотах свой привет.

Ваш К. Алексеев

32.

1903, ноября 15.

Дорогой Антон Павлович!

Вчера опять не писал, хотя не играл, а только репетировал утром. Я думал писать планировку «Вишн[евого] сада»: вчера в воскресенье захворала Желябужская, и в воскресен[ье] идут «Столпы общ[ества]». В понедельник же планировка необходима. Вот мне и пришлось работать вчера — залпом, до половины ночи. Все-таки написать не успел. Не писалось. Был утомлен и озабочен болезнью учительницы детей. Несмотря на наши протесты, родные увезли ее от нас, и ей стало хуже.

Спасибо за Ваше письмо. Оно меня сконфузило, но я не беру на себя так много. Дорожу и пользуюсь каждым Вашим замечанием даже и об декорациях. Макет 3 акта выходит удачно. Я начинаю колебаться, т. к. <в нем> в этой декорац[ии] даль выйдет интереснее. Из макет[ов] опаснее всех — первый акт. Он совсем прост по планировке. Рассчитано на то, чтобы сад был лучше виден. Декорация зависит от письма. Удастся оно Симову — великолепно, нет — плохо. Из исполнителей никто еще не определяется. Разве Качалов — дает что-то интересное. Артем, как всегда, начал с Курюкова (из «Федора»). Это называется в эпических тонах... Боюсь немного за Муратову — Шарлоту. Большая, — в мужском костюме, — это может быть грубо... Вы пишете, что Ваш приезд зависит от Ол[ьги] Леон[ардовны]. К сожалению, она права, что не выписывает Вас. Погода ужасная. То снег выпадет, то стаивает. — Мостовые изрыты. Грязь, вонь. — Поскорее бы морозы.

До свидания, дорогой Ант[он] Павл[ович]. Надо идти играть

сцену в палатке. Вы спрашивали: почему я не люблю «Цезаря»? Очень просто: потому что не имею успеха и оч[ень] тяжело играть.

Любящий и преданный К. Алексеев.

Сегодня 25 спект[акль] «Цезаря».

33.

1903, но[ября] 19. Среда.

Дорогой Ант[он] Павл[ович]!

Вчера опять не было времени написать. — Был занят вторым актом и наконец кончил его. По-моему, получается очаровательный акт. Бог даст, декорация выйдет удачная. Часовенка, овражек, заброшенное кладбище среди маленького лесного оазиса в степи. Левая часть сцены и середина без всяких кулис, один горизонт и даль. Это сделано одним сплошным полу-круглым задником и пристановками для удаления его. Вдали в одном месте блестит речка, видна усадьба на пригорке. Телеграфные столбы и железнодорожный мост. Позвольте в одну из пауз пропустить поезд с дымочком¹. Это может отлично выйти. Перед закатом будет виден ненадолго город. К концу акта туман: особенно густо он будет подыматься из канавки на ав[ан]сц[ену]. Лягушачий концерт и коростель в самом конце. — Налево, на ав[ан]сц[ене] — сенокос и маленькая копна, на кот[орой] и поведет сцену вся гуляющ[ая] компания. Это — для актеров, им это поможет жить ролями. Общий тон декорации — левитановский. Природа — Орловск[ая] и не южнее Курск[ой] губернии.

Теперь работа идет так: вчера и сегодня — вел репетицию 1 акта Вл[адимир] Ив[анович], а я писал след[ующие] акты. Я еще не репетировал своей роли. Все еще колеблюсь относит[ельно] декорац[ии] 3—4 актов. Макет сделан и вышел оч[ень] удачно: с настроением и, кроме того, — зал расположен так, что всему театру будет виден. На авансцене что-то вроде боскетной при зале. Далее — лестница и биллиардная. На стенах нарисован[ные] окна. — Для бала эта декорация удобнее. Однако, какой-то голос шепчет мне все время, что при одной декорац[ии], измененной в 4 акте, спектакль будет легче — уютнее. На этих днях надо решать. Погода, увы, убийственная. Все опять стояло и часто идет дождь.

Ваш К. Алексеев.

34.

1903, ноября [24].

Дорогой Антон Павлович!

Опять перерыв, опять не дали писать целых 3 дня. Что же было за это время? Сейчас вспомню. — 20 не было спектакля. Утром репетировали. Потом было заседание, на котором решили ехать на Пасху и весну в Киев и Одессу. Это приятно потому, что, может быть, и Вам можно будет ехать с нами. Вот было бы хорошо? Надо думать, что в это время там тепло. . . Повезем все Ваши пьесы (увы, за исключением «Чайки»), «Одиноких», «Дно» и Штокмана¹. Вечером 20 — были у сестры (Анны Сергеевны), куда была приглашена вся труппа. Вечер не удался

и я делал наблюдения для 3-го акта «Вишн[евого] сада». — Вернулись поздно и очень устали. — 21-го была репетиция 2-го акта. Вечером я не играл. Хотел писать планировку, но ничего не вышло. Был совсем не в ударе. Вчера утром репетировали 2 акт, а вечером играли «Цезаря». Сегодня тоже репетировали 2 акт, и вечером играли «Д[ядю] Ваню». Сбор хороший (1 400 рублей); в театре сидит Ермолова² и очень аплодирует. — Что сказать об репетициях? Тона не найдены, хотя во 2-м акте наворачиваются. Искания тонов и образов, конечно, задерживают общую репетовку. С каждым спектаклем нам становится все труднее и труднее перевоплощаться и быть разнообразн[ыми]. Чудится, что и вся пьеса пойдет в каком-то ином тоне, чем предыдущие. Все будут бодрее, легче... Словом, хочется пользоваться акварельными красками. — Да! Сегодня произошел большой скандал в университете. Вл[адимир] Ив[анович] поехал туда читать пьесу (1 акт «Вишневого сада»). Студенты, обижен[ные] тем, что им дали мало билетов, ворвались до начала заседания, выломали двери и заняли все места. Приехавшей публике не хватило мест. Заседание отменили, и Веселовский³ бежал. (Представляю себе эту картину и невольно вспоминаю Серебрякова-Лужского)⁴. Будьте здоровы. Преданный и любящий К. Алексеев.

35.

1904, январь.

Дорогой Антон Павлович!

Дорошевич просил прислать ему пьесу. Надо было исполнить его просьбу, чтобы не раздражить.

Он возвратил пьесу вместе с прилагаемым письмом.

Прочтите его.

Преданный Вам К. Алексеев.

36.

Телеграмма.

1904, апрель 2.

Ялта Чехову Петербурга

Успех «Вишневого сада» у публики очень большой несравненно больший Москвы. С третьего акта сильно вызывали автора. Знатоки восторгаются пьесой. Газетчики мало понимают. В труппе большой подъем. Я торжествую. Поздравляю.

Алексеев.

37.

1904, июня 3.

Любимовка.

Дорогой Антон Павлович!

Я опять захворал и не могу выезжать. Мне не придется Вас проводить, и я очень грущу об этом. Жена передаст Вам это письмо и пожмет Вашу руку за меня. Мысленно буду с Вами, постоянно буду вспоминать о Вас и желать, чтобы поскорее ободрились и за лето окрепли настолько, чтобы провести всю будущую зиму безвыездно — в Москве. Будьте здоровы и не забывайте

Любящего и душевно преданного К. Алексеева.

1904, июня 20.

Любимовка.

Дорогой Антон Павлович!

Мы все и москвичи не имеем от Вас известий и волнуемся. Из открытого письма Ольги Леонардовны к жене мы знаем, что Вы хорошо доехали до Берлина, а далее... не знаем. Дай бог, чтобы Вы устроились хорошо и чтоб погода была не такая, как у нас. В Москве: холод, ежедневные дожди и грозы, холодные ночи и, как Вы, вероятно, знаете из газет, был ужасный циклон, натворивший много бед. Он прошел от Подольска к Ярославлю. Задел Люблино [около Царицыно], Лефортовскую часть, Сокольники, Мытищи (около нас) и т. д. От столетнего парка в Люблине не осталось ни одного дерева. Почти со всех дач сорваны крыши, а некоторые разрушены. Многие деревни срыты до основания. Лошади, коровы, экипажи, бревна, крыши летали в воздухе. В Мытищах ураган подхватил 8-летнего мальчика. Его нашли живым в Сокольниках (около 10—15 верст). Были и комические случаи. Ветер ворвался в квартиру нотариуса или судьи. Там ураган переломал всю мебель, отворил все шкафы и по всему кварталу разбросал деловые бумаги и протестованные векселя. Карету с Иверской¹ опрокинуло, и икону доставили в ближайший полицейский участок. Там, вероятно, составлен протокол. К счастью, сравнительно, мало убитых и раненых. Убитых насчитывают около 100, а раненых немного более. Меня не было в Москве в этот день. Я был в Старой Руссе. Первые, краткие сообщения об урагане я узнал в дороге. Судя по ним, можно было предположить, что ураган задел и Любимовку и Яузский участок (где живет теперь мать)... Я провел пренеприятную ночь в вагоне и с большим трепетом подъезжал к дому. К счастью, у нас все благополучно. Была только гроза с градом, величиной в большой орех. В Москве падали куски льда <величиной> весом в 1—1½ фунта. В конце июня я выезжаю за границу с матерью. Вероятно, поедем в Contrexeville. Все это время я чувствовал себя очень плохо. Вероятно, реакция после сезона: слабость, плохой сон, склонность к простуде, нервность и т. д. Последнее время стал чувствовать себя лучше. Жена полнеет и очень сильно. Чувствует себя лучше. Об театральных не знаю ничего. Пока, кажется, никого еще не забрали в солдаты. Собинова взяли и, говорят, отправляют на войну. Стахович в Ляояне и писем не пишет, получаем только открытки. Он здоров. В Старой Руссе ожидают гастролей Марии Федоровны. Она будет играть «Бесприданницу», «Потонувш[ий] колокол», «3 сестры», «Мещане» (Елену), «Снег», «Звезды» (Бара), «Одинокий путь» (Шницлера), «Цена жизни», «Одинокие», «На дне» и пр. и пр. Я с утра и до вечера читаю. — Сейчас перечитываю всего Чехова и наслаждаюсь. Жена, мать, дети шлют поклоны Вам и Ол[ьге] Леон[ардовне]. Я целую ее ручки. Будьте здоровы и не забывайте

преданного и любящего Вас К. Алексеева.

1.

Телеграмма

1900, марта 28.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

Христос воскрес! Поздравляем, желаем всего лучшего. Скучаем без Вас.

Константин Мария Алексеевы.

2.

Телеграмма.

1900, августа 21.

Ялта Антону Павловичу Чехову Алупки

Завтра переезжаем Ялту.

Алексеевы.

3.

Телеграмма.

1903, января 2.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Поздравляем новым годом Сердечно желаем будущие года встречать вместе в Москве, с нетерпением ждем тепла, чтобы увидеть Вас среди искренно любящих Вас артистов Художественного театра.

Алексеевы.

4.

Телеграмма.

1903, января 17.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

Поздравляем дорого именинника. Душевно желаем всего лучшего. Искренно сожалеем, что он не с нами. Вишневский присоединяется ко всему сказанному.

Константин Мария Алексеевы.

5.

Телеграмма.

1903, февраля 25.

Ялта Антону Павловичу Чехову Москвы

«Столпы» прошли довольно большим успехом, газеты хвалят. Эфрос ругает. Ольга Леонардовна играет хорошо. Кланяемся.

Алексеевы.

6.

Телеграмма.

1903, марта 27.

Ялта Антону Павловичу Чехову Петербурга

Большой успех пьесы и исполнения. Ольга Леонардовна восхитительна. Шлем привет. Все здоровы.

Алексеевы.

Телеграмма.

1903, апреля 9.

Ялта Чехову Петербурга

«Дядя Ваня» огромный успех. Декорация первого акта изумительна. Все здоровы. Кланяемся.

Алексеевы.

М. П. АЛЕКСЕЕВА — А. П. ЧЕХОВУ

1.

[Визитная карточка]

1901, апрель.

Мария Петровна Алексеева. Христос воскрес! Шлю Вам мои сердечные пожелания, всего лучшего.

Любящая Вас М. Алексеева.

2.

1902, января 27.

Добрейший и милый Антон Павлович!

Вы так ласково вспомнили меня в Костином письме¹, что я сама хочу поблагодарить Вас и сказать: «Ваша любовь трогает меня, и я могу отвечать взаимностью, вот и все». На этих словах вместо того, чтобы нюхать табак, пью большую ложку брома, т. к. расстроила свои нервы до такой степени, что меня уложили в постель, запретили играть целую неделю и потчуют разными успокоительными средствами, причем каждый из знакомых настоятельно требует, чтоб я принимала его средство. Я беру все рецепты и показываю своему доктору с просьбой назначить мне то или другое, а он приходит в отчаяние и просит меня никого не слушаться. В театре идут репетиции «Мещан». Я, к сожалению, в них не участвую, но и не могла бы, т. к. и со старым репертуаром не могу справиться. Сама на репетициях не была, но слышала от всех, что чудесно выходит роль у Ольги Леонардовны, а Костя мало того, что хвалит ее, начал за ней ухаживать; (конечно тут говорит немного и моя ревность) но все же не мешало бы Вам написать ему вместо любезного — грозное письмо. К чести Ольги Леонардовны должна сказать, что хотя природа оделила ее большой долей кокетства, но никакого повода к ухаживанию она ему не подает. За сим-с когда же мы Вас удивим? Все об Вас соскучились. Поздравляю Вас от души за полученную за «Трех сестер» премию. На последнем 50-ом спектакле был Боборыкин, он меня очень хвалил за Наташу. Вишневский получил

плато из цветов и все Ваши сочинения в переплете. Я спросила, кто ему поднес, он говорит: «вероятно, студенты». Ну, это он сочиняет. Итак до свидания, крепко жму Вашу руку и остаюсь любящая Вас искренно

М. Алексеева.

Будьте здоровы, веселы!

Сердечный привет Горькому, если увидите.

3.

1902, августа 7 (почт. шт.) Люцерн.
Открытое письмо. Russic. Moscou. Россия. Москва.
Красные ворота, дом Е. В. Алексеевой для передачи Е. В. Антону Павловичу Книппер-Чехову.

Многоуважаемый и любезный Антон Павлович! Хороша ли рыба в Клязьме и кушаете ли Вы уху собственной ловли? Нравится ли Вам воздух Любимовки и не слишком ли тамлюдно для вдохновения? На эти вопросы жду ответа от Ольги Леонардовны, чтобы Вас не отрывать от рыбной ловли. Крепко жму Вашу руку,

преданная Вам М. Алексеева.

4.

1903 г., февраля 2.

Милый Антон Павлович!

Давно собираюсь написать Вам, но все не соберусь с духом. Как-то настроение и нервы плохи эту зиму. Сейчас лучше, репетиции подбодрили меня, и я 2 раза с удовольствием играла Соню. «Наташу» не решаюсь, роль хотя меньше, но я в ней сразу больше говорила, и это мне труднее. В «Столпах» играю маленькую роль жены консула; но вот проклятая пьеса, репетируем ее без конца, и на французский лад, и на норвежский, и все толку нет. Мудреный старик этот Ибсен, никак его не поймешь, т. е. духа его! Получили ли Вы жетон «Чайки»

..... Сегодня было заседание Правления по поводу репертуара будущего года: одна грусть—пьес никаких; впечатление такое, как будто из многих роскошных старых платьев хотят сделать современное, хотя бы только приличное платье, но как ни прикидывают, цельного платья не выходит. Взять хоть Ибсена, в каком направлении ни возьмешься его играть, все узко выходит; а прикладу к его материи—страсть, разорение. Вишневский грызет пальцы от жадности и не отпускает денег на дамские туфли (а нам хочется на эту пьесу белые или желтые курортные туфли, а Ол[ьге] Леонар[довне], сапоги)¹. Вишневский говорит: пускай берут сапоги из «Царя Федора», он редко идет, а сапоги крепки, а нам предлагает сандалии из «Антигоны», а то их мошь ест. Вот какие дела пошли. Поговорили о «Юлии Цезаре». Но тут оказались препятствия еще посерьезнее: ни у одного, даже первого артиста нет подходящих ног для римского костюма; опять начали перебирать: «Месяц в деревне», «На всякого мудреца», «Ревизора», «Горе от ума» и окончательно ни на чем не порешили. Вся надежда: Чехов напишет и Горький напишет.

Дарамъ Андрей Павловичъ
Касатъ передае мнѣ Пачу
актанъ и поминание, въ
забвѣннѣ Шуринъ. свѣдѣ
афранко наша пачетъ и
свѣдѣно, что о за всѣмъ
не афранко пачетъ нашъ.
Но пошто ели ели свѣдѣно,
Давидъ ели, и пачетъ
но о ели бачо. Оли ели
свѣдѣно, что у. Оли бачо
Брацманъ и бачо и бачо

Благодаря очень много кабардчанам
а, в это время у нас ездил
Кинешевский, но я много выжи-
ло и не успел убраться по-
прежнему. Так же как и
уехали на Кавказ и тут же уе-
здили снова обратно. В ка-
бинет на Марку Толстого,
на одноклассное место, все-таки
мне было приятно, потому что
сразу же, а понравился и
рабочий мой так, что по-
лучилась, была, и я думаю,
все мои дела мои. Вниматель-

найти моего нафрасия в сурин
мочи, лифало "набну" унаго рю, 2ч
акти и елика почитавали нас
Но думаю, что дватом бадорин
и пощоварно томенам бона
непродасимная преграда. Не
плати сред нас, сред ирачирин
наши свое село, без этого не
офну реисривать. Убоимы
смафавичеи, зр оуно евоар-
дильна нести бонна почитавали
и много село Калери. Ура! ура!
ура! А как ты и в радужном го
наш, за год и за тесть. Моно
каждого нас сами иридеи? Ну,

времени как же будет на откры-
тии? Это невообразимо, и мы все же
мыслим, что Антон Павлович, если
будет время, он непременно
придет, все же, конечно, он не может
и не сможет прийти к нам
у себя, ~~только~~ в нашей квартире
нам так много работы.

Антон Павлович все время
идет к нам, все время идет к нам
идет к нам; куда же он придет к нам
наконец-то он идет к нам в
дерево Углича, завтра он поедет
туда в Углич и очень радуется.

Все же мы должны хорошо любить своих
друзей и радоваться им. Будет
друзья, друзья и все же и при этом
мы все же к нам все же к нам.

Автограф письма М. П. Лилиной к А. П. Чехову

Без Вас мы пропали, хоть закрывай театр. Помню, что уезжая Вы обещали приехать 1-го марта. Правда ли это?

О подробностях наших театральных дел не пишу Вам, т. к. Вы все знаете от Ольги Леонардовны. Как Вы себя чувствуете, пьете ли рыбий жир? Как погода? Уж должно бы веять весной.

Если сели писать пьесу, то не отрывайтесь для того, чтобы мне отвечать, а пришлите словечко в письме к Ольге Леонардовне.

Крепко, крепко жму Вашу руку и целую в лоб.

Искренно любящая Вас М. Алексеева.

5.

1903, сентября 11.

Дорогой Антон Павлович!

Костя передал мне Ваш поклон и напоминание, что я забыла Штрицкого. Меня тронула Ваша память и стало стыдно, что я за все лето не собралась написать Вам. Но лето мы жили неважно, довольно скучно и писать не о чем было. Вы, вероятно, слышали, что у Игоря был брюшной тиф и 6 недель надо было очень строго выхаживать его; в это время у нас гостил Вишневский, но я мало видела его и не пользовалась его присутствием. 5-го июля Костя уехал на Кавказ, и тут уже совсем стало одиноко. И все-таки, несмотря на Игореву болезнь, на однообразное лето, все-таки мне было приятнее, чем за границей, а поправились я и растолстела так, что хоть отбавляй; боюсь, что отнимут все молодые роли. В минуты поэтического настроения в лунные ночи читала «Чайку». Знаю 1-ый и 2-ой акт и слегка почитывала 4-ый. Но думаю, что двойной подбородок и неимоверно толстые бока — непреодолимые преграды. Все-таки жду Вас, чтобы прочитать Вам свою роль, без этого не стану репетировать. Извещена Стаховичем, что Ольга Леонардовна везет 3 акта новой пьесы и мне роль ханжи. Ура! Ура! Ура! Я счастлива и радуюсь за Вас, за себя и за театр. Только когда же Вы сами приедете? Неужели Вас не будет на открытии? Это невозможно, немыслимо. Милый Антон Павлович, мы будем жить в Каретном ряду, не высоко, близко от театра и можем приютить Вас у себя, так как в Вашей квартире Вам высоко ходить.

Любимовка вся полна воспоминаниями о Вас; все Вам очень кланяются; Кира очень просила Вас поклониться от себя и от Вашего друга Цыгана; завтра она получит шенка St. Bernard и очень радуется. Все мы целуем крепко Ольгу Леонардовну и радуемся ее увидеть. Будьте здоровы, бодры и веселы и приезжайте непременно к нашему открытию и новоселью. Костя от меня сбежал и живет в Тюрби, а я с детьми на даче, т. к. новая квартира не готова. Жму крепко Вашу руку.

Искренно любящая Вас М. Алексеева.

Недавно обедали с Костей в Эрмитаже и нам подали Штрицкое пиво, конечно, сейчас же стали говорить о Вас!

6.

1903, октября 10.

Дорогой Антон Павлович!

Давно получила Ваше милое письмо, но не ответила на него тотчас же, потом долго не могла засесть за письмо, т. к. начался переезд

и всякие мытарства. Теперь положение такое: новая квартира готова, можно бы жить, но у Киры¹ сделалась жаба с большим жаром и приходится сидеть у Красных ворот, куда нас приютила Бабушка. Сегодня Игорь² что-то скис, тоже жар и жалуется на желудок. Пожалуй, еще придется сидеть у Красных ворот. А уж как неудобно и неуютно. Маманя, бедная, совсем замоталась; только переехала с дачи, как пришлось ехать в Харьков, где сильно захворала *belle soeur* болями в печени; боли были такие невыносимые, что она даже заговаривалась. Хотели даже делать ей операцию; маманя, услышав об этом, наскоро собралась и поехала. И как будто только этого и нужно было: с ее приездом больной стало лучше, и теперь она поправляется. Простите, что пишу все о болезнях, но, окруженная ими, невольно и пишешь об них. О театре и «Юлии Цезаре», наверно, много и подробно писала Вам Ольга Леонардовна. Игруют его по 5 раз в неделю, пока успешно, но как нужна была бы Ваша пьеса. И актеры и зрители окунулись бы в настоящую жизнь, а то эти римляне занимательны, но не трогают. Может быть я ничего не понимаю и должна бы поскромнее выражать свое мнение.

Итак ждем пьесы, а Вас попозднее, т. к. погода ужасная. Вся Москва больна. Крепко жму руку и шлю самые горячие пожелания здоровья и вдохновенья.

М. Алексеева.

Письмо очень неинтересно. Знаю это и извиняюсь.

7.

1903, ноября 11.

Дорогой Антон Павлович!

Наконец-то мы получили роли. И я — Аню; почему-то когда Влад[имир], Иван[ович] читал пьесу, мне эта роль сразу понравилась, и я стала просить ее, чего не делала ни с одной ролью, а когда получила, испугалась, потому что главное в этой роли — молодость, а мне 37 лет. Пока шли дебаты и решали раздачу ролей, я стала думать о Варе, и она мне ясно представилась белокурая, полная, белая, гладко одета и причесана, очень деятельная и потому часто красная и потная, мечтает о монастыре, как о единственном месте, где не будет хлопотать. Сердечная, честная, привязчивая, обожающая Аню и в особенности Раневскую, говорит отчетливо, но скороговоркой, всегда торопится. Но я ее не играю и теперь это ни к чему. В Ане первая моя задача обмануть публику и близких, даже Вишневого, который давно твердит мне, что мне пора бросить играть детей. Все должно быть молодо, даже ноги; Влад[имир] Иванович смеялся и удивлялся. «Не все ли равно, какие ноги?»

По-моему, совсем другое; ноги, т. е. ступня девушки и женщины.

Когда читали пьесу, многие плакали, даже мужчины; мне она показалась жизнерадостной, и даже на репетицию этой пьесы весело ездить, а сегодня гуляя я услышала осенний шум деревьев, вспомнила «Чайку», потом «Вишневый сад», и почему-то мне представилось, что «Вишневый сад» не пьеса, а музыкальное произведение, симфония. И играть эту пьесу надо особенно правдиво, но без реальных грубостей;

так мне все кажется! Если Вам не трудно, напишите мне про Аню: как одевается, влюблена ли в Трофимова, о чем думает, когда вечером ложится в постель? А теперь сама пойду спать. Устаю с новой квартирой: хорошая квартира, в 2-х шагах от Вашей, но не все устроено, и все пристают. Костя очень устает, но пока здоров; он, дети, M-II Ernestine Вам кланяются; я крепко жму Вашу руку и жду Вас с нетерпением.

М. Алексеева.

St. Bernard — Цезарь жив и причиняет много хлопот.
Завтра меряю парики и заказываю особого покроя платье для Ани.

8.

1904, февраль.

Дорогой, милый Антон Павлович!

Так была уверена вчера, что увижусь с Вами сегодня, а вот сижу дома, все болит и никуда не гоюсь. Вчера пересидела и переела грибов, да и вся неделя отозвалась; на старости лет очень кутить не полагается. Итак до свидания, до скорого, до весеннего; всего Вам лучшего, счастливого пути, здоровья, и нас не поминайте лихом. Если в виду совместной работы были какие-нибудь недоразумения и погрешности с моей стороны, то простите Христа ради; и время теперь такое, что прощать надо. Но M-Me Ernestine и дети очень Вам кланяются и желают благополучного приезда в Ялту. Думала сегодня вечером поговорить с Вами об Ане. Вы говорите, что крик теперь лучше — это хорошо; а так ли я говорю: «Прощай дом, прощай старая жизнь», я говорю со слезами в голосе; раза 2 я пробовала говорить бодрым тоном, да не выходило. Вы скажите, как по Вашему? ¹ Скажите Ольге Леонардовне, она мне передаст. Итак до свидания, крепко жму руку, от души желаю Вам бодрости, здоровья и хорошего расположения духа. Привет Марии Павловне и Ольге Леонардовне.

Преданная Вам и любящая Вас

М. Алексеева.

9.

1904, июня 29.

Дорогой Антон Павлович!

Завтра высылаю пьесу ¹, извиняюсь очень перед Ольгой Леонардовной, что задержала ее, но не могла найти, с переездом на дачу засушила ее и только вчера нашла. Сегодня не могла послать ее, т. к. никто не едет в Москву и воспользовалась случаем, чтобы дочитать ее. Пьеса мне не нравится, есть несколько интересных взглядов, удачно выраженных, кот[орые] Ярцев сташил у какого-нибудь немецкого философа и для них придумал пьесу. Вот и все. А как будут играть последний акт, я не знаю! Он до того неестественен, что даже смешно. Впрочем я не судья, пьеса одобрена более компетентными людьми. Публике, может быть, она и понравится. Живем мы тихо, мирно и скучно, скучно главным образом потому, что погода убийственная, не проходит дня без дождя. Вы, вероятно, читали об урагане, но нас он, слава богу, миновал; холод осенний: каждое утро просыпаешься с надеждой, что будет тепло и ложишься с чувством злобы. По ночам 9 и 8 градусов только. О купании нечего и думать. Когда уедет Костя,

не знаю; он ждет маманю, а она затевает перед отъездом всякие дела, волнуется, вызывает сердцебиение и затягивает отъезд. Детишки тоже плохо поправляются в эту погоду, а отдыха остался еще только месяц. Получаю письма от Вишневого, он доволен Кавказом. Стахович ездил в Ляоян и вернулся благополучно в Читу. Качаловы живут где-то в старинном имении и жалуются на сырость и холод. Шенберга Александра призывают; жаль его очень. Калужский блаженствует с Перетой² и занят своей *mise en scène*. Суреньяц³ ленился и медленно пишет декорации. Симов отличается и делает чудесные макеты. Мария Федоровна⁴ дебютирует в Старой Руссе в июле и играет 10 новых пьес. Какова? Вот Вам все новости. Жму Вам крепко руку, а Ольгу Леонардовну целую, а обоих Вас люблю.

М. Алексеева.

Следующий раз буду писать Ольге Леонардовне; ягод мало, они очень дороги, не из чего варить варенье.

На конверте

Германия. Deutschland
Badenweiler
Villa Frederike
Monsieur Antoine Tchekow.

И. В. Федоров

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕПИСКЕ
К. С. СТАНИСЛАВСКОГО и М. П. ЛИЛИНОЙ
с А. П. ЧЕХОВЫМ
1899—1904

Количество писем в переписке К. С. Станиславского с А. П. Чеховым тридцать восемь. Семь телеграмм совместно с М. П. Лилиной и девять писем самой М. П. Лилиной.

Письма охватывают время с 1899 по 1904 год.

Текст писем печатается по подлинникам, хранящимся в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки СССР имени Ленина в Москве впервые полностью; частично в выдержках, публиковались ранее письма №№ 1, 2, 4, 7, 13, 17, 18, 19, 20, 22, 26, 27 [см. Ив. Федоров «К. С. Станиславский — А. П. Чехову», газ. «Советское искусство» 1938, 26 октября, № 143].

Письмо 1.

1. Ваш деревенский адрес — Ст. Лопасня Московско-Курской жел. дороги; километрах в 12—13 от нее находилось имение Мелихово, где Чехов жил с 1892—1898 гг.; там же он написал свою «Чайку».

2. Для Волги — речь идет о предполагавшейся поездке К. С. Станиславского на Волгу.

3. Мария Павловна — сестра А. П. Чехова. См. примечание к письму 17 В. И. Немировича-Данченко к А. П. Чехову.

4. Вашей матушке — Евгении Яковлевне Чеховой (1835—1920). Об отношении К. С. Станиславского к этой «прелестной старушке, всеми нами любимой» см. книгу «Моя жизнь в искусстве», глава «Поездка в Крым».

5. От жены — Марии Петровны Лилиной.

Письмо 2.

1. Завтра... будет стоять вагон... — речь идет, повидимому, о декоративной стороне при постановке «Трех сестер» Чехова.

Письмо 3.

1. Софья Андреевна Толстая — жена Л. Н. Толстого [1844—1919]. Вечер, о котором упоминается в письме не состоялся.

2. ... Написанную повесть «Кто прав?» — В 1896 году 4—7 ноября Л. Н. Толстой писал рассказ «Кто прав» для сборника, задуманного Д. Д. Оболенским в пользу голодающих. Написана была половина. Рассказ остался незакончен.

ным и появился в издании 12-м «Сочинений Л. Н. Толстого» в 1911 году; отрывки из рассказа публиковались в газ. «Русские ведомости» 1901, № 77 и «Новое время» 1901, 24 марта, № 9005 [Сообщ. Н. Н. Гусев].

3. Оробел в присутствии Льва Николаевича. — Первая встреча К. С. Станиславского с Л. Н. Толстым произошла в Туле в 1893 году. Она и другие встречи с Л. Н. Толстым описаны в книге «Моя жизнь в искусстве», глава «Знакомство с Л. Н. Толстым». Упоминаемая в письме встреча с Толстым произошла в московском доме Толстого в Хамовниках.

4. Сцены из «Трех сестер»... — «Три сестры» были первой пьесой, написанной Чеховым специально для Московского Художественного театра с расчетом на режиссерские приемы постановки и на артистические силы именно этого театра. Впервые пьеса была поставлена театром 31 января 1901 года; о генеральной репетиции ее 23 дек. 1900 года О. Л. Книппер писала А. П. Чехову: «Вчера была генеральная двух актов, Савицкая писала, что, кажется, К. С. остался доволен».

5. На концертных подмостках Благородного собрания — ныне Дома Союзов в Москве.

6. Вы в Ницце — А. П. Чехов приехал в Ниццу 14 декабря 1900 года, там он дорабатывал пьесу «Три сестры», посылая Художественному театру акт за актом, по мере того, как они были готовы. 16 декабря Чехов отправил пьесу Вл. И. Немировичу-Данченко. «Вчера послал в Москву третий акт пьесы, а завтра пошлю IV» [Из письма к О. Л. Книппер-Чеховой 1900, 17 декабря]. «В III-м я изменил лишь кое-что, а в IV-ом произвел перемены крутые. Тебе прибавил много слов. [Ты должна сказать: благодарю...] А ты за это пиши мне, как идут репетиции, что и как, все пиши».

Письмо 4.

1. Маруся — Мария Петровна Лилина.

2. Вынос тела. — Об этом, по просьбе Станиславского, запрашивала Чехова О. Л. Книппер. — «Я же говорил тогда [очевидно, при первоначальном обсуждении пьесы], — писал ей Чехов 20 января 1901 года, — что труп Тузенбаха проносить неудобно по Вашей сцене, а Алексеев стоял на том, что без трупа, никак нельзя. Я писал ему, чтобы труп не проносили».

Письмо 5.

1. Таганрогская библиотека. — Сюда, по просьбе П. Ф. Иорданова, Чехов направлял книги и фотографии с автографами, о чем писал ему 4 февраля 1902 года: «Третьего дня я послал Вам фотографии. Из директоров Художественного театра, фотографии которых Вы желали иметь, Вы получите пока одного только Алексеева-Станиславского. Карточку Вл. Немировича-Данченко вышлю, когда получу ее сам, что случится, вероятно, скоро».

2. Нила должен играть я. — Роль Нила в первой пьесе А. М. Горького «Мещане» долго не давалась театру. — «Все сцепились за Нила, — писала О. Л. Книппер Антону Павловичу, информируя его о всех подробностях постановки пьесы. — Разбирали, что он такое?.. Как по-твоему?.. Кто будет играть неизвестно». [1901, 29 октября]. — «Нила настоящего нет» [1902, 6 февраля]. Чехов писал по этому поводу: «Удивляюсь, что театр долго возится с «Мещанами». Мне кажется, что вы, актеры, не поняли «Мещан». Лужскому нельзя играть Нила: это роль главная, героическая, она совсем по таланту Станиславскому». Чехов вообще очень интересовался постановкой «Мещан» и особенно ролью Нила, как центральной фигурой пьесы, о чем писал и А. М. Горькому: «Нил сильно сделан, чрезвычайно интересен!.. Нила пусть играет непременно Алексеев-Станиславский» [1901, 20 октября]. Нил был новым героем, который впервые поднялся на русскую сцену. Социальную значимость этого факта не мог не чувствовать Чехов, а потому он советовал: «... роль Нила, чудесную роль... сделать вдвое-втрое длинней, ею нужно закончить пьесу, сделать ее главной»... Из недостатков пьесы Чехов отмечает только один — «недостаток непоправимый, как рыжие волосы у рыжего — это консерватизм формы. Новых, оригинальных людей Вы заставляете петь новые песни по нотам, имеющим подержанный вид; у Вас четыре акта, действующие лица читают правоучения, чувствуете страх перед длиннотами и проч.».

3. Мужичков в пьесах Шпагинского. — В «Майорше», одной из наиболее популярных в свое время пьес Шпагинского, К. С. Станиславский играл роль Корягина — арендатора мельницы.

4. Певчего Тетерева. — Эта роль, как и роль Нила в «Мещанах» привлекала Станиславского, но ее очень хорошо провел Баранов, о чем О. Л. Книппер сообщала Чехову в письме от 25 января 1902 г. По поводу этого персонажа Чехов писал А. М. Горькому: «Тетерев говорит слишком много, таких людей надо показывать кусочками, между прочим, ибо как никак все-таки сии люди суть эпизодические везде — и в жизни, и на сцене» [1901, 22 октября].

5. Баранов Николай Александрович. — О большом успехе его в роли певчего Тетерева, его колоритной фигуре и своеобразной судьбе К. С. Станиславский вспоминает в своей книге «Моя жизнь в искусстве», глава «Мещане».

6. Двойной состав исполнителей — во главе одного был Калужский, во главе другого — Тихомиров. — «Лупим в два состава, — сообщала Чехову О. Л. Книппер. — Оба состава щеголяют один перед другим».

7. Доктора поднесли портрет. — Речь идет о спектакле «Дяди Вани», поставленном 11 января 1902 года, для членов Пироговского съезда. После 1-го акта театру был поднесен огромный портрет Чехова работы художника Браза с надписью: «Художникам — врачам. На память о спектакле для врачей, приехавших на VIII Пироговский съезд. 11/1 1902». Были отправлены также «горячо любимому автору», «дорогому товарищу» две приветственные телеграммы: одна за подписью университетских профессоров и товарищей (Шервинский, Спичарный, Голоушев и другие), другая — за подписью земских врачей глухих углов России. Приветствия докторов очень тронули Антона Павловича: «Такой чести я не ожидал и не мог ожидать, и такую награду принимаю с радостью, хотя и сознаю, что она не по заслугам», — писал он по поводу полученных телеграмм.

8. Омон — Шарль Омон — директор Московского театра фарс.

9. Сын шка — Алексеев Игорь Константинович (1894), сын К. С. Станиславского и М. П. Лилиной.

Письмо 8.

1. Список пьес. — В списке пьес, предлагаемых для просмотра Чехову, заслуживает внимания драматическая поэма Тора Гедберга «Гергард Грим», напечатанная в журн. «Начало» за 1899 г., кн. 3, в переводе Анны Ганзен. Тор Гедберг [род. 1862 г.] — шведский писатель; о поэме его А. М. Горький писал Чехову 5 мая 1899 года из Нижн.-Новгорода: «в 3 книге «Начала» напечатан перевод драматической поэмы Тора Гедберга «Гергард Грим». Чорт их возьми — шведов, какие они талантливые! Если вы не прочитали еще эту вещь, прочтите, ей-богу, она хороша!»

Письмо 9.

1. 4-й акт «Власти тьмы» — с согласия Л. Н. Толстого был подвергнут К. С. Станиславским тщательной переработке. Режиссерский экземпляр пьесы хранится в Музее МХТ.

2. Д-р Альтшуллер Исаак Абрамович [1870—1943] — врач, лечивший Чехова и Толстого; его «Воспоминания о Чехове» см. в газ. «Русские ведомости», 1914, № 151.

3. Тартаков, Фигнеры — известные в то время оперные певцы.

4. Давыдов Владимир Николаевич [1849—1925] — артист Александринской сцены, позднее — Московского Малого театра, пользовавшийся симпатией К. С. Станиславского, один из первых оценивший новые формы чеховской драматургии; он был первым исполнителем роли Иванова. По этому поводу Чехов писал Н. М. Ежову [1887 г.] 27 октября: «Иванова будет играть Давыдов, который, к великому моему удовольствию, в восторге от пьесы, принялся за нее горячо и понял моего Иванова так, как именно я хочу. Я вчера сидел у него до 3 часов ночи и убедился, что это громаднейший художник. Если верить таким судьям, как Давыдов, то писать пьесы я умею. Оказывается, что инстинктивно, чутьем, сам того не замечая, написал вполне законченную вещь и не сделал ни одной сценической ошибки. Из чего проистекает мораль: «Молодые люди, не робейте!»

5. Д-р Рязанцев. — К. С. Станиславский ошибочно называет фамилию доктора Румянцева, который состоял на службе в Московском Художественном

театре с 1902—1925 гг. сначала в качестве доктора, потом актера. В 1925 году уехал в Америку.

Письмо 10.

1. Ушков Константин Константинович — фабрикант, владелец имения Форос в Крыму.

2. Любимовка Вам понравилась — Любимовка — подмосковное имение матери К. С. Алексеева по Ярославской ж. д. Пребывание А. П. Чехова в Любимовке связано с болезнью жены писателя.

Относительно окружения А. П. Чехова в Любимовке дочь К. С. Станиславского К. К. Алексеева сообщила нам следующее: «В Любимовке оставалась в это время бабушка Елизавета Васильевна [отец и мать вместе с нами, детьми, уехали за границу — в Франценсбад, в Чехии]. Недалеко, на другой даче жил Владимир Сергеевич, брат К. С. Жила еще здесь семья Сергея Николаевича Смирнова, женатого на двоюродной или троюродной сестре отца. Они очень дружили с Антоном Павловичем. У них была гувернантка, англичанка Лили, большая приятельница Чехова, некрасивая, небольшого роста, какое-то странное существо, — не мужчина, не женщина, — она постоянно развлекала Антона Павловича, послужив ему прообразом Шарлотты в «Вишневом саду». Вблизи Любимовки, с полчаса ходьбы жила Анна Сергеевна, сестра К. С., часто приходившая сюда. Вернувшись из-за границы, мы не застали Чехова; он уже уехал, а Ольга Леонардовна еще с месяц оставалась в Любимовке, живя в большом флигеле».

В Любимовке Чехов с женой пробыл недолго; истинной причины своего торопливого отъезда он не сказал никому. О ней можно догадываться по письму Антона Павловича к жене из Ялты: «Кровохарканий не было ни разу — здесь в Ялте, в Любимовке же были почти каждый день в последнее время, хотя вес и прибавился» [1902 г., 22 августа]. Самая местность в Любимовке в общем красивая [река, сосны] была сырая, малярийная, что также не могло укрыться от Чехова-врача. Однако свое пребывание в Любимовке Чехов все же считал благотворным для своего здоровья и здоровья Ольги Леонардовны. «В Любимовке мне жилось очень хорошо, — писал он Станиславскому, — лучше жить нельзя... Значит, климат в Любимовке и рыбная ловля [с утра до вечера] оказались целебными для меня, несмотря даже на дожди, какие были все лето». «Ты вспоминаешь Любимовку, — спрашивала О. Л. Книппер Чехова в 1902, 10 октября. — Я как вспомню ее, так на душе тепло станет»... или: «Тебе все-таки приятно вспоминать Любимовку? Я всю мою жизнь не забуду ее»... (1902, 22 августа).

3. Егор — служащий в доме Алексеевых.

4. Дуняша — Копылова Авдотья Назаровна, горничная у Алексеевых.

5. Александр Леонидович — Вишневский.

Письмо 13.

1. Почему Вы так скоро уезжаете? — О причинах этого см. письмо 10, п. 2.

2. Не люблю я заграницы. — По этому поводу О. Л. Книппер писала Антону Павловичу из Любимовки в 1902 году, 20 августа: «Вчера приехали Алексеевы... Страшно рады, что они в России, в Любимовке».

Письмо 14.

1. Выходите из состава пайщиков. — Тревога и опасение К. С. по поводу перемены, якобы произошедшей у Чехова в отношении Художественного театра — охлаждение и удаление от театра — были неосновательны. — «Ничего подобного даже не снилось, ни о чем подобном я не мог подумать даже в шутку», — пояснял Антон Павлович в ответном письме Станиславскому от 1 октября 1902 года. Поводом к волнению К. С. послужило, надо полагать, письмо Чехова к Савве Тимофеевичу Морозову относительно паевых денежных дел. Записываясь в пайщики Художественного театра, Чехов обещал уплатить свой пай (5.000 руб.) в конце года, но вследствие материальных затруднений сделать этого не мог, о чем и сообщал Морозову, находя неловким — быть пайщиком, так ска-

затя, в кредит. Чехов писал только об этом, но «о какой-либо перемене отношений к театру, вообще к делу, которое я люблю чуть ли не со дня рождения, — писал он, — не могло быть ни речи, ни мысли». При личном свидании со Станиславским в Москве Чехов обещал «употребить все свое красноречие, на какое только способен, чтобы рассеять этот пустяк, который нельзя назвать даже недоразумением». О тех же доводах сообщал Антон Павлович и жене: «Я отказался быть пайщиком у Морозова, потому что долга не получил и, повидимому, не скоро его получу или совсем не получу. Быть же пайщиком номинально, по названию я не хочу. Ты артистка, получаешь ты меньше, чем заслуживаешь, и потому ты можешь быть пайщиком в кредит, ну а я нет» [1902, 10 сентября]. О взгляде Чехова на пайщиков театра см. прим. 5 к письму 103 В. И. Немировича-Данченко к А. П. Чехову.

16.

Телеграмма

1. Пьеса Горького — пьеса «На дне».

Письмо 18.

1. Генеральная репетиция «Столпов общества» — пьесы Ибсена; премьера состоялась 24 февраля 1903 года, причем К. С. Станиславский играл Карстена Берника, М. П. Лилина — Бетти.

2. Эллиду — пьеса Ибсена.

3. Были у Черниговской, у Троицы. — Недалеко от Троице-Сергиева посада находился монастырь Черниговской божьей матери, где отдыхали от репетиций и спектаклей К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко. Монастырь был расположен в красивой, здоровой местности, в сосновом лесу; при нем находилась гостиница для приезжающих.

Письмо 19.

1. А. М. Горький и его спутники. — О спутниках Горького по Кавказу К. С. Станиславский упоминает в письме к жене от 16 июля 1903 года, из Ессентуков в Любимовку: «Сегодня у меня приятный день, ко мне приехали гости: Горький, И. А. Тихомиров и Константин Петрович [Пятницкий — один из основателей издательства «Знание»], они рассказывали о своем прекрасном путешествии пешком по Кавказу». «Вот Горький прошелся по Кавказу и освежился настолько, что всю зиму проживет своим путешествием». И дальше в письме от 21 июля: «Горький уехал. Он простудился на Бермамуте и, несмотря на лихорадку, купался в нарзане» [Сообщение Е. Н. Семяновской].

2. Болтаю глупости с Форкатти. — Форкатти Виктор Людвигович [1846—1906] — артист, известный антрепренер, державший летние сезоны на юге, главным образом, на Минеральных водах, в Кисловодске, Ессентуках.

3. ...записал свирель пастуха — по поводу этой записи Чехов ответил: «Ваш пастух [в Любимовке] играл хорошо. Это именно и нужно».

Письмо 20.

1. Бездарным Крыловым — Виктор Александрович Крылов (1838—1906) — драматург, пьесы которого в 90-х годах пользовались большой популярностью.

2. Любошиц Семен Борисович [С. Любош, род. в 1859 г.] — журналист, фельетонист, писавший в «Новостях дня» под псевдонимом «БО».

3. Зинаида Григорьевна Морозова — жена С. Т. Морозова, одного из директоров Художественного театра.

21.

Телеграмма

1. ...Гениального автора. — По поводу этих слов Чехов писал жене 21 октября 1903 года: «Сегодня получил от Алексева телеграмму, в кото-

рой он называет пьесу гениальной; это значит перехвалить пьесу и отнять у нее добрую половину успеха, какой она, при счастливых условиях, могла бы иметь».

Письмо 24.

1. На новой квартире. — Каретный Ряд, против «Эрмитажа», д. Маркова.
2. Очень жаль мать — Елизавета Васильевна Алексеевна [1841—1904 гг.] мать К. С. Станиславского, дочь французской актрисы б. Михайловского театра, Мари Варлей, крестница артиста И. И. Сосницкого.
3. Оставить... с сестрой — Анна Сергеевна Алексеева [1866—1936] — сестра Станиславского, по мужу Штекер — артистка. Играла в любительских кружках, начав с Алексеевского, работала в Обществе искусства и литературы, затем участвовала в постановках МХТ [с 1899—1903 гг.]. В послереволюционные годы работала в кружках самодеятельности в деревне [см. о ней в книге К. С. Станиславского «Художественные записки»].
4. Танцы Манохина — Манохин Н. Ф. — артист Московского Большого театра, преподаватель танцев.
5. Лекция по естественной истории — читал их, как сообщила нам К. К. Алексеева, Сергей Григорьевич Григорьев, преподаватель гимназий в Москве, впоследствии профессор.

Письмо 25.

- 1 ...спихнул «Одиноких» — пьеса Г. Гауптмана.
2. Дом деревянный или каменный. — О том же запрашивал Чехова и В. А. Симов. — «По-моему, каменный!» — писала О. Л. Кишпер Чехову (1903, 2 ноября).

Письмо 26.

1. «Устал, Федор Ильич!» — фраза, взятая К. С. Станиславским из первого действия пьесы Чехова «Три сестры», принадлежит Кулыгину.
2. С. И. Мамонтов — Савва Иванович Мамонтов [1846—1918]. — В истории русского искусства конца XIX в. начала XX в. сыграл большую роль. В своем имени «Абрамцево» под Москвой объединил вокруг себя выдающихся художников (среди них были В. А. Серов, М. А. Врубель, В. М. Васнецов). В 1885 г. организовал в Москве частную оперу, где был поставлен ряд опер Н. А. Римского-Корсакова, Мусоргского и др. В 1895 г. Мамонтов пригласил в свою оперу молодого Ф. И. Шаляпина и в качестве дирижера С. В. Рахманинова.
3. Сулержицкий Леопольд Антонович [1872—1916] — см. в настоящем «Ежегоднике» статью К. С. Станиславского: «Воспоминания о друге» и примечания к ней.

Письмо 27.

1. Из письма Вашего я чувствую — «Когда я писал Лопахина, — пояснял Чехов, — думалось мне, что это Ваша роль. Если она Вам почему-либо не улыбается, то возьмите Гаева. Лопахин, правда, купец, но порядочный человек во всех смыслах, держаться он должен вполне благопристойно, интеллигентно, не мелко, без фокусов, и мне вот казалось, что эта роль, центральная в пьесе, вышла бы у Вас блестяще». Несмотря на это, К. С. Станиславский остановился на роли Гаева, имел успех и «получил на репетиции похвалу от самого Антона Павловича Чехова — за последний, финальный уход в 4-м акте» [К. С. Станиславский «Моя жизнь в искусстве»].

Письмо 28.

1. Сергей Саввич Мамонтов — сын Саввы Ивановича [умер в 1916 году] — писатель и драматург, корреспондент газ. «Русское слово», автор воспоминаний о Чехове — «Две встречи с Чеховым» [газ. «Русское слово», 1909, 2 июля.

№ 150]. К сообщению К. С. Станиславского о поездке Мамонтова в Японию Чехов отнесся иронически: «поехал в Японию для «Русского листка»? Лучше бы он поехал на луну поискать там читателей «Русского листка», — на земле их чет... Вот если бы он поехал в Японию для того, чтобы написать и издать книгу об Японии, то это было бы очень хорошо, это наполнило бы всю его жизнь» [Из письма 1903, 10 ноября].

2. У Сапожникова — Владимир Григорьевич Сапожников, двоюродный брат Станиславского, известный в то время фабрикант. В доме его у Красных Ворот в домашнем спектакле 18 марта 1879 года состоялось третье по счету сценическое выступление Станиславского [см. книгу К. С. Станиславского «Художественные записи»].

3. 3 и 4 акты в одной декорации — по этому поводу Чехов писал: «можно одну декорацию, именно с передней и лестницей. Вообще, пожалуйста, насчет декораций не стесняйтесь, я подчиняюсь Вам, изумляюсь и обыкновенно сижу у Вас в театре, разинув рот, Тут и разговоров быть не может; что Вы ни делаете, все будет прекрасно, во сто раз лучше всего того, что я мог бы придумать» [Из письма 1903, 10 ноября].

4. Епиходов, Дуня — могут сидеть при Лопахине? ... — По этому поводу А. П. Чехов дал такие пояснения: «Дуня и Епиходов при Лопахине стоят, но не сидят. Лопахин ведь держится свободно, барином, говорит прислуге ты, а она ему — вы» [Из письма 1903, 10 ноября].

5. Великого князя — Сергей Александрович Романов (1857—1905), с 1891 г. московский генерал-губернатор. Убит 4/II 1905 г. революционером И. П. Каляевым.

Письмо 29.

1. Дорошевич Влас Михайлович [1864—1922] — журналист, «король фельетонистов», как его называли, сотрудник газет «Русское слово», «Новости дня», «Петербургская газета», «Одесский листок», «Россия» и друг.

2. ... Работают энергично. — О том же сообщала Чехову и О. Л. Книппер: «Все с таким наслаждением, с такой радостью приходят на репетиции, что передать тебе не могу. Точно праздник, а не репетиция», [1903, 11 ноября].

3. ... нашел что-то подходящее для Гаева. — «Станиславский будет очень хороший и оригинальный Гаев», — писал Чехов жене 30 октября 1903 года.

4. Богданов-Бельский Николай Петрович [род. 1868] — художник-жанрист и портретист, член Товарищества передвижных художественных выставок [с 1895 по 1918]. Для фойе МХТ написал и подарил портрет Артема.

Письмо 31.

1. Учительница детей — Сулова. О ней О. Л. Книппер сообщала Чехову 16 ноября 1903 года: «А знаешь — учительница у Алексеевых, с которой сделался удар, сегодня умерла. Слава богу! А то каково бы ей было жить, парализованная, без работы, без денег».

2. Я пока играю Гаева. — Распределение ролей в «Вишневом саду» было предметом больших споров: «страсти разгораются в труппе из-за ролей в «Вишневом саду», — как сообщала О. Л. Книппер Чехову. — «Я смеюсь — такой миролюбивый, тихий человек, как ты, и возбуждаешь такие острые страсти». Окончательное распределение ролей большинством голосов Правления было таково: Лопахин — Леонидов, Гаев — Станиславский, Трофимов — Качалов, Епиходов — Москвин, Раневская — Книппер...».

Письмо 33.

1. ... пропустить поезд с дымочком. — Против желания К. С. Станиславского показать поезд вдали Чехов не возражал: «Если поезд можно показать без шума, без единого звука, то валяйте!» [1903, 23 ноября]. Отно-

сительно других сценических подробностей [сенокос, коростель и проч.] пояснял, что «сенокос бывает обыкновенно 25—26 июня, в это время коростель, кажется, уже не кричит, лягушки тоже умолкают к этому времени. Кричит только иволга» [1903, 23 ноября].

Письмо 34.

1. Штокман — пьеса Ибсена «Доктор Штокман».
2. Ермолова Мария Николаевна [1853—1928]. — «Это целая эпоха для русского театра, — писал о ней К. С. Станиславский. — Это символ женственности, красоты, силы, пафоса, искренней простоты и скромности». К Художественному театру с первых лет его деятельности относилась сдержанно, затем это отношение сменилось другим: в 1903 году открыто признает победу молодого театра. — «Что делать... — писала она А. Л. Вишневскому, — Я начинаю делаться горячей поклонницей Художественного театра». Еще недавно относившаяся отрицательно к драматургии Чехова, Ермолова с большим волнением, видимо, переживала чеховские спектакли. — «Вчера на «Дяде Ване» была Ермолова. Играли со смаком, вызывали много, и Ермолова была в восторге», — сообщала О. Л. Книппер Чехову 24 ноября 1903 года.
3. Веселовский Алексей Николаевич — см. прим. к письму 13 В. И. Немировича-Данченко к Чехову.
4. Серебрякова-Лужского — см. письмо 55 В. И. Немировича-Данченко к Чехову.

Письмо 38.

1. Карету с Иверской — икона Иверской божьей матери, особенно чтимая в Москве; богатое купечество имело обыкновение приглашать духовенство с этой иконой к себе на дом.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕПИСКЕ М. П. ЛИЛИНОЙ с А. П. ЧЕХОВЫМ

Прекрасным дополнением к переписке К. С. Станиславского с А. П. Чеховым являются письма к нему Марии Петровны Лилиной. Количество их не велико, но затрагиваемые в них формы значительны.

Прошедшая весь свой жизненный и творческий путь вместе с К. С. Станиславским, верная помощница во всех его театральных исканиях, М. П. Лилина не могла не почувствовать и не признать правды и поэзии Чеховского театра, не могла не оценить неизменно крепкой, прочной и дружеской связи писателя с художественными руководителями и коллективом МХТ. Чуткая ценительница таланта Чехова, Лилина поняла всю глубину чеховских образов.

Письмо 2.

1. ... В Костином письме — письме К. С. Станиславского.

Письмо 4.

1. Вишневский — помимо артистической деятельности заведывал хозяйственной частью в театре.

Письмо 6.

1. У Киры — Киры Константиновны Алексеевой.
2. Игорь — Игорь Константинович Алексеев.

Письмо 8.

1. Так ли я говорю: «Прощай, дом»... — по поводу этих слов в пьесе «Вишневый сад» Чехов писал: «Вы говорите именно так, как нужно» [1904, февр.] ✓

Письмо 9.

1. Высылаю пьесу — пьесу П. М. Ярцева «У монастыря».
 2. Переттой — Перетта Александровна Калужская, жена артиста В. В. Лужского.
 3. Суреньянец В. В. — художник-декоратор.
 4. Мария Федоровна — Желябужская-Андреева.
-